

Ёкав
Екатерина Ивановна Дедык

ЖИЗНЬ
прекрасна
всегда

(судьба чавчувенки)

*Работа с письмами,
составление сборника,
предисловие Т.А. Голованевой*

2016 г.

УДК 94(571.661)(044)
ББК 63.3(2Рос-4Кач)
Д26

Дедык Е.И.

Д26 Жизнь прекрасна всегда (Судьба чавчувенки) /
Е.И. Дедык, текст / Сост., предисл. Т.А. Головане-
вой. – Петропавловск-Камчатский, 2016. – 216 с.

ISBN 978-5-9908193-0-6

В книге собраны письма корякской журналистки Е.И. Дедык. В личных воспоминаниях отражена судьба целого поколения северян, родившихся в начале 30-х годов XX века. Екатерина Ивановна искренне рассказывает о событиях своего детства и юности. Отдельная эпоха жизни – учеба в Ленинграде и встреча с преподавателями ЛГПИ им. А.И. Герцена, многие из которых посвятили всю свою жизнь культуре северян: Татьяна Федоровна Петрова-Бытова, Лев Васильевич Беликов, Петр Яковлевич Скорик, Татьяна Александровна Молл. В личных воспоминаниях Е.И. Дедык люди, ставшие легендой, предстают абсолютно реальными.

Много страниц этой книги посвящено дружному коллективу Дома Радио. С благодарностью и глубоким уважением пишет Екатерина Ивановна о своих коллегах, журналистах окружного радио Корякского автономного округа.

УДК 94(571.661)(044)
ББК 63.3(2Рос-4Кач)

Изготовлено и отпечатано: ООО «МС»,
394043, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Луначарского, д. 30.

ISBN 978-5-9908193-0-6

Заказ №1972. Тираж 100 экз.

Предисловие

История Корякского автономного округа складывается не только из официальных дат и событий. История округа – это судьбы людей, населяющих его.

Установление советской власти на Камчатке, первые школы для маленьких северян, встречи с учеными-североведами, работа окружного Дома Радио – все эти события жизни округа непосредственно коснулись судьбы Екатерины Ивановны Дедык, повлияли на историю ее семьи. С благодарностью и теплотой вспоминает Екатерина Ивановна односельчан и учителей.

Практически всю свою жизнь Екатерина Ивановна живет в поселке Палана Камчатского края. Эта книга состоит из небольших писем-воспоминаний.

Единственный способ воскресить прошлое – воссоздать его в тексте. Каждый текст – взгляд в ту эпоху, которая для читателей XXI века становится полумифической.

Свидетели времени неизбежно покидают этот мир, но если остается текст, то остается возможность осмысления исчезнувшего мира и встречи с ним.

Радости и тревоги охватывают человека, но потом безвозвратно, навсегда исчезают и воскресают только в его памяти. В редких случаях воспоминание переходит в письменный текст. А письменный текст – явление уже вневременное.

Феномен письменного текста состоит в его способности противостоять необратимости времени, сохранять человеческие мысли и эмоции вне времени и пространства.

Мы привыкли к письменным текстам и воспринимаем их как нечто обиходное. Вопреки нашим представлениям, тексты живут своей жизнью, у них свое предназначение и своя судьба, какая – предугадать невозможно.

Екатерина Ивановна Дедык в своих письмах вспоминает о детстве, юности, об учителях, о работе в Доме Радио, о жизни поселка. Это личные воспоминания, но из них складывается портрет времени, портрет округа

В памяти Екатерины Ивановны мир прошлого насыщен подробностями. Ее судьба, с одной стороны, уникальна, а с другой – типична для северян, родившихся в начале 30-х годов XX века.

Течение жизни неостановимо. Яркие детские воспоминания Екатерины Ивановны Дедык, насыщенные непосредственностью восприятия, увлекают в мир, знакомый каждому – это мир детства.

На смену детским годам приходит юность – и опять вместе с Екатериной Ивановной мы ощущаем радость бытия, мечты юности, знакомимся с Ленинградом. Вслед за юностью закономерно приходит другой жизненный период. Наша героиня возвращается домой, в Палану, выходит замуж, появляются дети. И вот она уже мама четверых сыновей. Новые заботы, но и новые радости. И снова все ново: первенец, малыши, школа.

Отдельную главу жизни Екатерины Ивановны составляют воспоминания о работе в Доме Радио. Труд журналиста – истинное ее призвание. Быть свидетелем времени, замечать интересных людей, искать к ним подход, готовить интервью, – все это наполняло

профессиональную жизнь смыслом и радостью, поэтому так дороги Екатерине Ивановне воспоминания о коллегах, о первых, еще неустроенных годах работы окружного радио, о радиоспектаклях, о буднях и праздниках родного дома – Дома Радио.

Незаметно подходит самый сложный период жизни – старость, когда вдруг, совершенно неожиданно наваливается бессилие и отчаяние. В голове столько планов, столько еще не воплотившихся до конца мечтаний, но сил на их воплощение уже нет. Есть только образы-воспоминания, есть сны, есть слова, которые сплетаются на бумаге в тексты.

Повседневный мир с его суетой, движением как будто бы сам вытесняет немощного, старого человека на обочину. И воспоминания заполняют сознание и снова увлекают в мир детства, юности, зрелости.

Каким мужеством, каким внутренним оптимизмом должен обладать человек, чтобы в 83 года назвать свою книгу «Жизнь прекрасна всегда». Даже тогда, когда инсульт наполовину парализовал тело, когда ни ноги, ни руки не слушаются и висят как ватные, когда нет сил самостоятельно сделать несколько шагов по квартире.

Воспоминания Екатерины Ивановны Дедык удивительно правдивы. И эта внутренняя честность поражает своей силой. Признав свою старость и неизбежность ухода, наша героиня нашла в себе силы победить отчаяние и начать писать. Писать, чтобы не стерлась во времени реальная человеческая история.

Вот она перед нами – судьба маленькой северянки, родившейся на просторах Воямпольской тундры Камчатского полуострова на заре советской эпохи.

Голованева Т.А.

Автобиографическая справка

Я родилась в 1932 году в тундре во время кочевки недалеко от села Воямполка. До замужества мое имя в паспорте было записано так: *Наривлич Ёкав Ивановна*. В школе как записали по фамилии отчима, так и осталось. По родному отцу я *Чечулина*, так что наполовину чавчувенка, наполовину нымыланка. Христианское имя мое – *Катерина*.

Восемь лет, с 1950 по 1958, я училась в Ленинграде. Первые три года – на подготовительном отделении. Это равносильно окончанию десятилетки.

А затем пять лет вуза. Закончила Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, факультет русского языка и литературы, получила специальность преподавателя родного (корякского) языка и литературы. Хорошую школу прошли мы в северной столице. Нашими преподавателями были известные североведы: Петр Яковлевич Скорик, Татьяна Александровна Молл, Лев Васильевич Беликов.

В 1958 году вернулись с подружкой из Ленинграда в Палану, и началась новая жизнь. Подруга устроилась преподавать в школу. А я пошла работать на окружное радио и стала журналистом. Обзавелась семьей. Стала носить фамилию мужа Дедык. Один за другим родились у нас четверо сыновей. Сейчас я бабушка семерых внуков. Уже есть внучка и правнучек.

Больше сорока лет я проработала на нашем окружном радио. По долгу журналистской службы бывала в разных поселках Корякского автономного округа. В течение нескольких лет была создателем и ведущей цикла радиопередач «Поговорим по-корякски». Награждена знаком «Отличник Всесоюзного радио и телевидения», являюсь членом союза журналистов СССР и лауреатом премии им. С.Н. Стебницкого. Работа на окружном радио всегда была для меня счастьем. Оглядываюсь на свою уже прожитую жизнь и начинаю вспоминать события детства, нашей студенческой юности, первые годы работы окружного радио. Неужели все это было с нами?..

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Памяти моих бабушки и дедушки

*Записала внучка Ёкав
(по-христиански Катерина),
для всех родных просто Ава*

В очень далекие времена была семья в Корякии: коряк Яйлылкэв и жена его – чукчанка. В этой семье родилась маленькая девочка, наполовину корячка, наполовину чукчанка. Она была худенькой, рослой. Отец ее просто обожал. Куда бы ни шел, всегда брал с собой. Так, однажды отец Яйлылкэв собрался за дровами. Девочка быстро позвала своих подруг в тундру. Была ранняя весна, уже появились проталины. Весной ребяташки любили побегать по этим проталинам, вдоволь накушаться промороженной сладкой брусники, с кедровника пособирать высохшие, очень вкусные шишки. Яйлылкэв, мой прадед, хорошо знал, что в тундру без оружия ходить нельзя. Он всегда брал с собой копьё. Вот какие еще древние обычаи коснулись нашей современной семьи, живущей уже в XXI веке!

Яйлылкэв нашел хороший кедровник и начал рубить дрова. А девочки весело носились по тун-

дре. Посидят у проталинки, поедят брусничку и бегут на другое место. Моя бабушка (тогда еще девочка) вдруг оглянулась, поглядела вдаль и заметила, что прямо на них очень быстро бежит огромный, непонятный зверь. Бежит так быстро, что вот-вот настигнет девочек. Бабушка в эти мгновения даже успела разглядеть сильно выгоревшую шкуру медведя с гремящими, ярко блестящими на солнце висюльками-льдинками.

– Девочки, скорей ложитесь за мной, – громко крикнула подругам.

И они легли. Бабушка впереди раскинула руки, девочки тоже. Замерев, они ждали, что будет дальше. К ним приближался страшный зверь: медведь-шатун. Он подошел настолько близко, что бабушка, совсем еще маленькая девочка, увидела в его широко раскрытой пасти страшные пожелтевшие клыки. Бабушка напрягла все силы и крикнула одно слово:

– Яйлылкэв!!!

Прадед, отец бабушки, как олимпиец с копьем, прибежал мгновенно. Он вонзил копьё прямо в пасть медведю.

Только к старости я стала задумываться: а если бы прадедушка не успел убить шатуна? Тогда не было бы продолжения нашего рода.

Мы с братом просили бабушку рассказать нам эту историю о встрече с медведем. Просили снова и снова. И бабушка с удовольствием начинала рассказ, каждый раз еще подробнее. Она была рада,

Моя мама (Марина Якимовна Кавав, по мужу Чечулина), еще совсем молодая. За маминой спиной – стены нашего первого деревянного жилища из тополя (фото Лукашкиной Татьяны Петровны).

что предания старины переходят к внукам. Да и мама была для нее всегда девочкой. Мама, занимаясь своими делами по хозяйству, нет-нет, да и включится в разговор совсем не по теме:

– Мама, завтра опять на огород, а где...

Бабушка тут же замолкала и говорила:

– Ну, все, больше не буду рассказывать, мама перебивает меня.

Ну, мы уже на маму:

– Мама, не мешай, видишь, бабушка обиделась, не перебивай больше!

Бабушка продолжает рассказ о страшном случае. Мы уже почти наизусть знаем, но еще раз просим повторить эту интересную историю.

Бабушка потом начинала вспоминать другие истории из своей жизни.

Они вдвоем с дедом, ее отцом, пешком прошли всю Камчатку с севера до юга. Она с такой гордостью говорила: «А мы были в гавани». Мы с братом не понимали, что это за слово «гавань».

– Если бы вы знали, что мы видели! На юге необычные леса, по стволу текут капли смолы. А каких птиц разных встречали! Какие они пестрые, и крик у них особый! – и бабушка старалась изобразить птичий крик: «иаи–иаи».

Она говорила:

– У отца была какая-то бумага. Он показывал эту бумагу, и нас везде пропускали.

Наверно, это какой-нибудь пропуск. Где-то они повстречали японцев на большой рыбной ловле:

– Они плывут по реке и поют вот такую песню, – и бабушка начинает исполнять запомнившуюся мелодию.

– Японцы – страшные люди, – продолжала рассказ. – Наловят рыбы, а на берегу большие котлы уже с рисовой кашей. Как напьются, начинают драться.

Бабушка была совсем неграмотная, но у нее все было в памяти. Она сама рубила дрова, очень хорошо выделявала шкуры. Жесткая шкура становилась воздушной. Когда бабушка сидела за

станком для выделки шкуры, я всегда смотрела на ее руки. Они у нее были как будто изломаны: пальцы были повернуты в одну сторону, а на локтях какие-то мягкие шишки. Это, наверно, болезнь костей. Но бабушка на это совсем не обращала внимания.

У нас в хибарке одни шкуры, кругом шерсть, и печка-развалюха. Бабушка была очень аккуратной, все время стряхивала с себя налипшую шерсть. Каждый день выносила на улицу все наше «богатство»: шкуры, какую-нибудь утварь, – чтобы все проветрить, а вечером палкой выбивала все, что вынесено на улицу утром. С едой тоже была привередлива. Мама принесет какое-нибудь угощение, бабушка прежде спросит:

– Марина, кто тебе дал?

Мама ответит:

– Это Ульяна передала.

– Вот эту еду я буду есть. Ульяна – аккуратная женщина.

Другой раз маму угостит Накана. Бабушка вежливо скажет:

– Марина, неси назад, им и так есть нечего.

Мама про себя смеялась, иногда сердилась.

Не дай бог, если сестру двоюродную заставлю со мной печь лепешки. Бабушка по слуху определяла, что сестра тоже участвует в приготовлении еды. Тут же вымолвит:

– Ава (она всю жизнь называла меня таким именем), не надо Настю заставлять, сама лепи.

А я глазами показываю: давай помогай, не слушай бабушку.

А за столом, ну прямо «дворяне». Совсем низенький стол, нехитрая еда: чай, сахар, хлеб, иногда юолка. Тут надо есть молча, не чавкать, не шуметь. А я, баловница, закрою глаза и стараюсь есть, как слепая бабушка. Мама ударит по руке: прекрати!

В общем, бабушка воспитывала нас троих: брата, меня и малышку Валю.

Мой отец очень рано умер, и остались одни женщины. Братишка подрос, стал настоящим помощником.

Еще маленькими мы с братом Иваном дрались по всякому случаю. Он всегда побеждал. И однажды бабушка сказала:

– Дети, это плохая примета, когда-нибудь расстанетесь на долгие годы и будете очень скучать друг по другу.

Так и получилось. После 7 класса меня послали в Ленинград на целых восемь лет. А он поступил в педучилище, был чемпионом в вольной борьбе на Камчатке.

В одно и то же время мы прибыли домой, такая была радость маме, что, наконец, вернулись дети. А бабушка за год до нашего приезда умерла. Просто легла вечером, чаю попила из блюдца и все. Мама рассказывала:

– Бабушка очень скучала по тебе, иногда ночами плакала.

Всю свою жизнь жалею о том, что не успела после Ленинграда свидеться с бабушкой. Всего один год она не дождалась меня. У нее были болезни, но она никогда не жаловалась, терпела и прожила 90 с лишним лет. Как ни странно, но она не учила нас каким-нибудь колдовским учениям, но *нинвиту*-черти у нее в мыслях существовали. Чуть занемогу, бабушка возьмет сухую соломку и уголек чуть горячий, проведет с головы до ног, скажет слова: «Пей (*уходите*), *нинвиту*» – и выкинет на улицу. Вся болезнь прошла, бабушка рада.

Еще учила нас:

– Если не хочется идти в школу, то не ходите, а то что-то плохое может случиться.

Хитрый братишка запомнил и начал этим частенько пользоваться.

– Бабушка, мне что-то не хочется идти в школу.

– Не ходи, внучек, а то что-нибудь случится.

Наконец, я не выдержала и сказала ему:

– Зачем бабушку обманываешь? Тебе просто лень в школу идти!

И тут начинается наша очередная драка.

Жаль, что нет фотографии бабушки. Но вот ее словесный портрет: мочки ушей несколько раз разрывались от тяжести самодельных украшений, но потом заросли и выглядели как разрезанные. На переносице красивого прямого носа остались небольшие татуировки. Это ее мама-чукчанка оставила какие-то небольшие голубоватого цвета знаки.

Бабушка после развода больше не выходила замуж. Смешная история произошла в Воямполке. Там был старик Куккунит, который посватался к бабушке. Она дала ему срок: целый год он должен был помогать нашей семье по хозяйству, возить дрова и выполнять другие работы.

Мама с папой научили перед приходом жениха напевать шутивную песню и приговаривать:

– Бабушка! Вон идет Куккунит, наш будущий папа!

И общий смех.

– Прекратите!

Прошел год. Приходит жених, а бабушка просто сказала:

– Куккунит, я передумала, не хочу идти замуж.

Так и осталась бабушка с нами. Все силы она отдавала нам с братишкой. Каждую минуту она была рядом. Без бабушкиной помощи маме было бы очень трудно вырастить нас. Да и мы стали бы совсем другими.

Наша семья жила очень бедно, все время не хватало еды, но благодаря бабушке Экэк мы были окружены заботой и любовью. Не только ее любовью к нам, но и ее любовью к жизни, к природе, к рассказам о прошлом.

Сейчас я думаю, что в чем-то наше детство было очень богатым, и это то богатство, которое не растворилось со временем, а продолжает поддерживать меня и сейчас.

Моя семья

В тридцатые годы в Воямпольской тундре содержали семейные стада. Одно из них принадлежало деду Альвачу. Он был очень добрым, работающим. Его жена, бабушка Кляан была бездетной, поэтому все племянники с семьями жили с ними в одной большой юрте. В стойбище Воямпольки дедушкина семья была многочисленной. Очень много было внуков. Жизнь была похожа на маленькое государство, где главным был дед Альвач. Все были при деле, а руководил всеми делами сам дед: мужчины ловили рыбу, следили за оленями, женщины собирали лесные богатства: ягоду, черемшу, кимчигу, сарану, сушили на зиму траву, чтобы оленеводы имели всегда стельки сухие для обуви. В общем, работа кипела.

Мой папа Омке (Иван) был очень веселым парнем. Папа из близнецов, родом из Карагинского района. Его брат-близнец Эгылнын, в переводе с корякского – «волк», прожил дольше, чем папа. Старшая сестра их, Коян, часто мне говорила: «Запомни, племянница, что мы из Карагинского района, из рода Чечулиных». Так что моя фамилия родная Чечулина, значит, мы из рода береговых коряков-нымылан.

По облику дяди Эгылнына можно определить его происхождение. Он был красивым, только ростом не вышел, совсем небольшой. Как братья

сохранились, не знаю. Дело в том, что в старину рождение близнецов у коряков и ительменов было очень редким, чуть ли не сверхъестественным. Объясняли, что один близнец не должен жить, потому что он от волка. Наверно, дядю поэтому и называли Волком, Эгылнын по-корякски «волк». По-русски его звали Василием. Дядя очень огорчился, что брат Омке рано умер:

– Лучше бы я, а не он.

– Не надо, дядя, так говорить, хорошо, что ты живой.

Из пенсии обязательно одарит немного деньгами. Это вот в шестидесятые годы, совсем недавно.

Папа мой был веселым юношей, к нему просто липли девушки. Веселый балагур, красивый парень. Но он обратил внимание на мою маму, совсем еще девчонку, с длинными густыми черными косами, бабушкину любимицу. У них была своя меховая палатка. Маме, наверно, было 16 лет, когда папа взял ее в жены. Находясь в табуне, папа часто внезапно приходил в стойбище к любимой жене Марине.

Дед Альвач над ними подшучивал:

– Омке, ну что ты как угорелый влетаешь в чум, смотри, подпорки с чума уронишь. Никуда не денется твоя Марина.

Мама потом говорила мне:

– Ава (так ласково звала меня мама, и до сих пор иногда меня кличут Авой), когда вышла замуж, мне так хотелось покататься с горок, где мои подружки резвились.

Потом папа забрал маму в табун. Она уже была на сносях. Еще очень наивная девочка, не знала, что скоро должна рожать. Только поставили юрту, настелили веток, и мама разродилась. Буквально выронила на ветки малышку. Трясущимися руками тетя Ульяна кое-как отрезала пупок. Ульяна – первая жена моего дяди Трифона. Быстро надели на малютку меховой комбинезон и уложили в полог. Началась радостная суматоха:

– У Омке родилась дочь!

А папе очень хотелось сына.

– Ну, ничего, Омке, потом будет сын, – весело успокаивали молодого отца.

На улице уже женщины разделявали жирного оленя. Быстро сварили кровяной суп, чтобы у роженицы появилось молоко. А сперва тетя Ульяна кормила меня грудью, у нее тоже недавно родился сынок, мой двоюродный брат Эвьяйле.

Потом мы оказались в поселке. Папа стал работать в сельском совете, он подучился писать, считать. Стал грамотным по тем временам человеком. 1932 год – люди стали учиться.

Мама была очень ревнивая, потому что папу очень все любили. Веселый, вечно везде бывал, в общем, наверно, любил веселых девушек. Если задержится где-нибудь, утром в избенке начинался домашний театр. Начиналась погоня за папой, а он, ловкий, вокруг стола с хохотом носится, за ним бежит мама, за мамой бабушка. А я сижу тихо в углу и не могу понять, что это за беготня. Потом объяснения папины:

– Ты знаешь, мы вчера выпили, и мне не хотелось пугать детей.

И вот доверие к отцу закончилось. Теперь я, как хвост, за ним везде: вот идет на работу, и я за ним тоже иду, не отставая. Однажды, видимо, задела ветку у кочки, папа быстро оглянулся и с такой ласковой и жалостью произнес:

– Ах, ты, моя маленькая, ты давно за мной идешь? Это мама послала?

Придя домой, подробно рассказываю, как папа работал, в общем, была разведчицей. Мама меня отпускала с ним, даже если папе нужно было ехать в какой-нибудь табун:

– Омке, с тобой поедет дочка, – просто говорит мама.

Отец, усмехаясь, соглашается. Вот одну такую поездку никогда не забываю. Картина перед глазами: мы на лошади, папа привязал меня платком к себе, и мне очень удобно, я его так крепко обхватила. Было лето, тепло, и мы вдвоем по морскому берегу едем. Ветерок, морской шум, на земле красуются разноцветные камни, ракушки. Едем почти молча, только иногда папа проверит, правильно ли я сижу. Вот и дошли до стада. На костре уже что-то в котлах варится, много чайников подвешено:

– Будешь чай пить?

– Нет, – отвечаю, а сама все внимание обращаю на папу.

– Доченька, давай садись, побудем, потом поедем к маме, – очень ласково говорит мне.

– Я ничего не хочу, поедem к маме.

Даже не заночевав, вынуждены вернуться.

Тут уж я как разведчица подробно рассказываю, как на коне ехали, кого встретили в юрте. А маме очень хочется узнать, какие там были тети. А я как взрослая старалась говорить:

– Мама, тетя меня угощала мясом, но мне не хотелось есть ничего. Мне было скучно, я хотела домой.

Вот какой мой папа. Мой сын, Марк, Катин отец, очень похож на деда. Тоже любит поболтать, в общем, характер веселого человека. Марина, его жена, тоже очень ревновала, поэтому и разошлись. Гены – ничего не поделаешь.

Папа рано ушел от нас. Я хорошо запомнила его, лежащего в палатке. Бегаю, не понимая о смерти, только подойду, приоткрою закрытое лицо. Видимо, у него было высокое давление, потому что из носа вытекала кровь.

Итак, мы остались одни. О маме-вдове быстро узнали в других стойбищах, и за нами приехал мужчина. Забрал всю семью в Верхнюю Палану-Кочевую. Мужчина оказался извергом, драчуном. Что только мы не испытывали от пьяного человека. Мама быстро ушла от него.

А потом появился старичок-эвен по фамилии *Наривлич*. Каким образом мама согласилась за старикашку? Его дочь – ровесница маме. Мы были еще малы, не могли противостоять замужеству. Родились еще дети: Ваня и Валя. Он ничем не помогал, как была мама одинокой, так и осталась.

Переезд в Палану

Аше стойбище – очень красивое место. Такая природа! Тополиные рощи. Тут и там виднеются уютные семейные юрты.

Переезд в Палану произошел в 1939 году. Как-то просыпаемся: мы одни, жителей нет. Оказывается, многие снялись с места. Кто на плотах, кто на лошадях. Все ушли в Палану. Наша семья: бабушка, мама, братишка, новорожденная девочка и я. Мама сказала бабушке, что она знает дорогу в Палану. Собрали скарб: немного продуктов, собаку со щенятами, готовые сухие жерди для палатки, за спиной у мамы висит мешок травяной с лялькой – вот и все.

Сначала идти было очень интересно, часто останавливались на ночлег, подальше от гор, чтобы обзор был хорошим. Иногда нас догоняли люди с обозами на лошадях. Но утром они быстро запрягали лошадей и уходили. А мы так и шли пешком. Уже стали уставать, хныкать, поэтому еще засветло останавливались на ночлег. Мама быстро ставила хижину, соединяла жерди, а сверху накрывала их дырявой тканью от старой палатки. Сверху на жердях вешала красный лоскуток.

– Мама, зачем это?

Она отвечала нам:

– Чтобы прохожие знали, что мы – советские люди.

Наверное, где-то на собрании слышала об этом. Вот уляжемся в шалаше-вигваме на сухую землю. Я помню, что очень боялась муравьёв. Вечером через дырочку в ткани рассматривала красивое небо, всё в звездах. Почему-то в пути нас ни разу не застал дождь. Так мы двигались целый месяц. Мы очень устали. Где-то на долгом, крутом подъеме я решила: всё, дальше не пойду! Уселась, поджав коленки, у большого березового корня. Мне так хорошо, чуть-чуть дует теплый ветерок. Лес весь в зелени. Я уже почти засыпаю, но слышу мамин ласковый голос:

– Ава, доченька, где ты! Откликнись, а то скоро стемнеет.

Я упорно молчу, потому что мне никуда не хочется идти.

– Ах, вот где ты! Доченька, потерпи. Поднимемся, а потом будет спуск. Ты знаешь, куда мы идем? Там увидите диковинных зверей – свиней.

Ну всё, теперь у меня есть цель, надо идти.

– Мама, скоро дойдем?

– Да, да. Еще чуть-чуть и вы увидите большое село, там много интересного!

– А когда увидим свиней?

– Скоро-скоро. Еще чуть-чуть. Надо пройти болото, а там мы будем на месте.

Наконец через месяц добрались до Паланы. Нас уже собирались искать. В Палане сначала поселили в палатках. Начался какой-то мор, многие дети погибли. Сестреночка грудная тоже умерла, а брата положили лечиться. Мама забрала его из больницы,

потому что он там ничего не ел. Принесла скелет домой. Еле выходили. Об этой эпидемии почему-то я нигде после не читала. Что за болезнь появилась у переселенцев? Коренные дети в Палане не болели. Болели переселившиеся. Очень многие семьи тогда потеряли своих детей.

Школа в Палане

С од 1940. Нас отправили в школу, записали наугад:

– Да эта Наривлич! А он Кихляп!

Хотя, по-настоящему, должны были записать меня Чечулиной.

В подготовительном классе нас было девять человек.

Сегодня для меня очень грустный день – ушла моя одноклассница Елена Бойко (Солодякова). Она жила рядом. Мы часто созванивались. Все время меня успокаивала:

– Катя, держись!

Так что из класса осталась я одна. Все друзья в ином мире. Ну что ж, на все Божья воля.

А тогда мы пришли в класс в кухлянках, в своей родной одежде.

Озорные, любопытные. Почитай «Школа на тундре» С.Н. Стебницкого. Это мы. Не знали ни одного русского слова, учебу начали на разных языках.

У нас был прекрасный букварь, в нем отражена наша жизнь. Картинки, такие родные, напоминали нашу жизнь в Кочевой.

Первое прочитанное мною слово было «ут-ту». Под этим словом – рисунок: кучка веток. «Ах, вот как надо читать, ведь интересно по буквам узнавать прочитанное!»

Первым моим слушателем стала бабушка. Вечером открываю букварь и громко с напевом начинаю читать:

– Вот, бабушка, прочту про Эвныто.

– Нет-нет, не надо это. Эвныто давно умер. Вечером об умерших не вспоминают.

На другой вечер то же самое. Мне смешно, что бабушка боится мертвых. Бабушка часто маме говорила:

– Марина, мне не хочется быть на кладбище среди мертвецов.

Потом, через много лет, бабушку сожгли по нашему обычаю, как она и хотела.

У нее с молодости было приготовлено особое погребальное одеяние. Красивая, украшенная кухлянка, торбаза особого кроя. Кухлянка с длинным шлейфом, мешочки. Мы с братом таскали все это по кусочкам. Бабушка ругала нас, но бесполезно.

Подготовительный класс закончили с подружкой Верой, получив похвальные грамоты. До сих пор вижу лист с золотыми буквами, оценки одни «отлично». А потом сразу перевели во второй класс. Я совершенно не понимала русского языка. В домашних заданиях наугад ставила недостающие предлоги (это сейчас так говорю). Тетрадь пестрела от исправленных ошибок. В четвертом классе оставили меня на второй год. Я тогда была так рада, что раньше всех закончила учебу. В четвертом классе в те годы начинались экзамены.

Уже потом мы стали грамотно писать диктанты. Все-таки нам помогла любовь к чтению. Мы очень много читали. Так прошли годы. Мы уже заканчиваем семь классов. О! Какие мы образованные! Надо же, 7 классов! Ребята отсеялись. Как-то в 5 классе учительница объявила:

– Кто хочет поступить в сельхозшколу?

Многие ребята и девочки подняли руки и я тоже, но, немного подумав, опустила. От поднятой руки зависела бы моя дальнейшая жизнь. Может быть, стала бы хорошей чумработницей. Но какая-то сила вела меня в другом направлении.

Детство

У каждого человека своя жизнь, свои воспоминания о прошлом. Они не всегда бывают радостными, порой очень грустными. Я расскажу о себе, об обыкновенной девочке, родившейся, как и многие мои сверстники, в кочевьях. Мне очень повезло, что я успела увидеть своих старших родственников, побыть с ними с малых лет, с самого моего рождения. Вероятно, по характеру я очень похожа на маму. Она была очень доброй, немного наивной простой женщиной, рано овдовевшей: мне 4, братику 2 года.

А я родилась при кочевке. Часто слышала о моем рождении.

Сейчас, уже немного в другой жизни, не могу не удивляться: как могла родиться прямо на свежесрезанные, еще холодные ветки, только что разложенные в юрте. Лежу и трясусь, да еще тетя Накана, жена дяди Трифона, от волнения не могла отрезать пуповину. Но все обошлось. Меня быстро буквально засунули в новый меховой комбинезончик с макой. Мака – это клапан для мха, как современные памперсы. Все было заготовлено заранее. Мама – совсем девушка. Пока корямящей матерью стала тетя Накана. Она родила моего двоюродного брата Эвьяйле. Поэтому часто потом при встрече мне, уже матери, говорила:

– А ведь ты пососала у меня молочка.

Мы с ней начинали смеяться.

Никаких болезней не боялись, даже простуды не было. Сейчас не дай бог зайти в роддом. А меня в комбинезончике положили в теплый полог, и я заснула. А на улице уже возились с оленьей жирной тушей, чтобы Марине-роженице побыстрее сварить наваристый кровяной суп. Это очень полезно для рожениц, для здоровья и обилия молока. Так я стала кочевать с родителями по тундре. Обычно при переезде запрягали караван оленей с многочисленными нартами. Для молодой кормящей матери соорудили кибитку. И вот однажды, собираясь в путь, каким-то образом я доползла до конца нарты. Эта картина запомнилась мне. А случилось вот что: когда олени потянули нарту, я сразу плюхнулась в снег. Как куколка одета в двойной меховой комбинезончик с широким поясом, сшитым из бисера, и такая же разукрашенная шапочка.

Я лежу ничком, только чувствую холод на личике. А олень, наверно, с испугу начал задними ногами закапывать меня. Но вовремя увидели, посадили, как ни в чем не бывало, дочечку улыбающуюся. Наверно, мне понравилось такое событие. Уже много лет прошло после того случая. Как-то маме говорю:

– Мама, а помнишь, как я упала с нарты?

Она очень удивилась:

– И ты это помнишь?

С самого рождения начались испытания на выживание. Это было в Воямполке, когда вся родня собиралась у деда Альвача.

Большой, просторный, чистый чум: вокруг много семейных пологов, а посредине очаг. Как-то рано утром принесли много рыбы. Надо было быстро разделывать. Все женщины вышли, мама тоже. Она оставила меня в пологе одну. Я уже хорошо ползала. На мне был летний комбинезон из дымленины, ровдуги. Вероятно, я тихонько проснулась и поползла на свет, к еще не потухшему очагу. Если бы не дед, вошедший по делу, то неизвестно, чем бы все кончилось.

Дед тогда рассказывал: «Вхожу, малышка у очага остановилась. Весь комбинезон скукожился от жары, но личико отвернула от огня и не плачет». Быстро прибежали все женщины. Мама, напуганная увиденным, подумала, что все, конец.

С меня сняли комбинезончик, надели другой, и тут началось такое: день и ночь я ревела. Мама не спала, только меня убаюкивала. Вся кожа обгорела. Лекарств не было. Мама про себя уже прощалась со мной, видя мои мучения. Но ангел-хранитель, наверно, уже тогда оберегал.

Когда чуть подросла, могла к девочкам пойти поиграть, а там были и постарше. Однажды меня позвали за ягодами на другую сторону речушки. Через нее был протянут мостик из веток. Все девочки дошли до другого берега, смотрят – а меня нет. Оказалось, я провалилась в дырку между редкими ветками, но успела зацепиться за поперечную перекладину. Так и висела, звала на помощь. Но никто не слышал. А тут дед, как всегда, пошел проверять

ставную сеть, такую сеть называют мордой. Там скапливаются мелкие рыбки. Он потом вспоминал: «Слышу крик о помощи. Не могу понять, откуда раздаётся голосок. Глянул на мостик, а там двумя ручками крепко уцепилась за жердину девочка. Бегом к ней. Батюшки! Это же моя внучка!». На закорках понес меня к берегу, а мне было так радостно, что дед нашел меня. Потом он тех девочек пожурил: «Так нельзя, надо смотреть за младшими».

Другой раз пригласили меня снова за ягодой. Я боялась опять упасть, но все-таки переборола страх и пошла с ними. Они сели кушать и пригласили меня, а мне было очень стыдно, я стеснялась и весь день ничего не ела. Так целый день голодная пробегала. Мама потом объяснила, что если вместе ходите, надо вместе и обедать. А я просто ответила:

– Мне стыдно.

Еще один случай запомнился, там же, в Воямполке.

Как-то мы забрели в чистое поле и увидели белую лошадь. Лошадка белого цвета, хорошо видна на зелени. У нее был очень раздутый живот, она сильно стонала. Уже повзрослев, я спросила тех, кто видел тогда эту лошадь. Мне сказали, что ее застрелили. Я долгое время помнила эту лошадь. Женщины сказали, что ее застрелили, чтобы не мучилась. Теперь думаю, наверное, не могла разродиться.

В 1936 году папа внезапно умер в местечке Какыртон. Это летник. Там стояли палатки, среди них и наша. Однажды, зайдя в палатку, увидела отца ле-

жащего, покрытого с ног до головы. Коряки всегда закрывают лицо умершего. А я бегая, мне 4 годика, спокойно подхожу и открываю лицо, а у него из носа кровь осталась уже запекающаяся. Посмотрю и снова закрою, и бегу к братику, ему 2 года. Теперь я думаю, наверно, у папы было давление. Откуда тогда было знать кочевникам? У них просто объясняли – голова болит.

Где я видела, как хоронили мертвых? Но я, видимо, где-то насмотрелась и решила братика сжечь.

Палатки стояли на горе, внизу река и очень красивые деревья, камни, камни. Мама попросила поглядеть за братом. Вот я – нянька. Собрала сухие ветки, очень аккуратно сложила и на них уложила брата. Осталось только поджечь. Потом мама рассказывала:

– Думаю, что за тишина?

Глянула под гору, а мы там. Я уже собралась повторить виденное на похоронах. Мама ахнула и скорей побежала к нам, начала отнимать, а брат как лежал, так и не спешил вставать. Вот потому малым детям лучше не видеть многое из взрослой жизни.

Мама – молодая вдова с двумя детками. В Верхней Кочевой Палане быстро узнали об этом и послали гонца-жениха. Мы были еще малы, ничем не могли противостоят. Бабушка думала, наверно, лучше будет, все-таки мужчина в доме. Вот опять на оленьей упряжке. Очень хорошо помню остановку на ночлег в Кахтане. Это сейчас на машине летом каждый может доехать. А тогда это было что-то

особенное. Небольшое село со своим сельским советом, школой и культурными заведениями.

Это родина писателя Льва Жукова. Село это, как и другие, давно закрыто. Тогда я впервые услышала слово «Кахтана». Мне было очень жарко в меховом комбинезоне. И вот стойбище Верхняя Палана. Этот мужчина запомнился очень злым человеком. Как напьется, начинает устраивать драку.

Бабушка зимой выводит нас на улицу и маму тоже. Но вскоре исчез из памяти образ этого жениха.

Мы всегда жили в женском обществе. Мама попыталась еще раз устроить свою судьбу. Ее в табун увез престарелый старик-эвен. Так мы его не любили. Очень большой лентяй. Братишка Ваня уже подросток. Он, как настоящий мужичок, открыто возмущался, хотя по возрасту он родного папу не мог помнить.

Маму на некоторое время старик увез в табун. А мы втроем остались: я, бабушка и братишка. Бабушка нас воспитывала очень просто. Мы были всегда на природе, где мы только не носились. Наша маленькая меховая палатка напоминала нам Воямполку. Там остался мой маленький дружок. Наверно, он был сиротой, потому что неухоженный, очень бедно одет. Яркое воспоминание осталось о нем. Обычно рано утром приходил и садился на завалинку. Бабушка мне:

– Ава, иди, вон твой жених пришел.

Я беру что-нибудь поесть. Он был такого же возраста, но очень грустный. Я его очень жалела.

Бывало, сядет, поест, головку положит на мои колени, и я начинаю в его головке рыться. Мне нравилось чесать его головку. Он ко мне так привык, приходил как к сестренке. Потом он исчез.

Мы всегда жили очень бедно. Одну зиму прожили в матерчатом шалаше с камином. Тогда в шалаше бабушка чуть не умерла. Видимо, у нее были камни в мочевом пузыре. Как она страдала, а помочь некому. Она никогда одетая не спала. Всегда догола раздевалась. Шкура – одеяло, шкура – постель, и под голову что-нибудь.

За дровами запрягались. Бабушка – ведущая, а мы с братом – лжепомощники. Больше катались, чем помогали: на полозья встанем и катимся. Зато с горки нам было втроем очень весело.

Однажды братишку оставили караулить шалаш. Приходим: тряпка-покрытие валяется, скудные запасы разбросаны – все собаки съели. Сторож наш весь продрог. К нему зашли собаки. Он очень любил собак. Часами мог на коленях лежать вместе со щенками и любоваться еще слепыми щенятами.

Наконец, нам дали домик – «курятник». Точнее не скажешь: печка – развалюха, единственная мебель – стол и кушетка, подаренная маме ее приятельницей.

Мы уже школьники. Никогда не забуду, как занимались в подготовительном классе. Учительница стала записывать, кто есть кто. Дошла очередь и до меня:

– Кто ты?

Не знаю, как ответить.

Кто-то воскликнул:

– Да это Наривлич.

Так приклеилась чужая фамилия.

Тетя Коян, старшая сестра отца, говорила потом:

– Мы Чечулины, с Караги, запомни.

Наконец, поселили в деревянный дом. Четыре угла – четыре семьи. Это был для нас рай. Хоть есть пол, окна, двери. У каждого по углам свои пожитки. В одном углу поселилась тетя Лектын. Когда-то она очень хотела забрать меня к себе, удочерить. У них не было детей. Я все слышала, как мама говорила ей:

– Знаешь, приезжай на будущий год, пусть подрастет.

Мама ее просто жалела. Иногда думаю, а что если бы тогда увезла меня тетя Лектын, как сложилась бы моя жизнь? Не знаю.

У тети оказались облигации. А это было военное время.

Я говорю:

– Тетя, а может, проверим в сберкассе?

Она сразу согласилась, я побежала проверять. И какая радость! Какие-то деньги полагаись на них. Придя домой, сразу подошла к тете, отдала деньги, но какую-то купюру оставила. Маме потихоньку показала, а она мне как ни в чем не бывало просто сказала:

– Иди, отдай тете. Если надо, она тебе сама даст.

Как мне стало стыдно! Я не знала, как мне быть. Но все же себя переборола и подошла к тете, протянула купюру.

А она мне:

– Ава, а это ты себе оставь.

До сих пор при одном воспоминании об этом случае мне становится очень стыдно. А ведь прошло уже столько времени, почти семьдесят лет. Как же я могла так поступить?

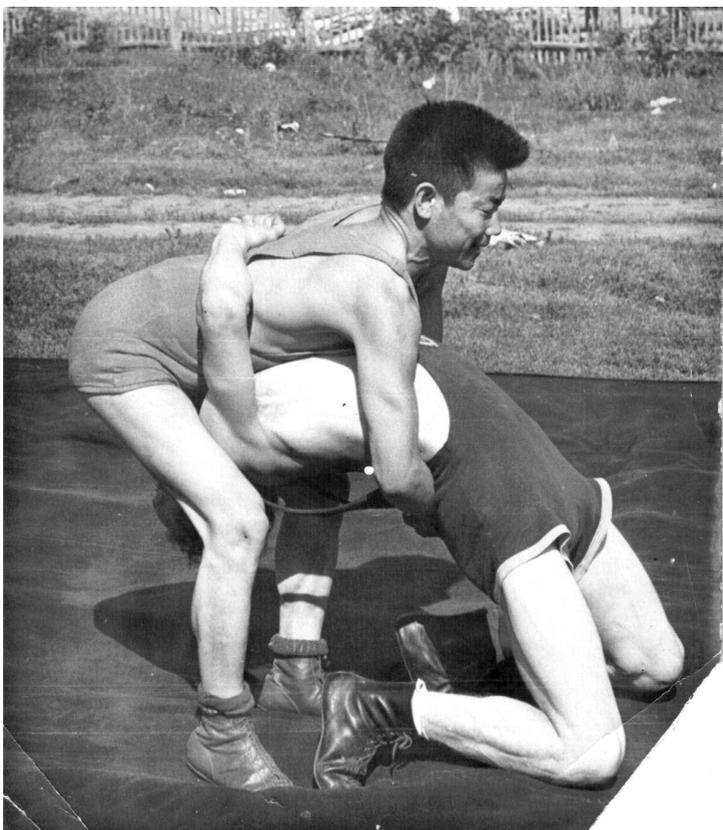
Очень удивляюсь маминой мудрости. Так что этот выигрыш оставил большую горчинку в моих воспоминаниях.

Наши родители, хоть и безграмотные, были хорошими воспитателями, очень тактичными людьми.

В детстве редкими были подарки, но если когда-то мне что-то дарили, до сих пор помню тех людей.

Как-то тетя Маланья зашла к нам в юрту навестить. Она ездила в Палану. Я только что проснулась и вышла из полога. В яранге стоял такой запах душистого чая! На низеньком столике разложены понемногу юколка, мясо и все к чаю. Маленький чайник-заварник издавал приятный свистящий звук разливаемой заварки. На столе стояли чашки. Коряки очень любят посуду, платки, бусы, красивый материал на платье.

Можете себе представить: маленькая девочка, косматенькая, полуголая, пухленькая вышла встречать тетю Маланью. У них не было детей. Она подзвала меня к себе и из-за пазухи вынула пакет, а в нем лежало что-то белоснежное, очень тонкой материи, обшитое тонким кружевом. Это были детские панталоны. Наверно, маленькие дворянки такие носили.

Брат Ваня (Иван Наривлич) серьезно занимался борьбой. Получил звание чемпиона по вольной борьбе в легком весе по Камчатской области.

– Вот, Ава, носи мой подарок!

Куда делись потом эти панталоны? Мне просто смешно вспоминать: грязной девочке – такие вещи? Потом подарила другую вещь:

– Марина, вот тебе кастрюля, она с крышкой.

А это был горшок. Конечно, все стали рассматривать чудную кастрюлю.

Во время войны в Палане открылась пошивочная мастерская. Там, кроме одежды, стали шить куклы и другие мягкие игрушки. Однажды я зашла в магазин и увидела родную тетю с сестрой. Они покупали маленькую хрюшу, розовенькую, с юбочкой. Я стояла у дверей, и мне тоже так хотелось эту хрюшу. Вдруг тетя подозвала меня к себе и просто сказала:

– На тебе тоже игрушку.

Я не помню, как дошла до дома. От радости бежала скорее похвастаться дома этой игрушкой. Это был праздник!

Сегодня, оглядываясь на прошлое, думаю, как далеко мы ушли от той жизни.

Все-таки детство было для нас радостным, хотя младший брат и командовал мной. Он хотел, чтобы я только с ним играла. Очень часто дрались. Победителем всегда оставался он. Бабушка предупреждала нас такими словами:

– Ребятки, внушеньки, запомните мои слова. Это не к добру. Вы сейчас вместе, но наступит время, вы расстанетесь надолго.

Она как в воду глядела. Когда учились, в разлуке прожили 8 лет. Мы почти одновременно приехали домой. Это было в 1958 году. Сколько было радости! А мама сначала даже не вышла меня встречать. Думала, что сон. Вхожу, а она сидит и шьет, как будто меня нет. Бабушка меня не дождалась всего один год.

Сколько ночей мы с мамой проводили, беседуя, все говорили, говорили...

А потом началась другая пора жизни.

Судьба бабушки Экэк

Осла я в маленьком женском обществе бабушки Экэк, мамы Марины. Бабушка взяла все заботы на себя.

Бабушка Экэк, наверное, в молодости была красивой. Она высокого роста, сухощавая. Дедушка Яйлылкэв женился на чукчанке. К сожалению, имени моей другой прабабушки не знаю. Но бабушка Экэк хорошо описала ее внешность: высокая, очень стройная, с гладкими темными волосами, а на лице была небольшая татуировка. Она была единственной женой прадедушки Яйлылкэва.

Начало было хорошее: размеренная жизнь, оленя были, значит, в доме и одежда, и питание – все было. Да и природа отлично подкармливала.

Бабушку выдали замуж за эвена Якима, у деда уже была молодая жена с детьми. Бабушка стала старшей женой. Все заботы легла на ее плечи. Она должна воспитывать всех детей. У нее родились две девочки и мальчик. Все было хорошо. Но вот пришла советская власть, появились другие законы. Двоежёнство долой! Дед, конечно, остался с молодой. Он хотел забрать всех детей себе, но не на ту напал. Бабушка просто отобрала пока двоих: дочку и сына, но одна дочь все же осталась у мужа.

Это была настоящая трагедия. Хорошо, что родственники из Воямполки быстро приехали за бабушкой, тогда – совсем молодой женщиной. Так

моя мама, еще подросток, осталась без отца. В Воямполке поставили меховую палатку с железным камином. Что ж, начали осваивать новую жизнь. Дед по отцовской линии поселил их в своей юрте.

Когда вспоминаю детские годы, они мне кажутся такими счастливыми. Почему-то в памяти остались долгие весенние, летние дни. У нас никогда не было настоящего дома. Одну зиму «бомжевали» в палатке, которую поставила мама. Она у нас – «строитель». Что-нибудь соберет, какие-нибудь обрубки палок, завяжет, покроет тканью от палатки, чем не жильё?

Бабушка была нашей мамой. Мы иногда в спешке говорили ей «ымме», что значит «мама».

Мама в колхозе с утра до поздней ночи. Колхозных огородов полно, работы хватало.

Я так полюбила молоко, что каждый день ходила на вечернюю дойку с большим медным чайником. Принесенное молоко разливала по баночкам и на ночь оставляла. Рано утром вставала, как кот, сливки съедала и снова ложилась. Следом за мной вставал братишка, чтобы полакомиться сливками. И тут начинались разборки:

– Ава, зачем все съела?

– Не надо спать! Акка, завтра рано вставай, съешь сливки.

А сама утром снова съедаю сливки. И так повторялось несколько раз, пока бабушка не вмешалась.

Конечно, мама осталась без трудодней, они были все взяты молоком.

Часто мы с подругами уходили на море и ждали пароход. Под утро бабушка вся в волнении спрашивает меня:

– Где же ты была? Я уже три раза просыпалась, а тебя все нет!

Я спокойно отвечаю:

– Бабушка, это мы с Енькававой, Кававной ходили на море.

Нам казалось: ну что особенного! Это все мне вернулось потом. И только потом, спустя много лет, я поняла бабушкин страх за меня: мало ли что могло случиться...

Точно так же Катюшка, моя внучка, в 8 классе вдруг стала приходить поздно. До утра я не могла заснуть, все думала, что с ней, где она. Оказывается, они с девчонками по крышам бегали. Позже Катюша мне призналась:

– Бабушка, и зачем это нужно было, ночью бродить просто так?

В годы войны хлеб давали по карточкам. Мы, конечно, все карточки наперед отоваривали и ждали другого месяца. Мама ходила к своим подругам, приносила кусочки хлеба и еще что-нибудь.

Как-то маме выделили участок недалеко от Паланы. Мы засеяли овощами. Мама должна была охранять. Уходя, на печку клала кусочек черного ржаного хлеба для нас. Братишка громко кричал:

– Ава, смотри скорей, мама оставила хлеб!

Мы быстро съедали и выходили на улицу. Домишко стоял на окраине, никаких звуков не слышно.

Вот и начинаем громко, как в рупор, кричать, глядя на огород и едва видневшийся маленький силуэт машиной фигурки. Она уже разожгла костерок.

– Мама, можно к тебе прийти? Если можно, то согнись!

Мама согнулась, значит, можно:

– Акка, бежим!

Босоногие, по ровной тропке быстро приходим к маме. Мама радостная. Что-то виднеется у костра. А там уже готовые шашлычки из свежей рыбы кладет на зеленый «поднос». Какая радость! Мама только улыбается и смотрит на нас. О чем она думала, глядя на нас? И так повторялось почти каждый день.

Нам очень нравилось, когда на улице немного моросило. Мама в такой день оставалась дома, поливать не надо. Иногда вдруг мама возьмет миску и заспешит к горке, благо, все рядом, ягод полно. Наберет миску ягод и понесет приятельнице. Они дадут немного денег и что-нибудь для детей:

– Вот сегодня купим хлеб!

Мама всегда говорила:

– Дочка, ягоду собирай не спеша, чтобы она была чистой, не мусорной.

По сегодняшним понятиям, чтобы ягода имела товарный вид. Наверно, поэтому ее подруги всегда покупали у мамы ягоду. Эту привычку старалась перенять и я. Так что нас попутно учили всему.

Бабушка наша – глава семьи. Она соблюдала древние обычаи. Я внимательно слушала и делала

наоборот. Например: вечером о мертвых не говорить. Если кто тебя обидел, никогда не отворачивайся к стене, а то дьяволы-нинвиту «пожалуют» тебя.

Вообще, я была избалована любовью. Если кто обидит, то начинаю реветь, чтобы меня пожалели, а если не жалеют, то отворачиваюсь к стенке.

С братом вечно дрались из-за пустяков. Как-то я открыла книгу по зоологии и говорю:

– Акка, давай поиграем. В книге моя левая сторона, твоя – правая.

Листаем. На моей странице всякие животные, а на его стороне – висит на ветке ленивец:

– Акка, ты ленивец.

И тут опять драка. С плачем маме жалуется, что его назвала ленивцем.

Ваня любил собак. У нас была нарточка и две собаки: одна белая, Пушинка. Мама называла ее «Кушинкой».

Ваня, как мужичок, запрягал этих двух собак: Пушинку и кобеля.

– Ава, беги впереди и зови Пушинку, я потом покатаю тебя.

Я с радостью убегаю вперед и зову:

– Пушинка! Пушинка!

Братишка сидит, как настоящий каюр. Дойдем до места: под боком сопка с сухостоем. Быстро уложит дровишки и покатил с горы прямо к домику. Я иду, ругаюсь, что не взял меня прокатиться. А на другой день та же история. Не помня вчерашнего

обмана, снова бегу впереди собак, в надежде, что потом прокачусь с горки. Вот это наше детство.

Сейчас иногда в мыслях перебираю пройденные годы и удивляюсь, как могли выжить в то время?

Все-таки есть такие силы, которые помогают нам. Где-то спотыкаясь, падая, но снова вставая, идем дальше. Вот моя философия.

Бабушка Экэк все-таки необычная женщина. Совсем слепая, старалась быть полезной, не быть в тягость дочери. Мама оставляла нас у нее, зная, что с нами будет все нормально. Бабушка никогда не ругала нас без причины.

Я помню, когда мне было лет пять, мы жили в меховой палатке, сшитой мамой. В одной стороне палатки буквально был пришит осколочек стекла, чтобы через него свет проникал в наше жилище. Помню, как мы с подружкой Кававной, стояли на завалинке и загораживали это маленькое оконце. Бабушка просила нас отойти, чтобы было посветлее в палатке: она работала, выдывала шкуру.

Подружка случайно ногой задела стеклышко, и оно разбилось на мелкие кусочки. Девчонки побежали, а я не умела бегать, отстала от них, и тут бабушка настигла меня. Она ударила меня слегка по попе маленькой хворостинкой. Как я заревела от обиды! Бабушка меня обидела! Эту обиду долго помнила: как же так, бабушка ударила меня?!

Она меня баловала. Всегда брала с собой. А осенью, когда шишки поспевали, говорила:

– Сегодня пойдем в тундру за шишками.

Бабушка надевала старую летнюю кухлянку и низко подпоясывала её. Мне было смешно глядеть на неё. Вот и дошли до кедровника. Хорошо! Мы вдвоем, да шумный гомон сорок во всех кустах. Бабушка исчезает в кедровнике, а я одна сижу, и мне становится скучно, без конца начинаю звать:

– Бабушка!

А она в ответ:

– А! Внушенька, сейчас приду!

Выходит из кедровника совсем не бабушка. Кухлянка округлилась, как шарик, только бабушкина седая головка выглядывает из ворота. Бабушка радостная, чуть-чуть покрасневшая, подходит ко мне и развязывает пояс. Что у нее сыпется из кухлянки?! Ворох шишек! Спелых, крупных!

– Внушенька, ешь.

И я начинаю есть зерна прямо со скорлупой. Раньше не догадывались, что скорлупу можно счищать, лузгать. Посидим, что-нибудь поедим. У нее всегда припасен узелок, где есть сушеное мясо, кусочек сахара, а водичку принесет из ручейка.

– Бабушка, мне скучно, – тихо говорю ей.

А она берет кусочек тонкой ровдуги, дымленной летней шкуры, что-то подвернет, комочек завяжет – вот и головка куклы.

– На, сиди, нянчи свою дочку, тебе не будет скучно.

А я так рада, беру у бабушки эту нехитрую «куклу» и начинаю подражать взрослым, как они нянчат детей. Даже что-то подпеваю.

– Бабушка, где ты?

– Ау, я здесь!

Бабушка где-то в глубине кедровника, уже «располневшая» от шишек через некоторое время выходит и снова высыпает из кухлянки ворох шишек. Наконец идем домой. Я устала, мне хочется спать. А у бабушки свои радости: зимой не будет скучно, много шишек запасли.

Уже когда переселились в Палану, мы впервые услышали радио. Все были страшно удивлены: откуда голос? Как это? Потом привыкли и начали слушать радио, хотя мы тогда почти не понимали русскую речь диктора. Но бабушка и тут имела свое мнение:

– Ава! А ты знаешь, я очень не люблю это пение. Что она так надрыгается? – это она говорила об оперной певице.

– Ну, а это что за музыка? Терпеть не могу: прямо стон! Уши пилит! – это она не любила слушать, когда играла скрипка.

Прошло столько времени, уже я и сама прабабушка, а по своей бабушке до сих пор скучаю. Наша мама Марина была для меня как сестра. Может, она меня очень рано родила, или просто мало бывала с нами. Она ведь была единственная наша кормилица. Во время войны она нас просто спасала. У неё было много русских подруг, которые очень помогали ей, давали кое-какие съестные припасы.

Утром берет мешочек и идет в Палану к своим подругам. А мы через некоторое время выходим

из землянки и смотрим вдаль, туда, откуда должна появиться мама:

–Ава! Вон мама показалась! – громко кричит братишка.

Мама пришла, положила мешочек перед нами, а там сухари и что-нибудь съестное. И вот начинает кормить нас всех. А сама сидит и смотрит, не ест. Нам и невдомек, что мама очень голодна. Она думала только о нас. Однажды в очереди за хлебом упала в обморок от голода:

– А Марина упала в очереди за хлебом, – слышим разговор женщин.

Вот пишу и думаю, неужели это было с нами?

Наши семейные посиделки

Вспоминаю наши семейные посиделки. Если на улице лил дождь, то этот день для нас становился праздником, потому что маме никуда не надо уходить. Она нас будет потчевать домашними кулинарными изделиями. Например, в печке на сковородке запеченная в своем соку рыба. Мама на чуть тлеющие угли ставит сковородку. Она по-своему называла: «каварада». Наварит нашу любимую манную кашу, заправленную свежим рыбьим жиром, снятым с ухи.

Я очень любила брать со дна немного пропеченной каши. И так, как будто за круглым столом, застеленным материей, садимся на полу. Садимся кругом. Бабушка с закрытыми глазами умело берет, что ей нужно. И я пытаюсь так же, закрыв глаза, брать со «стола», что надо. Меня по руке мама слегка ударит и пожурит:

– Не надо, баба слепая.

Кроха-сестренка тоже сидит с каким-нибудь куском. Брат свою порцию быстро съест и начинает:

– Мама, положи что-нибудь на мою ладошку.

Мама Вале положит что-то – и уже нет ничего.

Тут рев:

– Акка съел мой хлеб! – и плачет.

А мне смешно на это глядеть.

Мама говорит:

– Валя, не давай Акке больше, сама ешь.

Потом мама садится за шитье. Мне интересно, как она ловко и легко вкалывает толстую иголку с ниткой, как тянется нитка за иголкой. Сейчас думаю, как будто скрипачка. И впрямь – со звуком, потому что нити были смазаны жиром и древесным углем. А выше – нитка потоньше, она создает другой звук – тоньше. Мама вытянет нитку, красиво проведет в воздухе, как бы сделает штрих, и снова продолжает шитье. Я сижу рядом, но голова начинает от однообразия немного клониться и, бывало, так и засыпала я возле мамы. Мне нравилось, как мама аккуратно меня берет на руки, чтобы не разбудить, несет на постель, говорит добрые слова: «Бедная доченька, устала...». Мне это так нравилось. Другой раз специально я делала вид, как будто заснула, чтобы мама снова отнесла меня в постель. А там, не выдержав, начинаю весело улыбаться.

– У, как тебе не стыдно? Маме тяжело.

Но мама и сама радуется.

Бабушка иногда говорила мне:

– Внучка, тебе пора учиться шить. Как ты будешь мужа одевать?

– Бабушка, а мой муж будет русским. Я ему в магазине куплю сапоги.

Так и случилось. Я не умею шить национальную одежду, но все обошлось. Сапоги да и другую одежду уже покупали в магазине.

Вечером бабушка рассказывала сказки. А мы все время просили рассказать, как она спаслась от медведя. Иногда мама не вовремя спросит бабушку о чем-нибудь. Бабушка очень обижалась, сразу замолкала.

– Мама, не мешай.

Мама займется своим делом, а мы продолжаем слушать бабушкины истории о детстве, о путешествиях с отцом.

Трифон Якимович Кавав

Трифон Якимович Кавав – мой дядя, брат моей мамы. Он один из зачинателей корякской литературы. Родился в 1911 году. При коллективизации вступил в колхоз Паланский, потом его зачислили в советскую окружную партийную школу, построенную в Пенжине. В 1933 году курсанты этой школы выпустили 2 но-

Дядя Трифон (Трифон Якимович Кавав), рядом с ним – его жена Эчг'ан. За дядей Трифоном стоит Катя, его дочь от первой жены, Ульяны Кирилловны Солодяковой, рядом с Катей – родственница Лиза и я. Тогда я училась в 5 классе, мы жили у дяди. Дядя Трифон работал с С.Н. Стебницким. Участвовал в создании первой книги для чтения на корякском языке.

мера газеты «К новой жизни». В ней Трифон Кавав опубликовал свои первые произведения.

Впоследствии материалы Трифона Кавава попали к молодому этнографу и лингвисту С.Н. Стебницкому. Ученого особо заинтересовало предание «Кычим». Стебницкий пришел к выводу, что этот текст был известен не в корякской среде, а в эвенской. В связи с этим исследователь решил выяснить, каковы родовые корни начинающего писателя Т.Я. Кавава.

Оказалось, что Трифон Кавав происходит от смешанного брака. Отец его был эвеном, а мать выросла среди чавчуменов. Вполне естественно, что в среде таких смешанных семей наиболее хорошо сохранились предания о древних взаимоотношениях коряков и эвенов. Об этом писал Стебницкий в «Очерках по языку и фольклору».

В 1936 году Стебницкий вместе со своим учеником Кеччаем Кеккетыном подготовил вторую часть книги для чтения в корякских школах, включив в нее несколько рассказов Трифона Кавава.

Позже Стебницкий вернулся к другому преданию Т.Я. Кавава «Давние времена». Он детально рассмотрел это предание в своей статье «Нымыланы-алюторцы: к вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков» (журнал «Советская этнография», 1938, № 1).

В этой статье С.Н. Стебницкий привел записанное Трифоном Кававом предание «Давние времена». Кроме того, в комментарии ученый еще раз

остановился на происхождении Кавава: Кавав Т.Я. – метис, отец его – ламут, мать – чавчувенка.

Стебницкий подчеркнул, что Т.Я. Кавав считал себя чавчувеном, и родным языком его являлся чавчувенский. В 1958 году с Трифоном Кававом работала исследовательница языка А.Н Жукова. Она записала от него несколько сказок. Часть из них впервые была опубликована в 1974 году в академическом томе «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки».

До революции жила семья эвена Якима Кавава. Он имел двух жен. Одна была старшей, это моя бабушка, она – получукчанка, а другая, наверно, эвенка. Эта младшая жена родила Трифона, а бабушка моя – двух дочерей Марину и Павъякат и сына Ивана.

Одну доченьку моя бабушка назвала по-чукотски Павъякат, т.е. «грустящая». Я всю жизнь у мамы спрашивала:

– Мама, ну почему у тебя такое красивое имя «Марина»?

А она отвечала:

– Это отец назвал, потому что эвены сразу приняли христианство.

Дед Яким очень любил обеих жен. Все дети были для них одинаковы, что Трифон, что Марина, что Иван, что Павъякат.

Мой дядя, Трифон Якимович Кавав, был по-старше мамы. Обликом был больше похож на эвена, да и характером тоже. Он рано начал интере-

соваться русским языком, был любознательным, интересным собеседником. Он был женат на очень красивой женщине, тоже эвенке. У нее были красивые черты лица, в разговоре она была спокойна, я никогда не слышала от нее грубого слова.

Дядя Трифон с семьей и моей мамой Мариной, совсем еще девочкой, кочевали в совместном стаде. Все это было вблизи Воямполки, родины Кеччая. В одно из кочевий мама родила меня.

Потом тетя родила дочку Катю. Дядя Трифон работал оленетехником. Он никогда долго не жил в селе.

Я уже училась в школе. В хибарке-временке негде было заниматься. Рано утром вставала, за-тапливала печь, приоткрывала створку и читала. Дядя пригласил нас к себе в деревянную избу, она стояла совсем рядом.

Бывшие хозяева оставили хороший дом: и печка, и свет, и кое-какая мебель. Дядя даже приютил других дальних родственников. Вот так стали жить все вместе.

У него была уже другая жена Эчган. Мы ее не любили, гулящая женщина.

Как и почему дядя Трифон расстался с тетей Ульяной-Наканой, не знаю.

Тетя всегда помнила дядю Трифона. Когда он приезжал в табун, Ульяна, еще молодая, радостно бежала навстречу.

– Ульяна, ты, как молодая, бежишь обниматься, – шутили подруги.

– А как же! Он – моя первая любовь!

У тети потом был другой муж, очень хороший человек. Долгую жизнь они прожили вместе, у них было много детей.

Дядя Трифон очень любил читать, вечерами рассказывал интересные предания. В Верхней Палане, которая называлась Кочевой, среди древних тополей расположились в разных местах юрты. Жители занимались в основном оленеводством, для себя ловили рыбу. Несколько семей объединились и где-нибудь у реки целое лето проводили время. В общем, жили как на даче.

В одном из таких мест возле реки Палана, недалеко от водопада, наша семья – мама, бабушка, братик – присоединилась ко всем летовать.

Там была и моя двоюродная сестра, дочь тети Коян, тоже Ёкав.

На той летовке я впервые увидела, как готовят юколу, как – рыбную муку. Тогда мы с сестрой нашли очень красивый берег реки. Возле реки, как будто специально, поставили правильной формы валуны камней. Мы с сестрой выбрали самый большой и самый красивый камень. Он напоминал куб. Вот к этому камню мы притаскивали все, что лежало в палатках. Эта был наш собственный дом. Всю посуду, шкуры и прочую утварь приносили туда, а вечером относили домой.

Одна бабушка, Кокок Аммовна, наша родственница, рассказывала, что на этих камнях были выдолблены какие-то знаки. Она говорила:

– Когда наступал голод, то приходили жители, делали знаки на камнях.

Но мы никаких знаков там не видели.

Наша подруга Ёнькавав рассказывала, что в Кочевой есть священный камень. Этот камень напоминает фигурку беременной женщины с головкой и животиком. Возле этого камня никогда не было снега, а была всегда зелень. Священный камень весь был украшен бусами, возле него были воткнуты совсем маленькие, как игрушечные, копыя. И самое интересное, что этот камень самостоятельно менял место. Люди потом снова находили его и гадали о своем будущем. Если все будет хорошо, то этот камень становится очень легким, и его легко можно поднять, а если нет, то невозможно было оторвать от земли. Я никогда не видела этот камень, но Ёнькавав сама пробовала поднимать его, чтобы узнать свою судьбу.

Так вот, когда нас переселили в Палану, рассказывали, что этот камень прихватили молодые люди, среди них был и дядя Трифон. Они хотели показать всем, что есть такое чудо.

Старые люди об этом знали, но сейчас никого не осталось.

А тогда я еще была совсем маленькой, просто слушала и запоминала.

Дядя, Трифон Якимович Кавав, был по тем временам грамотным человеком. Он учился в совпартшколе на Пенжинской культбазе. Лично знал С.Н. Стебницкого. В те годы Стебницкий собрал авторский коллектив из курсантов совпартшколы для создания

«Книги для чтения в начальных классах». Автором был Кецдай Кеккетын и много других. Среди них и Трифон Кавав. Его небольшой рассказ об охоте на хитрую лису опубликован в «Книге для чтения».

Дядя Трифон был очень эрудированным человеком, всем интересовался. Вечерами мог долго рассказывать сказки. Иногда фантазировал. В сказках вдруг появлялись магазины. Я тут же его поправляю:

– Дядя, ну что ты говоришь, разве в сказках могут быть магазины?

И тут начинается хохот. Это свои мысли случайно высказывал вслух.

Уже много лет спустя, работая на радио, я часто заглядывала к нему, чтобы записать материал о чем-нибудь. Где-то в архивах Дома Радио есть его голос на старой пленке, наверно, минуты две. Он рассказывал о том, как в военное время колхоз «Пролетарий» помогал фронту.

Одну сказку про рыбу-бычка я записала с его слов в свою записную книжку.

Как-то из Москвы приехал исследователь, чтобы записать старинные мелодии коряков и сравнить с чукотскими. Нашел в совхозе одного старика.

– Представляете, что он мне говорит? – рассказывает ученый. – «А гонорар будет?» Надо же, и здесь старики знают про гонорар! – удивлялся гость.

Ну конечно, это дядя Трифон удивил москвича.

Мой первый театр

Еще до войны, наверное, в 40-м году, к нам приехал кукольный театр Татьяны Корсак и ее мужа. Оба – коренные москвичи. В те-то годы?! Москвичи в камчатском поселке! Они на собачьих упряжках объездили весь округ. Им надо было учиться всему, привыкать к суровой природе полуострова. В те годы, кроме троп, издавна проложенных людьми, не было ничего, настоящих дорог еще не было.

И вот эта упряжка артистов Корсак прибыла в поселок. Погода была весенней. По всей Палане разнеслось:

– Завтра приходите в клуб.

Еле дождалась утра. И вот все жители от мала до велика потянулись семьями в центр Паланы.

В клубе было так много народу, что не было свободных мест. Мы с мамой и братиком уселись прямо на полу. Рядом с нами уселись довольно пожилые люди в корякском одеянии: в кухлянках с расшитыми поясами, на которых висели ножны. Все были в ожидании чего-то интересного. На сцене стояла тумба с ширмочкой – вот и все.

Через некоторое время из-за ширмы выпорхнула молодая девушка. Так она красиво ступала тоненькими красивыми ножками, раскланивалась с улыбкой, немного размахивая ручками, как будто танцевала.

Зрители ждали. Старики чинно и важно друг другу что-то говорили. Потом наступила полная тишина. Все ждали чуда. И это чудо началось! На тумбе появились куклы. Они бегали, как живые, издавали звуки, наверно, о чем-то говорили, но нам была непонятна русская речь.

Вдруг на самом краю тумбы уселась тряпочная ворона. Она была в кепке, в штанах, толстых ботинках. Как мы обрадовались карканью этой вороны! Она была совсем живая, а ее ножки в штанишках, чуть-чуть полноватые, напоминали ножки маленького ребенка.

Потом были и другие герои, но я кроме вороны ничего не замечала.

Мама вдруг почему-то загрустила.

Вернувшись в нашу хибарку, мы с радостью стали рассказывать бабушке об увиденном. И тут мама мне призналась:

– Ты знаешь, ножки вороны напомнили мне нашу ляльку, которую я на спине в травяной корзине несла с Верхней Кочевой до Паланы. А в Палане в одночасье она умерла. Ты знаешь, Ава, ножки были, как у нашей Ваваньо.

А я продолжала в точности изображать каких-то кукол, но больше всего про ворону. Бабушка очень внимательно слушала и качала головой:

– Вот надо же, тряпочные вороны стали как живые!

Об этом спектакле говорили во всех семьях. Артистку на всю жизнь запомнили молодой, воздушной и называли ее Таней.

Прошло много лет, и вот однажды Таня Корсак с мужем снова приехали в Палану. Я пришла на спектакль уже со своими детьми. Татьяна Корсак была уже в возрасте, но такая же воздушная, красиво раскланивалась, как прима-балерина, так же мягко ушла со сцены. Она была в образе молодой, задорной, веселой девушки.

После спектакля мы все окружили ее, стали расспрашивать о ее жизни:

– Мы до сих пор ездим на нартах по всему округу.

Я спросила артистку:

– А помните, в 40-м году вы приезжали в Палану? Мы вас тогда видели. А теперь и дети наши увидели вас.

Она так обрадовалась!

Вот такая наша Татьяна Корсак – неповторимая актриса нашего времени. У нее был очень хороший муж, ее друг, тоже артист кукольного театра. Он красиво играл на аккордеоне.

Как-то вечером на летнике раздались красивые мелодии его аккордеона. Они до сих пор как будто живут в голове.

Гроза

Летом жители поселков перекочевывают на свои летники. Рядом с Паланой некогда был очень удобный летник. Место возле скал. Была там небольшая горка, а к ней как будто были приклеены скалы. На горе когда-то долго оставалось небольшое, округлой формы место, как будто место специально для жилища. С этой горы все окрест видно, как на картине. Красивое место, и река, еще полноводная, со всеми речушками. Дальше горы, горы.

Там, рядом с другими жителями, мама поставила нашу палатку. Все лето заготавливали рыбу, а к осени, к школе все покидали это место.

Наступила осень. Все ушли: спешили к школе. А мы, как всегда, задержались. Мама сказала:

– Дети, поживем пока здесь, отсюда будете ходить в школу.

Так и сделали. Хорошо, что до Паланы рукой подать. Но коварная скалистая тропа проходила прямо над обрывом. Крутой берег, а внизу полная, глубоководная река бурлила прямо в низовьях горы.

В ненастье тропа становилась очень скользкой. Когда идешь в кожаных торбазиках, то нечем ногой зацепиться: подошвы гладкие, как лыжи. Вот по этой тропе мы в начале осени ходили в школу. Надо было очень рано вставать, чтобы успеть к началу уроков. Однажды мама сказала бабушке:

– Мама, сегодня поведу тебя с лялькой в Палану, а потом приду за детьми.

Так решили. Мама с бабушкой и грудным ребенком ушли в Палану. А мы с братом после школы вернулись назад, стали ждать маму. Уже стало вечереть. Ваня решил:

– Ава, пойдём в Палану!

– Нет, мама велела никуда не ходить, а дожидаться ее, – говорю.

Очень быстро стало темнеть. Тут уж начал калячить упрямец-братец:

– Тогда пойду один!

Ну, думаю, что решит – исполнит. Тогда и я начала собирать котомку нехитрых вещиц и согласилась – пойдём! Только дошли до тропы, такой ураган поднялся, все потемнело, гром, молния. Дождь льет как из ведра. Мигом намочились до ниточки. Но шли. В торбазиках летних скользим по каменистой тропке. Хватаемся за траву, но упорно идем. Совсем стемнело, гром, ливень. И тут вдруг на счастье навстречу нам – дядя Кихляп. Он шел на летник по своим делам:

– Дети! Что вы тут делаете? Почему одни?!

Ваня сказал:

– Мы без мамы. Она ушла, обещала прийти за нами, а я не хочу оставаться в палатке.

– Ну, давайте, держитесь за меня, сейчас дойдем до села.

А мама в это время в темноте в грозу шла из Паланы за нами. Она шла по другой дороге, ближе к

домам. Случайно встретились, а могли бы и разми-
нуться. Мы расплакались:

– Зачем ты нас оставила в палатке?

Она, конечно, пожурила нас, а дядя успокаивал:

– Ничего, Марина, все в порядке.

Мама ободряла нас:

– Сейчас бабушка обрадуется, она очень вол-
нуется.

Мы дошли до дома мокрые, но счастливые. Очень благодарили дядю Нутанкавава за помощь. Бабушка нас встретила со словами:

– Это, конечно, упрямец Ивана затеял все это.

– Да, мама! Я не хотела, а он решил один уйти.

Вроде бы небольшая история, но когда вспоми-
наю, мне становится так страшно! А что, если бы
скатились со скользкой тропинки в обрыв, где про-
текала глубокая река? Не знаю, что было бы с нами.
А мама? Наверно, она с ума сошла бы, ища нас в
темноте. Есть в жизни счастливые случайности. Ну
вот дядя Кихляп мог бы в дождь дома оставаться,
но он пошел в грозу на летник. Все же есть Божень-
кины старания, он все видит и помогает. Так мы
вернулись с летника. Бабушка потом, когда успо-
коилась, сказала маме:

– Марина, никогда не совершай необдуманных
действий.

Она все поняла по-своему, но смысл тот же:
«Есть силы, которые нам всегда помогают в тяже-
лые моменты жизни».

Памяти Андрияна Мохнаткина

Очень красивое имя *Андриян* коряки по-
своему переименовали – *Онтриян*. И, не по-
нимая смысла слова «единоличник», дали деду Ан-
дрияну такое прозвище. Коряки где-то услышали и
стали это слово произносить вместе с именем.

Наш земляк Андриян Мохнаткин из многочис-
ленной семьи Мохнаткиных был коренным жите-
лем Паланы. Дед Андриян – родной дед Нины Ива-
новны Солодяковой (Мохнаткиной). Отчества его,
к сожалению, не знаю, да и не было привычки у ко-
ряков людей называть по отчеству.

Семья была большая: сын Герасим, дочь Лидия
и другие члены семьи были рослыми, крепкими и
красивыми людьми. Все ребята Андрияна и род-
ственники сразу вступили в колхоз. Один Андриян
не пошел в колхоз, а захотел жить самостоятельно,
по старинке. Вот тогда и стали называть его «едино-
личник». Летом он помогал сыновьям ловить рыбу.
Его можно было видеть и среди членов знамени-
той рыбацкой бригады Константина Жаворонкова,
ранним утром плывущей с полными батами рыбы
к устью моря. Там располагался рыбозавод.

Жил дед Андриян на первом летнике. Палан-
цы знают это место: небольшая каменистая гора со
скалами. Скалы сейчас уже потихоньку осыпаются

от времени. Перед спуском на поляне можно и сейчас заметить земляной круг, поросший травой. Это была крепость, от которой осталось одно название. Это место – летник – назвали Энмытайнын, что в переводе означает «у скалы».

Дед Андриян жил в уголке возле этой скалы. Слева текла тогда глубоководная река Палана. Летом здесь собирались почти все паланцы.

У дедушки стояли два отдельных балаганчика, а вдоль берега были выстроены колхозные балаганы. На ровной поляне ставили разноцветные палатки. Они были сшиты из разных остатков какого-то материала, поэтому смотрелось красочно. По полю мирно гуляли пестрые коровы, а вдали, ближе к горе, были привязаны собаки. Каждый хозяин всегда навещал их: есть ли у них вода, накормлены ли собачки. А мы, дети, носились, где душе угодно – то за ягодой, то за шишками. Здесь хозяйки коров научились делать творог. Молока хватало на всех. Нымыланы любили угощать чавчувенов, которые не знали такой пищи.

За рекой стоял домик Владимира Савченко. Там тоже всегда было многолюдно. Прохожие часто останавливались у юкольника Владимира, чтобы попробовать его знаменитый балык. Я тоже ела этот балык, другого такого никогда не встречала.

К осени летник начинал постепенно пустеть: многие снимали палатки, уезжали или уходили в Палану. А дед Андриян долго оставался на своем

участке. Вот к нему мы и наведывались почти каждый день.

Бабушка даст нам небольшую горсть чая и скажет:

– Это дедушке Онтрияну. Он вас чем-нибудь угостит.

А годы военные, голодные. Мама пропадала на колхозных огородах.

– Бабушка, я не пойду, мне стыдно.

Младший брат всегда командовал мной:

– Нет, пойдешь!

Если не пойду, значит, будет драка. И вот идем вдвоем по узенькой тропке; рядом – крутой каменистый склон и большая река. Наконец, спускаемся по тропочке прямо к деду, а он всегда у балаганов чем-нибудь занимался. Уже готова к сушке ююлка: на длинной палке вывешивает рыбины ровненько, чтобы не прикасались друг к другу.

– Акка, отдай сам заварку, мне стыдно, – говорю брату.

И он, как мужичок, подходит к деду, подает сверточек чая. Дед бережно берет, и слышу его говор:

– Что же вы сегодня припозднились? Ладно, сниму вот недавно подвешенные ююлки. Ничего, они еще свежие. Приходите пораньше.

А мы так рады! У нас рыба! Братишка затолкает ее в мешок – самодельный «рюкзак» – и гордо идет впереди меня. Даже не замечает, что его старая кухляночка скукожилась от сырости.

На другое утро бабушка будит нас пораньше:

– Ава, Акка, – так ласково называла она нас. – Сегодня надо успеть к дедушке, пока не разделал рыбу на юколу.

– Бабушка, я не пойду, мне стыдно, – и начинается вчерашняя история.

Мы идем уже пораньше: еще роса на траве, гомон неутихающих птиц, а в руке у меня – маленький сверточек с горсткой чая, посланный деду за рыбу.

Подойдя к берегу у скалистой горы, видим: баты поставлены на сушку.

– Акка, я не пойду, отдай сам.

– Ну, ладно, – пожалев меня, брат спускается с горы и смело подходит к деду, подает ему сверточек, и они о чем-то на равных тихо говорят. Через некоторое время слышу голос снизу:

– Ава, иди, чай попьем у деда!

Я с радостью спускаюсь по тропочке и иду к палатке, где за чаем уже сидят дед и мальчик в старенькой, выцветшей кухлянке. Дед начинает рассказывать, какая рыба была и когда она пойдет на нерест. Он был немногословен, тихий даже в разговоре. Вот он говорит:

– Приходите просто так, не надо чая. Скоро юкола подсохнет, собачкам на корм будет, – он жалел нас и всегда ждал.

О воспитании детей

Раннее детство было для нас очень радостным, хоть и бедным. Мы все время играли на улице. К примеру, после пурги находили гору с карнизом нанесенного снега. И эту гору надо было преодолеть. Снизу до вершины ручонками выгребали ямку, ставили ножку – и так до самой вершины. Бывало, вдруг с самой вершины катишься вниз. Вот смеху-то было, но мы не сдавались. Играли всегда все вместе, очень дружно.

Помню, как впервые попробовала проехать на коньках-снегурках. Подруга дала мне их покататься на день. На свои торбаза я попыталась прикрепить эти коньки, на веревочке с палочкой прикрепила, а дальше – ни шагу, в общем, просто волочила коньки по снегу.

Летом купались в холодной воде, раздетые догола. Никто не смеялся. Немного погреемся на берегу под солнышком – и снова в воду. Так мы закалялись. Дома всегда нас ждали с радостью. Покушаем что-нибудь из оленины или юколку, а потом – крепкий сон.

Событием для нас было посещение библиотеки. Как мы читали! Да еще рассказывали друг другу о книгах, предлагали почитать. В детстве я очень любила Шолома Алейхема. Мне было жаль бедных людей. Мальчишки с удовольствием читали о Спартаке. А после фильма играли в знаменитую битву

Александра Невского. Девочки с ними не играли. У нас были свои игры: детки-матери. Сами шили кукол и нянчили, как взрослые.

У северян дети всегда одеты нарядно. Я помню свой двойной меховой комбинезон и шапочку из выпорошки. Мама оставила ушки. Широкий пояс бисерный. Брат тоже был одет в свою теплую кухлянку. Рано утром мама над плитой грела чижи (меховые чулки), чтобы ногам было тепло.

Северяне никогда не обижали детей, а бить – большой грех. Правильно заметил Степан Петрович Крашенинников, что коряки очень любят своих детей, отдают им всю любовь. Но дети, вырастая, становятся самостоятельными. Они, как и все люди, создают семьи и живут по-своему.

Я сама замечаю – все дети разлетелись, кто куда. У них заботы, но нам кажется, что они до сих пор нуждаются в помощи.

Природа и мы

В детстве я очень любила наблюдать за маленькими животными, насекомыми. Особенно интересно было наблюдать за муравейниками. Я разглядывала большие кочки и только строящиеся фундаменты будущего муравейника. Специально сяду немного отдохнуть около муравейника. Интересно наблюдать, как в своем поселке двигаются муравьи. Они разные. Есть крупные, как будто с большим набитым мешком – брюхом. Вот небольшой отряд мелких муравьев тащит огромное бревно. А это для нас ветка. Они знают свои рабочие места: кто-то впереди, несколько посередине. Успеваю увидеть, какое большое расстояние преодолели муравьи. Чуть подалее – небольшое отверстие. Наверно, выход из муравейника. Оттуда выкатывают белые, как рисовая крупа, зернышки. Это личинки будущих муравьиных обитателей. За этими шариками любят поохотиться медведи, поэтому некоторые муравейники бывают разрушены до основания.

А по густым кустарникам ползают очень красивые личинки. Они мохнатые и так ловко ползут. Все тело двигается равномерно. Я их очень боялась, а мама любила изображать их движения. Снимет торбаза, поставит ровно стопу и с напевом начинает двигать пальцами: «Ынгэму-у-у, ынгэму-у-у». Как жаль, что не могу на бумаге передать мелодию.

Я всегда просила маму исполнить танец личинок пальчиками ног.

Недалеко, в прохладном месте, всегда прятались очень красивые, яркой окраски, с твердым панцирем жуки, по-корякски их называли *мэлтов'*.

Вчера, 1 июня 2010 года, я решила выйти во двор, присела немного поглядеть на природу. И вдруг, как по заказу, закуковала кукушка. Они всегда прилетают на ближнюю сопку прямо в село. Так обрадовалась – вот кукушка прилетела! Мне рассказывают, что птички уже поют:

– Чавычу видел?

– Видел-видел, – как будто отвечает другая птичка.

Птичий гомон в полете, как оркестр, можно долго слушать и радоваться.

Медведи всегда были рядом, но мы не обращали на них внимания. Их очень много, теперь и людей не боятся. А лисички спокойно могут подойти к костру и выпрашивать еду, как собаки.

Я очень не люблю зоопарки. Там звери как в тюрьме. Облезлые олени что-то жуют, а глаза грустные-грустные.

Видимо, коряки очень наблюдательными были, потому что в сказках даны точные характеристики разных животных, птиц, рыбок.

Помню, в детстве одна наша подружка, она была постарше нас, умела ловить мальков в речушке. У них на спине были иголки. Она на пойманную рыбку меняла всякие побрякушки, как торговка на ба-

заре. Она была чуть постарше нас. Ёнька вав коробочки в воде оставляла на выбор. А мы радовались этим непонятым рыбкам-малышкам. И до сих пор не знаю, что это за диковинные рыбки, которых умела ловить Ёнька.

Смешные босоногие дети, дети природы. Для нас было все открыто. Гуляли где угодно. Наигравшись, возвращались к своим юртам. Только родители боялись, как бы к реке большой не ходили.

Однажды, собирая ягоду, вдруг я наткнулась на серый комок. Он был такой беспомощный, даже уши от страха прижал к телу. Я по-корякски сказала:

– Зайчонок, бедный, потерялся?

Зайчонок притих, услышав мой голос. Я даже не стала его ласкать, пусть сам найдет маму, и скорей ушла от этого места, чтобы друзья ко мне не подошли и не напугали зверька. За чаем рассказала об этой находке дома. Все были удивлены.

Старые люди знают: если сороки очень громко кричат – набрели на медведя. На лето почти все вороны улетают в тундру, в леса. Это наши санитары. Если покормишь одного, то тут же сбежится вся стая.

Бывало, мама пошлет за хлебом, возле меня вороненок. Кусочек бросишь, и тут же окружит стая ворон. От них уже не отделаешься – надо всем дать по кусочку.

У нас жил поэт Алексей Власов. Вместо ягод и грибов он любил общаться с природой:

– Леша, собирай ягоду!

А он:

– Вороны, вороны! Послушайте мои стихи! – он так смешил нас.

Как-то морозным днем пошли с ребятами на прогулку в лес. В реке нашли большую прорубь. Вдруг из нее вылезла голова, гладкая, как причесанная, с усиками. Мы от радости закричали, и она тут же нырнула и больше не выглядывала.

Вот как устроен их мир! В жуткие морозы выдры плавают как ни в чем не бывало.

Мех выдры считается очень ценным, потому что верх покрыт жесткой шерстью, а чуть подуешь, внутри нежная, пушистая шкурка.

Им украшали одежду, это украшение смотрелось очень красиво.

Трудолюбивые мышата рыли свои склады. От каждого склада тянулись тропочки. Наверно, дорожка вела к их зимним запасам. Как-то весной мы разрыли один такой мышиный амбарчик: открыли мягкую соломенную крышку. Когда увидели, что внутри, то очень удивились. Каждый закуток мышинной норки был наполнен разными припасами. Мыши собирают дикие плоды, похожие на молодую картошку с тонкой кожурой. Плоды складывают очень аккуратно: плод к плоду, таким же образом сложены кусочки ягоды голубики. Они так сохраняются до весны свежими, крепкими, как будто только сорваны с кустов. Плод, похожий на молодую картошку, называют «кимчига». Во время войны мы-

шины запасы спасали нас от голода. В мышинной кладовой были какие-то темные плети с наростами в виде орешков. Я их тогда попробовала. Они оказались очень вкусными. Мама часто находила такие мышинные сбережения и научилась ими заправлять супы, или просто поджаривать. Кимчига очень сладкая, питательная. Зверюшки знали толк в питании.

Есть еще одно растение: белый земляной шарик, состоящий из мелких комочков, чем-то напоминает шоколадные конфеты «трюфель». Весной расцветает коричневый колокольчик, а в корневище цветка и растут эти белые съедобные шарики.

В древности коряки любили свежий кровяной суп из только что забитого оленя. Клали приправу кимчигу, черемшу. Это растение заменяет чеснок.

Сейчас самое время сбора черемши, иначе скоро пустит стрелы, и питательные вещества соберутся в длинные, как копья, цветки. Растение деревенеет, теряет вкусовые качества. Есть борщевик. Научное название не знаю. Он очень хорошо растет, как сорняк. Летом разрастается очень буйно, высоко над головой белеют мелкие, собранные в кучку, цветы. Красота невероятная!

В этих чащах растут грибы, очень нежные, много сыроежек, которые любят сырость и мягкую почву.

В камчатских лесах грибов разных много, но коряки никогда их не собирали. Всегда говорили, что только голодные грибы собирают. Но зато мухоморы! Это великая ценность! Старики-оленоводы

знали толк в них. Мухоморы использовали для силы, чтобы большие расстояния можно было преодолевать. С весны ждали это лекарство для бодрости. От засушенного гриба брали очень небольшой кусочек от шляпки и кусочек от ножки. По отдельности никогда не употребляли.

Я знала одного оленевода Колю. Коля рассказал, что с собой в карманчике всегда носил узелок с сушеным мухомором. Однажды заблудился в кедрачах, не знал, в какую сторону двигаться, и тут вспомнил про узелок с засушенным мухомором. Отщипнул кусочек от шляпки и кусочек от ножки. Как он преодолел такую густую кедровую заросль, не помнит. Он вернулся к вечеру. Оленеводы уже ждали его. Все при нем: и стадо, и сам, как будто и не ходил далеко.

В Олюторском, Карагинском, Пенжинском районах давно не растет мухомор, потому что, по поверью, эти грибы нужно было вырывать с корнями. А у нас, в Тигильском районе, в лесу можно увидеть целые плантации мухоморов, их никто не трогает.

Иногда люди с других районов специально приезжали, чтобы насобирать мухоморов. Эти грибы очень дорого ценились. За них отдавали целого оленя. Как-то мы с мамой, собирая ягоду, набрали на плантацию мухоморов. Я тут же палкой начала разбивать очень красивые грибы, говоря маме:

– Мама, это очень плохие растения, они ядовитые.

А мама мне просто объяснила:

– Дочка, если они растут, значит, они нужны. Не нам решать. Не надо разрушать их красоту.

Эти слова запомнились на всю жизнь. Увидев красивую, только показавшуюся из земли шляпку, я детям всегда говорила:

– Ох, как красиво смотрится на поляне!

Вот такой хороший урок дала мне мама.

Я с детства знала, что старые люди очень боялись пресмыкающихся, таких как тритоны. Якобы они предвещали несчастья.

Если забредет в дом тритон, так целый день потом обсуждают: что-то будет нехорошее в этой семье. Раньше тритонов было больше, потому что климат был намного теплее.

Как-то работая у себя на огороде, вдруг в навозной куче заметила тритона очень красивой окраски. Он весь блестел, спинка как в красивом плаще, блестящая, темно-зеленого цвета. Тритон лежал, грелся. Навоз был теплым. Вероятно, тритону было очень приятно. Я, вспомнив рассказы стариков, замерла, а дети обрадовались. Тритон от испуга так быстро пополз, как ящерица. Все-таки во мне остался страх: что-то это предвещает. За работой потихоньку забыла о нем.

Обычно такого тритона, если он заберется в жилище, рубили на мелкие части. Рассказывали, что иногда после этого он выживал, все части его тела вновь склеивались. Не знаю, не видела такого тритона.

Паук с ласковым именем *аняпель* – «бабуленька» – был самым ожидаемым в доме. По корякским

поверьям, он всегда приносил в семью хорошие вести. Я до сих пор этому верю: если паук появится в доме, значит, нам завтра будут хорошие вести, а может, и письмо долгожданное.

Это поверья достались нам от наших предков.

В торбаза клали соломенную подстилку для сушки обуви. На привале вытаскивали и обязательно плевали на старую стельку, чтобы злые духи-*нинвиту* не вмешивались в душу человека. На остановке, перед тем, как зажечь костер, обязательно кладут небольшие кусочки еды. Все это чтобы задобрить природу, духов.

В лесу летом никогда не будешь голодным. Черемшу ели просто так или на огне поджаривали. Сварили огромный котел с одной черемшой, нарезанной, как на борщ. А пучки? Есть холодные, есть горячие. Они отличались вкусом. Мимоходом схватишь свежие почки будущих шишек. Пожуешь – во рту свежесть. Наверно, наши предки до старости не знали зубной боли. У моей бабушки до самой глубокой старости сохранились зубы.

Самым лакомым хлебом считали пресную лепешку, запеченную в золе затихшего костра. Так летом все жили на подножном корме.

Дети совсем не болели. Гуляй сколько хочешь! К вечеру возвращались усталые, но радостные.

У девочек были свои заботы. С девочками, русскими подружками, договаривались, кто что принесет: хлеб, сахар, а чай сами брали. Зато потом спокойно бродили по тундре: ранней весной – че-

ремша, дикий лук. Все это заготавливали впрок: на-рубим мелкими кусочками, на полотно расстелем, и наш урожай вялится для зимы.

Очень интересно было забрести подальше, увидеть что-то новое, полюбоваться природой. Издали хорошо видно море. Оно в 9 километрах от села. Собирали в поход всех, кто хочет, искали «клад», а там цветные ракушки разные. Это будет наша игрушечная посудка. Иногда близко к берегу приплывали тюлени. Они никого не боялись, ныряли, всплывали, тоже веселились.

День Победы

Один день запомнился особенно хорошо. Сейчас июнь – летняя пора, пора белых ночей. Когда-то мы очень радовались этим белым ночам. Но сейчас климат очень изменился.

65 лет тому назад, еще девчонками, в День Победы мы всю ночь босиком пробегали. Такая была теплынь. Все это радовало. Всеобщий праздник!

К 65-летию победы в этом году начали готовиться загодя. Много, всю правду о войне, узнали только сейчас.

Я помню, как наш любимый библиотекарь Николай Павлович Доброхотов, участник Первой Мировой войны, уже немолодой человек, закричал: «Победа! Победа!» Что тут началось! Мы забыли про школу. На большой перемене, схватив свои «портфели» помчались разносить по всему селу радостную весть.

Конечно же, быстро пришли к своим избушкам, как могли, объясняли дедам и бабушками, что война закончилась. Наши старенькие бабушки и дедушки мгновенно как будто помолодели. Все стали искать, из чего бы приготовить угощение.

На улице у многих на треногах висели большие котлы. В домах стояли заготовки для весны. Обыкновенные остатки от оленьих забоев: на костях обычно оставляли немного мяса. Весной из них варят *ымтыл*. Измельченные кости варят, как хо-

лодец. Это угощение очень любили все, особенно дети.

Часто можно было видеть у большого котла склоненные лохматые головки всех детей. Снег еще кое-где лежал белой крупой. Оттуда несли кусочки бережно скомканных снежинок, которые тут же макали в бульон. На снегу образовывался слой готовый жир. Это было очень вкусно: то там, то тут был слышен стук молотков, разбивающих кости.

В День Победы все жители пошли к своим друзьям. Это был общий, действительно всенародный праздник. Мама меня повела к Сновидовым, потом к Лонгиновым. Мы заходили, а там такая радость! Столы ломились от еды, специально приберегаемой для праздника.

Мамин мешочек наполнился пирогами, конфетами и всем, чем старались угостить нас хозяева.

Не знаю еще такого всеобщего праздника, как тогда, когда всем селом отмечали День Победы.

Начало войны, к сожалению, не помню. Может, слышала, да не поняла русскую речь. Только запомнила один вечерний рассказ. Народ в Кочевой собрали у горы, и о чем-то говорили. Мне так хотелось послушать, но мама оставила дома совсем маленькую сестренку. Мы боялись, как бы она одна не упала, мама постоянно говорила:

– Идите-ка домой, дети.

Солнце на закате было очень красным. На нем появились какие-то темные пятна, они двигались.

Дядя Трифон и другие, показывая на солнце, рассуждали:

– Видите, вон враги, идет сражение.

Не знаю до сих пор, что это за астрономическое явление, но тогда взрослые связывали его с войной.

65 лет с тех пор прошло, как закончилась война. Многие северяне были участниками войны. Их обычно брали снайперами. Совсем неграмотные, не подчинялись никаким приказам, но были очень умелыми стрелками.

Из Ленинграда студенты-северяне сразу ушли на фронт. Некоторые были в блокадном Ленинграде. Среди них Зина Шмагина, дочь маминых друзей.

В их доме очень красивое фото было прикреплено прямо на чистые бревна. На подставке стоял серенький резиновый котик. Дед говорил, что эту игрушку Зина прислала из Ленинграда.

Девушка на фото напоминала о времени 30-х годов: короткая стрижка, белый беретик набок.

Я маму часто просила зайти в гости к Шмагиным. Мне очень нравилась игрушка и красивая смуглая девушка на фото. Она погибла. Сообщили, что во время дежурства при тушении зажигательных бомб ее волной сбросило с крыши.

Наша учительница Матрена Панкратьевна Баландина (Матрехина) пережила страшные блокадные дни. Матрена Панкратьевна тоже с севера, из Ханты-Мансийского округа. Ее уже нет.

Другой преподаватель, Андрей Петрович Федяев, без одной ноги в годы войны продолжал ра-

ботать в институте. Он был очень добрым и в то же время строгим. Учил всему, даже как правильно ложку держать. Иногда исчезал на долгое время. Это на очередную операцию.

Вот прошло 65 лет с тех пор, как закончилась война. К этому празднику в Палане подготовили всякие мероприятия. В музей пригласили уже немало молодых людей на вечер «Дети войны». В библиотеке была своя программа.

Вечер прошел неплохо, но чего-то не хватало. Люди сидели и слушали. Как на уроке. Не было волнения. Мне кажется, праздник должен объединять людей, а не разъединять.

Рисунки в детских книгах

Мои предки были совершенно неграмотными, но зато они были мудрыми, они были богаты жизненным опытом. Им было интересно, что происходит в природе, может, поэтому они и стали язычниками. Когда установилась советская власть, северяне начали учиться, осваивать грамоту. Это везде на Севере.

Моя тетя Коян, папина сестра, каким-то образом освоила письмо. Мне было интересно, как она на листочке писала длинные строки – сообщения родным из другого табуна. Так решила и я поступить. Как тетя, написала письмо. Собрала чайные обертки, выпрямила очень душистые листки и нацарапала длинные ряды каракулями, просто заполнила листочки, якобы «письма». Все это было в чуме.

– Тетя, и я написала письмо.

Она особо не удивилась. Она ко мне относилась строго, хотя была родной тетей, сестрой отца. Но в душе была очень доброй. Всегда о чем-нибудь рассказывала, как бы мимоходом. А я все запоминала.

Как только я научилась в школе читать покорякски, мне стало так интересно. Очень нравились книги о чукчах. «Жизнь Имтеургина старшего» я читала бабушке вслух. Она очень удивлялась:

– Надо же, как коряки говорят. Ну, вот *кыром* (нет), а у нас скажут *кыйым*.

– Не знаю, бабушка, так написано в книге.

– Да, очень интересная история про мальчика, – удивленно покачивала головой бабушка.

– Бабушка, я потом еще прочитаю.

– Хорошие книги, это про нашу жизнь. У них олени, и у нас олени, они тоже, как и мы, кочуют.

Но самым интересным было рассматривание рисунков. Тут уж подключался братишка Ивана.

Когда я пошла в школу, мне выдали «Букварь». Он стал для меня самой доброй, самой дорогой книгой. Часами я рассматривала рисунки и на обложке, и в текстах. Всего-то графические рисунки, под которыми были какие-то непонятные для меня знаки, точки. В начале и в конце обозначены буквы, тоже мне еще не известные.

Однажды вечером открыла «Букварь» и стала любоваться разными, родными, очень знакомыми рисунками:

– О, вот юколка, а это – шкура, а там – нарта.

И вдруг останавливаюсь на простеньком рисунке – собранные в кучу дровишки и запись «у...у». Да это же дрова! Вот, значит, надо заполнить пропуски.

– Мама, бабушка! – громко воскликнула я и с радостью показала рисунок. – Я поняла! Вот как надо читать!

Это было для меня настоящим открытием! Вот теперь начались домашние чтения. Слушателями

стали бабушка и братишка Ивана. Почему-то мне нравилось читать слова, как молитву: с долгим растягиванием звуков. Получалось очень красиво, я старалась как можно лучше произнести слово. Например: улуул «морж». А я произносила с напевом: у-лу-ул.

Весь «Букварь» прочитала бабушке. Когда изучили всю азбуку, то стала бабушке читать маленькие рассказы:

– Бабушка, я прочитаю про Эвныто.

– Внучка, вечером про мертвых читать не надо. Эвныто давно умер.

Мне нравилось, что бабушка боится, а я нет. И каждый вечер на сон начинала пугать бабушку:

– Бабушка, не бойся, это так в книге написано, – с улыбкой говорила я ей.

Первый букварь был для нас как энциклопедия. Он вводил нас к знакомым местам, показывал знакомую утварь. Мы скучали по своему оставленному стойбищу, где было так прекрасно: природа, люди, мы были там в родной природе. Долго привыкали к селу. Нам казалось, что воздух здесь другой, да и природа не та. Хотя познакомились с морем.

Прошло много времени, появились новые буквари, новая агитация: флаги, вожди. Буквари пестрели краснотой, и рисунки уже неживые. Но это было требование времени.

Много лет спустя, когда издавали нашу с Верой Кавав «Книгу для чтения», меня вызвали в Ленинград, чтобы проверить сигнальный экземпляр. По-

просили поработать с художником. К сожалению, забыла его имя. Он был молодой. Наверно, не был на Севере, потому что некоторые рисунки скорее напоминали совсем другие национальные типы. Тут скорее узбечка, а не корячка. Он принял мои замечания, и книга вышла более или менее приближенная к Северу. При издании книг надо учитывать каждую мелочь. Правильно изображать, чтобы детям было интересно.

Вспоминаю всегда с улыбкой очень интересную книгу «Школа на тундре» С.Н. Стебницкого, который очень быстро изучил язык и быт северян-коряков. Он описывает своих учеников: любопытные, смешливые, чем-то напоминают наш подготовительный класс из девяти человек. Иногда подсмеивались над учителем:

– Учитель, а вот буква Т похожа на пискью!

Они произносили корякское очень неблагозвучное название. А Стебницкий как ни в чем не бывало, не удивляясь, продолжал:

– Да, похожа. Пишите дальше.

Дети замолкали, не дождавшись смущения учителя. Он делал вид, что все идет как надо, и не останавливал внимания на подвохах учеников. Это был замечательный учитель.

В моем первом букваре рисунки как будто выполнены самими жителями. Все так просто и красиво, очень понятно. Простой штрих – вот тебе и кустик. А олени! В маленьком рисунке не пропущено ни одной детали. Все стадо из разных оленей.

Вот это важенка, а там бык. Все в движении: олени-воды у нарт, женщины с детьми.

Во многих книгах автором рисунков назван Савва Хлебников. Кеччай Кеккетын использовал его рисунки в своих книгах. Савва Хлебников – псевдоним Ёнагыта. О нем мало знаем. Он родом из Олюторского района. Тоже, наверно, учился у Стебницкого. Кстати, о Ёнагыте в «Букваре» был небольшой рассказ-диалог на корякском языке. Я приведу здесь перевод:

- Ёнагыт, откуда пришел?
- Из тундры.
- Что убил?
- Песца.
- А где он?
- Ох, нету его.

Вот такие небольшие диалоги были и в букваре. Сейчас, на мой взгляд, учебники для национальных школ стали более сложными, но неинтересными. Может, время другое...

Первый школьный день

Начало нашей учебы пришлось на годы войны. В 1940 году после переезда из Паланы Кочевой мы пришли в школу. Нас было девять человек. Родители нам сообщили, что надо собираться в школу. Они были безграмотными, но знали, что школа – это что-то хорошее. Кто как мог, собирал своих детей.

– Уля, ты сшила сумку для Аваккы? Пальчан, а вы что собрали для Вани?

Так друг друга спрашивали матери, в чем пойдут их дети в школу.

Моя мама, Марина Якимовна, сшила мне из какого-то не очень яркого материала мешочек с ремешком. Ну совсем как у Филиппка из рассказа Льва Толстого.

Итак, мы все вместе в одно время собрались и отправились в школу. В общем-то, мы никогда почти и не расставались. Целыми днями играли вместе. Вместе и направились в Палану. Мы жили подальше, за рекой Михакино, где позднее располагалась совхозная усадьба.

Всего-то год прошел, как нас перевезли из Паланы Кочевой. Наверное, поэтому наши земляки старались соблюдать общинное хозяйство, все были на виду. Вот теперь новое, еще никому не известное слово «школа».

Очень запомнился первый день. Нас повели в класс. Вот Петя Солодяков. Он – единственный сын в семье, его баловали. И в этот день Петя был одет очень нарядно: малахай, расшитые торбаза, новая кухлянка. И держался он как-то горделиво.

А вот Эвкумье Кихляп. Он – любимец бабушки Ав'тыке. Мама его рано умерла, и бабушка всю заботу о внуке взяла на себя. Он был очень озорным мальчиком. Мы называли его *Гикку*. Самым добрым был Ваня Кавав. Кававна – озорница. Это будущая Елена Иннокентьевна Бойко (Солодякова). Очень веселая девочка. Наша Елена Яганова (будущая жена Пети Солодякова, мама нашего художника Анатолия Петровича Солодякова). Какыкку Легинов. Аввака – это Вера Ильинична Кавав, моя подруга. Она всегда была уравновешенной девочкой.

Пришла в класс учительница, Александра Петровна Живодерова (Лонгинова). Уж мы тут начали разглядывать ее: а какое на ней платье, а волосы русые, глаза как море! Помню ее платье, прилегающее к тоненькой фигурке, хотя она уже была мамой двух детей. Всех рассадил за парты. Нам было все интересно. Парты черные, с открывающимися крышками. Александра Петровна раздала всем по букварю, карандаши, ручки, чернильницы. И началась наша учеба.

Тогда познакомились с книгой для чтения, автором которой был Сергей Николаевич Стебницкий. В ней он так точно описал первое приобщение се-

верян к грамоте, что мы узнавали себя. Дети очень похожи на нас. Такие же любознательные, иногда бесцеремонные.

До самой глубокой старости остается в памяти этот замечательный день – первый день учебы.

Наш вожатый Васе

Старожилы помнят уже немолодого тогда человека – Василия Николаевича Кавава. Его уже давно нет с нами.

Жил подросток в Палане Кочевой. Вася рано остался без матери. Отца его, Микульчу, репрессировали, как и многих других. Простых оленеводов, владельцев небольших общих семейных табунов, посчитали богачами и в одночасье увели в Палану. Стойбище мгновенно осиротело. Только женщины между собой тихо переговаривались, не понимая, что случилось, чем провинились их кормильцы?

Вот и Микульчу, полуграмотного, посчитали врагом народа. Это отец нашего Василия. Как-то ему удалось бежать из Паланы, но потом вовсе исчез.

В стойбище с Василием близко мы знакомы не были. А вот когда начали учебу в Палане, приехав из Кочевой, впервые встретили Васе как вожатого октябрят. Он учился тогда уже в старших классах.

Первая встреча для нас была очень запоминающейся. Дело в том, что мы, подготовишки, совсем не владели русским языком. А тут пришел родной человек. Мы просто, по-своему, называли его «Васе».

На родном языке он объяснил, что мы теперь будем октябрятами, помощниками взрослых, будем хорошо учиться. Васе вытащил из пакетика маленькие пятиконечные звездочки, вырезанные из картона, обшитые кумачом.

– Васе, я не буду раздеваться, шерсть от кухлянки упадет, – сказала я ему просто, как брату.

Он слегка улыбнулся и ответил:

– Ничего, ребята, снимайте кухлянки, я вам сейчас прикреплю эти звездочки.

Мы, приободрившись, мигом поснимали кухлянки, а по всему классу уже летала шерсть от наших кухлянок.

Василий всем по очереди пришел на грудь к платьям и рубашкам по звездочке. Кто такие «октябрята», мы, конечно, не знали, но волновались за звездочку, как бы она не выпала.

Васе тогда сказал:

– Вот вы, Ёкав, Гикку, Авакка, Кававна, Кыкыкку, Ваня теперь настоящие октябрята.

Домой дружно шли вместе, и так хотелось, чтобы все видели наши звездочки!

Наш вожатый Васе очень много времени проводил с нами, старался, чтобы мы были на природе. Там, где сейчас бывший совхоз, внизу, за маленькой речкой, Васе устраивал для нас спортивные соревнования, учил нас маршировать, бегать.

Потом Васе окончил школу. А когда началась война с Японией, то он с другими юношами из Паланы и Тигиля был призван в армию.

Прошло какое-то время. Он вдруг внезапно появился в доме моего дяди, Трифона Якимовича Кавава. Дядя собрал всех племянников и племянниц. Детей своих у него не было. Так вот, входит молодой юноша, очень аккуратно одетый, хоть и в старой, выцветшей гимнастерочке, в сапогах. Тол-

стый ремень обтягивал тонкую талию. За спиной – рюкзачок.

Так все были рады! Особенно дядя. А мы как радовались: ведь это наш вожатый Васе вернулся!

Однажды он принес патефон и много пластинок. Научил, как пользоваться инструментом. Нам нравились танцевальные мелодии. Была и классическая музыка.

Потом, уже в институте, услышав какую-нибудь мелодию, я вспоминала: «Где же это я слышала? Вот «Корневильские колокола». Да это же дяди Васи пластинки!»

Иногда без него запускали патефон. Не успев закончить слушание, крутящийся патефон с пластинкой накрывали чем-нибудь: «Сейчас дядя Вася зайдет». А он просто говорил:

– Играйте, девочки, только аккуратно.

Потом Василий Николаевич Кавав стал работать в окружке комсомола. Вот там и встретил свою любовь – Анну. Это наша Анна Иннокентьевна Солодякова, первый мэр села.

Вася женился, родились дети, работал в газете «Корякский большевик». До самой старости был добрым, уравновешенным человеком. Любил иногда пошутить: «Миллионную Квантунскую армию победил, а одну эвенку победить не могу». Это он так шутил о семейных житейских спорах с Анной Иннокентьевной.

Вот таким был наш земляк, Василий Николаевич Кавав, участник Курильского десанта, а для нас – вожатый Васе.

ЮНОСТЬ

Учеба в Ленинграде

Закончила семилетку в Палане. Мне очень хотелось учиться дальше. Случай сам помог решить мою судьбу. Мою маму очень уважали учителя, они были для нее как приятельницы, помогали как могли. Одна из преподавательниц просто сказала:

– Марина, дочери надо дальше учиться. Мы можем отправить ее в Ленинград.

После этого разговора мама, вернувшись домой, объявила бабушке:

– Мама, твою внучку хотят отправить в Ленинград. Не волнуйся, она недолго там будет учиться.

Так и решили. Но мне в душе было очень непросто, как же я оставлю одних маму и бабушку? Они же ждали, что после школы я пойду работать. Но я решилась:

– Ничего, мама, я очень быстро вернусь! – сказала маме, и начались сборы.

Мы с подругой Верой спешили подготовиться к поездке. А собирать-то мне было и нечего. Мама принесла старенький самодельный чемоданчик с железной ручкой, внутри он был оклеен газетой. В интернате сшили мне светлое в цветочек платьице-татьянку. Вот и весь мой багаж.

Помню, как перед самым отъездом мы с Верой поднялись в летний домик на столбах. Там уже го-

товилась национальная еда. Специально квасили в оленьем желудке свежую кровь, смешанную с оленьим мясом, поджаривали на огне панты, желудочки. Это была наше последнее пиршество перед отъездом.

На рейде стоял маленький пароходик, доставшийся от немцев, но носивший имя великого поэта «Пушкин». На нем приплыли ребята из Прибалтики на практику. Там были и русские, и латыши – одна молодежь. И капитан был совсем молодой, только на камбузе работал старичок.

Нас провожали мамы. Мы с Верой взяли две шкуры и еду: сушеное мясо, сушеную рыбку, немного конфет, вот и все.

Братишка не верил, что я уезжаю. Помню, как я сказала ему:

- Акка, я сегодня уезжаю надолго!
- Неправда...

Мы так и расстались, не попрощавшись.

И вот мы с Верой взошли на пароход. Поместили нас в трюм, на стеллажи. Рядом было много молодых парней: их призвали на срочную службу в армию. На этом пароходке была и наша учительница математики, Мария Федоровна Лонгинова. Мы с Верой заняли нижнюю клетку, расстелили там принесенные шкуры. В общем, устроились.

Потом мне мама рассказывала: когда мой брат Ваня узнал, что я на пароходке, побежал на устье, чтобы увидеть меня, проплывающей на пароходке, и долго горько рыдал, бегая по берегу.

Наш «Пушкин» поплыл в Пенжинский район вместо города. Потом тем же путем вернулись в Палану, а затем – в Петропавловск.

Все съестные запасы у нас кончились. Наша учительница, Мария Федоровна Лонгинова, целый месяц подкармливала нас гречневой кашей. Потом я долго гречку не могла есть, сразу пароход вспоминала.

Обычно за водой ходила я сама. Мне было интересно. Качки я совсем не боялась. Дело в том, что еще в моем детстве бабушка соорудила в нашей палатке качели. Я могла целыми днями крутиться вокруг оси. Наверно, тогда и натренировался вестибулярный аппарат. Когда плыли на пароходке, я по палубе шла к камбузу, а там из трубы наружу вытекала вода. Однажды какой-то старик схватил меня за руку, я вырвалась и быстро убежала, но больше за водой одна не ходила, боялась.

Из Паланы до города плыли месяц. Питьевая вода на пароходке закончилась. К нам на помощь пришел тральщик, он и доставил воду.

Мне все было интересно, ничего не боялась, только немного стали скучать по дому.

Из Паланы мы приехали на пароходке «Пушкин» в город Петропавловск-Камчатский. Было все новое: улицы, машины, много людей. С подружкой решили зайти в булочную. Небольшой магазин, за стеклом выставлены муляжи: какие красивые булочки! Вот сейчас их купим. Дошла до нас очередь, и как-то мы догадались, что это просто витрина. Если бы по-

просили дать нам те булочки, которые под стеклом, наверно, насмешили бы посетителей.

В городе Петропавловске-Камчатском облоно купило нам билеты до Владивостока – палубные. Хорошо, что было лето. Мы с подругой на палубе, как бомжи, лежали. Однажды матросы мыли верхнюю палубу, решив пошутить, они сильно облили нас водой, но потом пожалели и все наши пожитки унесли на просушку.

Во Владивосток мы отправились на большом пароходе «Сибирь». На нем во Владивосток ехали достаточно богатые люди: очень хорошо одетые дамы. Наверное, они отправились в отпуск или совершали круиз.

Мы с Верой, как дикарки, добрались до туалета: а там все блестит, быстро умылись и побежали наверх, на палубу.

Через несколько дней мы оказались во Владивостоке. Тогда город казался тихим, уютным. По главной улице Карла Маркса мы с удовольствием катались на трамвае. Здесь впервые я услышала наяву гудок паровоза. Но казалось, что все это было уже хорошо нам знакомо. Мы не очень удивлялись. Это же все мы видели много раз в фильмах, а теперь вот видим наяву.

Во Владивостоке избавились от своих шкур и посуды. Там кое-как сели на поезд – и до Москвы.

Нам всегда встречались добрые люди. У меня деньги висели, зашитые на талии, как патронташ. В вагоне кого только не было. Было много военных,

едущих на запад. Вдруг один старичок тихо подзывает меня к себе. А на мне была маечка с юбкой: в жару я снимала кофту. А он говорит:

– Дочка, у тебя деньги зашиты?

– Да, – отвечаю.

– Больше не снимай кофту, а то видно, что у тебя за пояс.

Я послушала и больше до самой Москвы не снимала кофтенку.

Проезжали много городов: Улан-Удэ, Тайшет, Красноярск, Новосибирск... Вот и Москва. Я представляла, что Москва нас встретит с музыкой, как в кино. А тут люди идут, идут, каждый по своим делам.

С нами ехала землячка, в Москве она повела нас к родственникам. Там нас привели в порядок.

Мне очень хотелось самостоятельно побродить по столице. Как-то мы забрели на рынок, и тут я отошла от друзей. Пошла бродить сама. Чего только на рынке нет! А мы и не знаем, как что называют и как едят. Все же, поборов робость, я осмелилась спросить одну продавщицу:

– Скажите, а что это у вас такое?

Она почему-то рассердилась и громко рявкнула:

– Ты что, не видишь, что лежит на прилавке?

Я спрашиваю:

– А что это такое?

Я очень расстроилась: почему мне так отвечают? Рядом оказался мужчина и сказал продавщице:

– Что вы кричите? Может, она не знает? Девочка, ты откуда?

– Я с Севера.

– Вот видите, объясните ей, что это за плоды.

А сам мне по-доброму начал объяснять:

– Девочка, это фрукты, сливы, их можно есть.

Пока я решила побродить по городу, друзья меня совсем потеряли. Дошла я до какого-то вокзала и, надо же, подошла к таксисту. Дорогу, где мы остановились в Киногородке, это в Лужниках, хорошо запомнила, где мост, где улица.

– Девочка, тебя куда везти?

– Я не знаю названий улиц, но Вам подсказывать буду.

Шофер, мужчина средних лет, улыбаясь, сказал:

– Ну, садись и показывай, куда ехать.

Я без всякого смущения начала:

– Сейчас едем прямо, а там под мостом есть тропка, и дорога сама приведет к дому.

Он всю дорогу улыбался, наверно, удивлялся моей наглости. Как вспомню! Да ведь сейчас не решусь такси остановить. А тогда – легко! Какая детская наивность!

У какого-то большого дома стояла лотошница. Яркие окрашенные в оранжевый цвет дивные плоды привели меня к ней. Продавщица спросила, зачем мне нужно отрезать небольшой кусок огромного плода:

– Девочка, это годится для каши, так ее не едят.

– Ну, ладно, не надо, – просто ответила я.

Деньги, выданные нам, быстро закончились. Это же 1950 год – сколько калек! Мы всем подавали. Нам ведь с детства объясняли, что бедным, больным надо помогать. Ехать дальше денег не было. И тут вспомнили наказ Григория Михайловича Нуждаева, заведующего Корякским Окружным отделом народного образования. Он тоже выпускник ЛГПИ им. А.И. Герцена. Он сказал нам перед отъездом:

– Вот вам по тысяче рублей.

А ведь какие это были деньги! Нам доверили, совсем глупым детям. Посоветовал:

– Если не будет хватать денег доехать до Ленинграда, то в Москве идите в министерство образования к Каирову.

И вот в Москве, когда у нас закончились деньги, и оказалось, что в Ленинград ехать не на что, мы собрались, и смело пошли просить деньги. В моем понимании министры должны были быть очень богатыми и толстыми, как писал С.Я. Маршак. А тут входим в обычный кабинет и нагло просим денег доехать до Ленинграда.

Кто-то из сидящих в кабинете спросил:

– Ребята, а сколько вам дали денег?

А мы:

– Только по тысяче.

Очень насмешили их:

– Вот это да, после семилетки сразу тысячу рублей?! Мы, работая в министерстве, таких денег сроду не видели. Где же эти деньги?

– А мы раздали бедным: они же калекки.

В общем, в министерстве выдали нам ровно столько, чтобы на поезде добраться до Ленинграда. Прибыли мы в Ленинград на Московский вокзал. Куда ехать? Что делать? Вспомнили, как наша школьная учительница биологии Лина Ивановна Головина (ныне она уже в очень преклонном возрасте, живет в Петропавловске) говорила нам перед отъездом:

– Девочки, прибудете на Московский вокзал, садитесь на трамвай и поезжайте до Мойки, вас там встретят.

Ранним тихим утром на трамвае по Невскому доехали до остановки «Набережная Мойки». Всех расспрашиваем, как добраться до института. Пассажиры так были рады объяснить нам, где выходить и куда идти. Они были одеты очень скромно, но таких доброжелательных людей я больше никогда нигде не встречала.

И началась новая жизнь. Поместили нас в старинном особняке в первом корпусе: Мойка, 48. Комнаты просторные, окна до потолка, в одной комнате по 30-40 кроватей, у каждой кровати стоит тумбочка.

Тогда была своя столовая при институте. Все рядом. На перемене успевали быстро пообедать. На столах стояла общая хлебница. Иногда, в ожидании первого, мы успевали съесть весь хлеб. Но в первую очередь из графина надо было налить и выпить ложку рыбьего жира. Климат в Ленинграде неважный, многие болели.

Наши землячки из Паланы Варя Бречалова и Дуся Мохнаткина в то время уже учились в Ленинграде. Они были нашими первыми экскурсоводами. Иногда мы им говорили:

– Варя, Дуся, пойдете по той темной улице, а то стыдно.

– Нет, пойдём по Невскому проспекту!

У меня была длинная коса. В Ленинграде часто ребята дергали меня за косу, наверно, хотели проверить, настоящая она или нет. Ленинградцы тогда были очень добрыми. Посмеемся и продолжаем свой путь.

Потом Варя и Дуся по болезни вынуждены были уехать домой.

После войны еще была разруха: Петродворец чернел, фонтаны не работали, скульптуры обезображены, еще саперы ходили и проверяли парки. На Невском еще не работали трамвайные линии.

Все бывшие храмы считались музеями. Исаакиевский собор, главная церковь в дореволюционной России, работал как музей. Внутри было пусто, никаких иконостасов. В основном, экскурсанты поднимались по винтовой лестнице до самого верхнего купола. Я два раза поднималась и видела оттуда весь город. А Казанский собор! Тоже ведь тогда был музеем. Мы жили в двух шагах от этого собора. Очень просто пролезали через ограду – вот и в центре города. На нас как бы смотрел «Дом Книги» на Невском. Все студенты посещали этот дом. А Дворцовая площадь! Много-много каналов!

*Ленинград. Мы с Лидой, подругой из Эвенкии, – уже первокурсницы
ЛГПИ им. А.И. Герцена.*

На Набережной реки Мойки есть дом 48. Это главный корпус нашего пединститута. На этой же стороне, если пройти по Невскому, находится дом 12. Это музей-квартира А.С. Пушкина.

Очень тихий дворик. Квартира со многими комнатами. Мы часто заглядывали в эту знаменитую квартиру, как будто в гости к любимому поэту.

На Набережной Мойки, чуть подальше, находится ломбард. Еще Пушкин приносил и закладывал там какие-либо вещи, чтобы получить нужные деньги.

Однажды мы с девочками посетили и это знаменитое место. Пришли не с пустыми руками, сдали на лето свои дешевые, купленные на рынке осен-

ние туфли. И, как ни странно, оценщики оценили наши вещи и приняли. Хотя рядом в очереди стояли люди с тюками ковров, какими-то ящиками.

Мы потом радовались:

– Вот видите, девочки, и у нас, как у Александра Сергеевича, приняли наши резиновые туфли! – сейчас думаю, что, наверно, нас просто пожалели.

Жители Ленинграда отличались от москвичей. Они были очень простыми в общении и добрыми.

Мы жили в общежитии очень дружно. А были тут девочки из разных северных округов. Клара Моринова из Якутии была по тем временам состоятельной. Когда-то ее родители тоже учились в Ленинграде. В основном в нашем гардеробе были ее платья, которые принадлежали всем. Она любила наряжать нас в театр.

Для того, чтобы пойти в театр, заранее специально копили деньги. В моем дневнике сохранилась запись: «Как хотелось сходить на Лемешева, но не хватило двух рублей», – а тогда это были большие деньги.

За эти годы я встречалась со многими актерами. Первая встреча с Павлом Петровичем Кадочниковым произошла в Ленинградской капелле. Я написала ему открытку, и он ответил на нее, написал очень добрые слова с пожеланием хорошо учиться. Жаль, что потом, спустя много лет, делая уборку в квартире, я разорвала многие ценные письма моей юности, а вместе с ними и открытку, написанную Павлом Петровичем Кадочниковым.

Сейчас часто показывают старые фильмы, в которых играли наши знаменитые актеры: вот Борис Андреев, Марк Бернес, Людмила Целиковская. О них подробно я писала в своем студенческом дневнике.

Однажды на Невском встретила очень интересного актера, Сергея Филиппова. Он стоял у большой витрины нашего любимого кинотеатра «Баррикада». Просто поглядела на него и узнала. Он как будто вышел из кино. Таким родным показался. Я молча прошла, не решилась к нему подойти.

Потом с Набережной Мойки мы переехали на улицу Желябова, прямо к порогу Театра Эстрады. Белые мраморные лестницы от времени стерлись, лифта не было. В комнате – обычная печка, видимо, поставленная еще во время блокады. Этой печкой пользовались все, кто был на этаже.

Нам выдали комнатку на четверых, очень уютную, в конце длинного коридора. Напротив нас поселили ребят. Иногда из-за пустяка мы могли устроить небольшую потасовку в коридоре. После – разбегались по своим комнатам. Это был наш восьмой класс.

Однажды решили приукрасить комнату. На базаре купили букеты бумажных цветов, какие-то гирлянды. Галина Тимофеевна Еремеева, наша воспитательница, как вошла, так и ахнула. Очень интеллигентная женщина, коренная ленинградка, сказала простые слова, которые запомнила я на всю жизнь:

– Девочки, все, что висит, снимите. Это очень некрасиво. А бумажные букеты выкиньте. Никогда в доме не держите искусственные цветы. Пусть лучше будет обычная веточка – это будет самое лучшее украшение.

С восьмого по десятый класс учили нас по школьной программе наши добрые учителя, почти все ленинградцы. Математику преподавала Мария Кероповна Орбели, жена директора Эрмитажа, Орбели. Мария Кероповна – воспитанница Смольного института благородных девиц, который потом расформировали. Мария Кероповна – небольшого роста, уже в возрасте, она сама поднималась на наши учебные этажи. Часто мы встречали ее, чтобы помочь ей донести огромный портфель. Лифта в старом здании не было. Она всегда была одета очень просто: обычная юбка темного цвета и кофта светлого тона и свободный пиджак под цвет юбки. И, конечно, неизменная большая-большая брошь «божья коровка». Эту брошь она никогда не забывала. Как помню, с восьмого класса до самого выпускного дня эта брошь всегда была при ней. Мария Кероповна жила в конце здания Эрмитажа, видимо, эти комнаты были предназначены для сотрудников музея. Детей у Марии Кероповны не было. Она нас очень любила, как-то пригласила к себе в гости в комнату-квартиру, которую оставил ей муж.

Небольшая уютная комнатка. Меня поразило окно. Оно из сплошного стекла. Через него можно было спокойно любоваться Набережной Невы и,

как на картине, красовалась Петропавловская крепость. В комнате то там, то тут лежали книги. Конечно же, угостила нас чаем. О чем-то говорили, но мы ее никогда не расспрашивали о личной жизни.

Точные науки мне давались с трудом. Особенно математика и химия. На математике, слушая, я все смотрела, как Мария Кероповна ведет урок: она небольшого росточка, вытянет руку и сухими длинными пальцами выводит на доске линию, иногда задевая ногтем доску, продолжает чертить, объясняя нам:

– Вот бесконечный эпсилон...

Химию преподавала очень интересная учительница. Мы прозвали ее «патриотом», потому что перед тем, как начать объяснять новую тему, она, рассказывая об ученом-химике, обязательно добавляла:

– Менделеев Дмитрий, ученый и наш с вами... запоминайте, наш с вами соотечественник.

Так нас наши любимые учителя выпустили из школы в 1953 году.

После десятого класса наша комната осталась в таком же составе: Вера, Галя, Клара и я. Все мы поступили на один факультет. Так что нам легче было вместе учиться, мы уже привыкли друг к другу, стали одной семьей.

Тогда было гособеспечение: питание, одежда для всех одинаковая. Нам это очень не нравилось, и мы старались что-то со стипендии купить. Иногда купим один материал на всех, и каждая себе шьет

платье. Платья получались разных фасонов, но все из одного материала.

Потом решили шторкой отделить столик – это была наша кухня. По очереди в складчину ходили за продуктами. Я обычно брала много, да подешевле. Например, жареную треску, бородинский черный хлеб, ну и к чаю чего-нибудь.

Однажды мне сказали:

– Катя, ты не будешь ходить в магазин, у тебя одна рыба.

– Ну что вы, девочки, ведь дешево и очень много.

Зато Вера умела на эту же сумму купить всего понемногу: и сыр, и масло, и колбаски. Так что из меня торговец не вышел.

На Невском был хороший магазин. Как-то мы с подругой решили там купить мяса для супа:

– Дайте нам, пожалуйста, сто грамм мяса.

– Это для кошки?

– Нет, это нам для супа.

Наверно, продавцы долго потом вспоминали незадачливых покупателей.

Потом мы решили сварить уху из свежей рыбы. В этом же магазине в аквариуме плавали разные рыбки, нам незнакомые.

– Вера, давай вот эту, видишь?

Через весь Невский в руках несли трепещущую рыбу, она только из воды. Чуть не выронили, но, все же, донесли, благо, рядом, – только улицу перейти, а там наше общежитие, Желябова, 27.

Уху варили долго, рыба какая-то скользкая. Мы, кажется, не стали есть, боялись, что не сварилась. А нам очень хотелось, как дома, сварить наваристую уху. Больше к рыбе в Ленинграде не подходили.

Все 8 лет я жила безвыездно. Хотелось домой, но боялась не вернуться. Мама бы не нашла денег на дорогу. А мама тоже хотела очень, чтобы я приехала, но отгоняла эти мысли:

– Не смогу собрать денег на обратную дорогу. Пусть уж доучивается.

Вот так мы, находясь друг от друга на далеком расстоянии, мысленно одинаково решили: мечты о каникулах дома – неосуществимые.

Мама рассказывала: она каждый год погибала палец, все время считала, сколько осталось до приезда дочери.

Так держались все восемь лет до окончания учебы.

Вера, моя лучшая подруга, всегда была как взрослая, хотя на год моложе меня. Мы на танцуйках рядом с общежитием на площадке под радио пляшем, а она чинно, важно, на постели лежа, читает.

Вера с самого детства была моим поводырем. В детстве игрушки были общие. А в институте она часто указывала на мои ошибки. Мы с девочками шептались:

– Наверно, Вера будет старой девой.

А Октябрина:

– А я, девочки, ни за что не буду старой девой!

– Девочки, а ведь наши будущие мужья где-то тоже сейчас учатся. Вот бы знать, где они.

На своих ребят мы не обращали внимания. Они целыми днями вместе с нами, да еще в общежитии: всегда рядом, как братья. Вечером, бывало, кто-то из них постучит к нам, попросит поесть или прочитает стихи свои. Придет Ваня Шесталов. Он хотел, чтобы мы оценили его стихи:

– Да некогда нам, Ваня, уходи, видишь, делом занимаемся.

– Ну, смотрите, потом жалеть будете, что не слушали мои стихи.

И верно, он теперь хантыйский писатель. Сейчас иногда возьму с полки его книгу и говорю:

– Да, Ваня, жаль, что тебя не слушали.

Вот уже на четвертом курсе: кто на физмате, кто на спортфаке, а мы – филологи. В нашем классе учились: наш земляк Эрик Гребзде, он алеут, Дима Осогосток – из Якутии. Для нас были открыты все кабинеты. Дима на вид очень хиленький юноша, его Дульсинеей стала ненка Христина. Очень высокая, рыжеволосая, белолицая девушка. Дружба у них была школьная. Дима носил ее портфель. Она была ему как старшая сестра.

Так вот, наш Дима страшно не любил анатомию со всеми ее атрибутами. В углу кабинета стоял скелет. Ребята таскали его, гонялись за нами, пугая скелетом. А на столе в кабинете анатомии приготовлены заспиртованные органы человека, что надо по теме. Вот Диму вызывают рассказать строение сердца. Он берет указку и начинает.

– Осогосток, покажи, где аорта.

– Не могу, – отвечает он.

– Не бойся, иди поближе, – продолжает учитель.

Так Дима и не смог пользоваться наглядными пособиями человеческих органов.

По болезни Диму отправили домой, в Якутию. И каково же было наше удивление, когда он позвонил нам из Москвы. В тот год только что построили МГУ на Воробьевых горах. Во время зимних каникул мы поехали к нему в гости, в Москву. Он показал все здания, комнаты. Было замечательно! На вопрос, как он поступил в МГУ, ответил:

– Приехал, сдал экзамены, теперь вот учусь вместе с сыном Шолохова на биолого-почвенном факультете.

Мы были очень рады за него, его очень любили однокурсники.

Мы все поступил в институты, на разные факультеты. Началась новая ступень учебы.

В нашем институте было очень много факультетов: литфак, истфак, факультет дефектологии, факультет романских языков и наш – северный факультет. Здесь в основном выпускники средней (подготовительной) школы распределились, кто на геофак, истфак, физмат, на факультет русского языка и литературы, северных языков.

Наш институт, Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, дал нам очень многое, институт нас воспитал с любовью. Здесь работали известные ученые-североведы. Многие ученые довоенного времени

попали в опалу, да просто их пересажали. Только сейчас более-менее стали открыто говорить о тех страшных годах, когда в одночасье увели в тюрьмы преподавателей-североведов.

Профессора читали нам лекции, как и на всех факультетах. Мне очень нравились лекции по иностранной литературе. На одной из них впервые услышала о поэте из Шотландии, Роберте Бернсе. Еще нравились нам лекции по русскому языку.

Их вела очень интересная женщина, коренная ленинградка, Мария Алексеевна Якубович. Говорила примерно так:

– Как я не люблю иностранные слова на русский лад. Ну, что это такое: *аллэ*? Никогда не произношу это слово, просто отвечаю: *я слушаю*. Никогда не употребляйте неприличных слов.

Практические занятия по выразительному чтению читал профессор Язовицкий. Ребята наши, начинающие писать, с удовольствием декламировали стихи Владимира Маяковского и других известных поэтов. Мне было очень неловко читать стихи, но надо так надо:

– Катя, тебе надо со звуком «*р*» поработать, у тебя мягчит.

И так ко всем студентам, как будто нас готовили к профессии актера.

Мы учились у замечательных североведов. Петр Яковлевич Скорик – теперь он человек-легенда. Петр Яковлевич вел чукотский язык. Иногда приходил к нам, чтобы уточнить сходство

того или иного слова, сопоставить чукотское и корякское слово. Как начнем спорить, что нет у нас такого слова, а Петр Яковлевич упорно твердит: «Есть». А мы время тянем, чтобы занятие прошло за спорами, чтобы лекцию не писать, под конец соглашаемся:

– Да, Петр Яковлевич, вспомнили, есть такое слово, – он доволен, что его предположение оказалось верным, а мы про себя хохочем: всю лекцию его дурачили.

Лев Васильевич Беликов – очень красивый профессор. Он в основном с чукчами работал, но иногда приходил к нам, тоже поговорить о языке.

Татьяна Александровна Молл в то время ещё работала над словарем. Привлекала и нас к работе. Каждый выходной приезжала в Вырицу Ленин-

Первый курс филологического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена. Мы на уроке корякского языка. Слева направо: Алла Бекерова, Володя Косыгин, Вера Кавав и я, Катя Наривилич.

градской области, оставляла нам задание до следующего выходного.

Так же работали студенты из Ямала, Эвенкии и других автономных округов. Работа у нас кипела.

Наши преподаватели были очень интеллигентные люди, они любили нас.

Вера Ивановна Цинциус – профессор, она говорила по-эвенкийски. Однажды она пропала. Оказывается, ее увезли в тюрьму за перевод. Сказали, что она «галстук Ленина» перевела на эвенкийский как «ошейник».

Многие преподаватели исчезали, а потом появлялись.

Не забыли и физкультуру. Зимой, после того, как выпал снег, начали в парке Кирова проводить уроки на лыжах. А я совершенно не могла кататься, но старалась. Это были прекрасные прогулки, развлечение, веселье. Потом после урока физкультуры снова шли на лекции.

Вечерами всем коллективом занимались в студии художественной самодеятельности у Татьяны Федоровны Петровой-Бытовой, бывшей ученицы Айседоры Дункан. Но о ней есть отдельное писемновоспоминание. Она была больше чем другом. Учила всему: как одеваться, как вести себя.

У нас на курсе были некоторые студенты – мастера писать лекции, эти лекции мы у них переписывали. И вдруг на четвертом курсе Вера заболела гриппом, а затем и я. Пошло осложнение. После лечения нас в срочном порядке отправили в санато-

рий «Сосновый бор». Там нас хорошо подкормили, подлечили.

Весна, сокурсники сдают сессию. А мы вынуждены были по совету декана Гавриила Никандровича Никулина, очень доброго человека, оставить учебу на год. Так мы с Верой отстали от своего курса. Однажды Вера говорит:

– Катя, давай сдадим курс со всеми.

– Ну, что ты, Вера? Как сможем два курса сдать?

– Все, решено. Составляем план, договариваемся с преподавателями. Сначала – зачеты, затем – экзамены.

В общем, я согласилась. И началась напряженная работа.

Бывало, по всему Ленинграду ищем преподавателей, чтобы сдать зачеты. Одним словом, госэкзамены сдали одновременно со своим курсом и окончили наш институт.

Когда я вернулась домой, мама меня не узнала. Потом она рассказала мне, что тогда подумала:

– Ладно, хоть приехала. Наверно, долго жить не сможет, уж больно тощая.

У нас с Верой была задача – не опозориться перед земляками. Мы очень ответственно ко всему относились. А маме было все равно, лишь бы я была жива.

Для меня писать письма-воспоминания – просто удовольствие. Одно слово может напомнить что-то о прошлом, так и нанизывается длинная история жизни человека. Не все в жизни бывает гладко, мы до самой старости учимся жить.

ШКОЛЬНЫЙ ВЫПУСКНОЙ

Мне не вспоминается наш очень скромный, но радостный день – день окончания школы при Ленинградском пединституте имени А.И. Герцена, где мы, северяне, учились с восьмого по десятый класс.

В моем юношеском дневнике сохранилась запись 1953 года: «30 июня. Сегодня наш выпускной вечер. Целый день готовились к нему. Долго искали букет для нашей классной руководительницы Марии Оттовны Мануйловой». Мария Оттовна, блокадница, очень добрая женщина, всегда помогала нам во всем. Мы доверяли ей все свои секреты. Она рассказывала нам про свою нелегкую жизнь, сколько терпела неприятностей от НКВД из-за отчества «Оттовна». Всем, кто очень интересовался, отвечала: «Мой папа – финн по имени Отто».

И вот наш долгожданный выпускной наступил. В те годы сдавали много экзаменов, охватывающих обширную программу, начиная с пятого класса. Надо было перечитывать множество почти забытых материалов. Но наш класс был дружным. Девочки обычно помогали ребятам писать сочинения, а ребята подсказывали решение контрольных заданий по математике. Специально рассаживались так, чтобы передать шпаргалку.

Мария Оттовна входила в комиссию по проверке контрольных работ по математике. Случались

разные казусы: «Ребята, Эрик, ну, как же так? Твоя шпаргалка оказалась в контрольной работе у одноклассницы! А она забыла убрать, и хорошо, что эта работа мне в руки попала!» – улыбаясь, пожурила нас Мария Оттовна. Потом мы все смеялись над собой...

Это небольшое отступление от главного рассказа о нашем выпускном вечере. В общем, всем классом собрали немного денег на скромный букет, который каким-то образом где-то достали.

Дима Гындышев был за старшего по подготовке к вечеру. Он хлопотал за все и за всех. Откуда-то принес радиолу и пластинки. А девочки готовили себе наряды. Это были радостные хлопоты. Конечно, принарядились в светлые платья, которые были сшиты у каждой на свой лад. Нам было важно, что они «бальные».

Потом был праздничный ужин, очень скромный, где присутствовали наши учителя, которые были рядом с нами с восьмого по десятый класс. Весело и одновременно с грустью отметили свой выпускной. А теперь нас ждет белая ночь. Всем классом пошли провожать Марию Оттовну. На улице было тихо и тепло. Ребята несли горшочек с каким-то растением – это наш подарок Марии Оттовне. Долго, не спеша, шли по улицам ночного Ленинграда. Иногда задерживались у набережной Невы, где то там, то тут встречались такие же группы выпускников других школ. Мы были рады встречным ребятам. С ними тоже были учителя.

Они все казались нам очень родными и близкими, потому что у нас у всех была общая радость – мы выпускники!

Мария Оттовна Мануйлова жила с сыном на Васильевском острове в скромной квартирке. Уже 6 часов утра, а мы даже не заметили, когда разводили мосты. Мы стали ждать, когда мосты будут соединены. Мария Оттовна довела нас до Литейного моста, дала последние наставления, обняла по-матерински, и мы, счастливые, пошли домой встречать новый день – новый порог жизни...

Минула целая вечность. Сколько радостных и грустных дней прошло, но этот остался в сердце как самый счастливый день в моей жизни.

Татьяна Федоровна Петрова-Бытова

Мы с Володей Косыгиным (писателем) познакомились с Татьяной Федоровной, когда еще учились в 8 классе, на подготовительном отделении в Ленинграде. Это было в 1950 году. Она встретила нас, камчатцев, и сразу приобщила к творчеству. Это были очень интересные для нас годы. Татьяна Федоровна научила нас многому. На всю жизнь она осталась в моей памяти. В этом году исполняется сто лет со дня ее рождения.

Она родилась 24 января 1910 года в Тегеране. Татьяна Федоровна со своим мужем Павлом Петровичем Петровым-Бытовым заботились о нас, как родные. Своих детей у них не было. Павел Петрович Петров-Бытов был кинорежиссером на Ленфильме. Тоже в свое время был репрессирован за какой-то фильм. Он был очень красивым. Чем-то напоминал молодого писателя Алексея Толстого.

Они жили на Петроградской стороне. Кировский мост как будто прямо упирался в старинный особняк. Много раз нас приглашала к себе в гости Татьяна Федоровна. В квартире стоял рояль, старый диван, обшитый черной кожей, небольшая ширма, круглый стол и на стене в овале портрет – профиль прекрасной женщины, очень похожей на

Татьяну Федоровну. На вопрос, кто эта женщина, Татьяна Федоровна просто ответила:

– Это моя мама.

Мы не расспрашивали Татьяну Федоровну о ее жизни. Если только сама иногда, как бы мимоходом, рассказывала интересные факты. Например, она танцевала в группе Айседоры Дункан. Высокие худенькие девочки танцевали босиком. Как жаль, что не расспрашивали обо всем этом подробно. Нам было неудобно спрашивать ее о личной жизни.

Соседом Татьяны Федоровны был известный актер Павел Петровч Кадочников. Их семьи дружили.

Павел Петрович Петров-Бытов (муж Татьяны Федоровны) был одним из первых режиссеров «Ленфильма». До «Ленфильма» рукой подать. Слева, если смотреть с моста, красуется Петропавловская крепость.

Тогда, еще студентами, мы любили ходить в гости к Татьяне Федоровне. Придем, просто сядем на пол и начинаем придумывать себе костюмы для танца. Татьяна Федоровна вынесет нам свой волшебный мешочек. Чего только там нет! Вот связка разнообразных пуговиц, а вот остатки какого-то меха. Нам нужна кухлянка, нужны бусы, украшения. И вот мы роемся в этом холщовом мешочке, ищем украшения для «кухлянки». Костюм (если только его можно так назвать) почти готов. И тут вдруг к нам тихо подходит Павел Петрович и говорит:

– Таня, ты хоть оставь мои кальсоны.

А мы свои бусы цепляем.

Иногда говорит нам:

– Ну, что ж, девочки, займемся подготовкой к концерту. Сегодня все собираемся на репетиции. Тонечка, тебе еще надо худеть, а у тебя, вроде бы, все нормально.

После репетиции обязательно усадит за стол попотчевать чаем и потом только отпускает домой.

...У Павла Петровича юбилей.

– Катя, приходи с подружками, поможете немало.

– Придем, придем, – с радостью соглашаемся.

Хоть немного хотелось побыть в домашней обстановке. Она была для нас как мама:

– Вот, девочки, вам задание. Нужно привести видавшую виды скатерть в порядок, постирать. Ею мы накроем юбилейный стол.

А стирать-то толком не умеем. Тогда таких порошков и стиральных машинок в помине не было. Дали нам оцинкованный тазик и хозяйственное мыло. Долго возились со скатертью. Наконец, нам показалось, что хорошо постирали.

– Ничего, пойдет, – сказала Татьяна Федоровна.

– Когда высохнет, погладим.

Мы рады, что вместе готовимся к юбилею. Девочки вытирают пыль даже там, где невозможно достать. Заходят гости. Слышим радостный возглас:

– Надо же, вчера Павел Петрович поймал угря!

– Девочки, идите сюда, посмотрите, какой красавец!

А нам в диковинку этот угорь: какая-то странная, длинная, темная рыба, как змея.

Татьяна Федоровна с подругами с радостью обговаривает, как они эту рыбу запекут и удивят гостей. Все приготовления закончены. Павел Петрович благодарит нас. Татьяна Федоровна рядом с ним в фартучке, совсем другая – домашняя. У нее сейчас одна мысль: как лучше провести юбилей мужа.

– Девочки, приходите на Невский. Вот вам приглашения на просмотр моего фильма, – говорит Павел Петрович.

Наш культпоход состоялся. Мы смотрели фильм Павла Петровича, не помню точно, или про Степана Разина, или про Емельяна Пугачева.

На другой день Татьяна Федоровна позвала нас на юбилей, угощала домашними яствами. Она такая радостная, благодарит нас за помощь, а мы сидим и пьем чай, как дома. Потом она дает нам торт, чтобы в общезитии мы угостили своих подруг.

Татьяна Федоровна умела одеваться. Как-то она приехала нас навестить в Вырицу, где мы отдыхали на летних каникулах. Лето. Жарко. Смотрим: на Татьяне Федоровне – легкий свободный пыльник.

– Татьяна Федоровна, какой у Вас красивый плащ!

– Да это простая марлевка!

А на ней смотрелась так, как будто из Парижа дорогое изделие.

Она очень умело пользовалась косметикой: лицо всегда казалось загорелым и легкий румянец. Волосы пышные собирала в пучок. Длинная шея с такой головкой напоминала прекрасную скульптуру афинянки. И всегда добрый взгляд. Чуть-чуть улыбающееся ее лицо было прекрасно.

На занятиях Татьяна Федоровна была очень требовательна. Всегда следила за осанкой, за фигурой. Наравне с нами занималась без усталости. Мы уже не в силах продолжать занятия, а она снова дает упражнения. Иногда не хотелось идти на репетиции, было лень.

Татьяна Федоровна приходила, узнавала, в чем дело, заставляла обязательно прийти в следующий раз.

Уже в Палане. Я уже мама. Татьяна Федоровна приехала к нам в командировку и сразу нашла меня. Татьяна Федоровна дала тогда мне наставление: не бросать занятия художественной самодеятельностью. Ее завет исполнила. Уже с двумя детьми ездила с концертами по району и в городе побывала с Вовой. А когда третьим ребенком стала беременна, муж обрадовался:

- Ну, наконец-то, наверно, утомнишься.
- Нет, буду ездить, несмотря ни на что!

Так и танцевала в интересном положении. Эти концерты проводили мы с Татьяной Петровной Лукашкиной (Слободчиковой).

Татьяна Петровна Лукашкина создала ансамбль «Молодость». Она – первая выпускница Татьяны

Федоровны, ее верный друг. У меня скопился большой материал о нашей дружбе: ее письма, открытки, газеты.

И вот в Палане, в день юбилея в Доме «Мэнго» собрались все, кто когда-то знал Татьяну Федоровну. Из самых старших – я и Володя Косыгин.

Остальные пришли в ансамбль «Северное сияние» позже. Во время чаепития мы как будто побывали в гостях у Татьяны Федоровны Петровой-Бытовой.

Вечер прошел интересно. Только я не могла хоть чуть-чуть потанцевать. Сидела и смотрела.

Татьяну Федоровну хорошо знали танцевальные коллективы автономных округов. Она делилась своими замыслами с Александром Гилем. Великолепная танцовщица, профессиональный хореограф-балетмейстер из Ленинграда в далекие 50-е годы заинтересовалась дотоле неизвестными танцами северных народов. Татьяна Федоровна в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена создала ансамбль «Северное сияние». Тогда в этом институте собрались ребята со всех краев большого Севера: ненцы, манси, чукчи, эскимосы, саамы, якуты, нанайцы и даже алеут Эрик Гребзде с острова Беринга, ну и мы – с Камчатки. Татьяна Федоровна нашла нас. Вера Кавава, Елена Мохнаткина и Варя Бречалова с ней были хорошо знакомы. Они привели ее к нам. Познакомилась. Очень обрадовались, что теперь можем танцевать корякские танцы. И тут же Татьяна

Федоровна попросила нас станцевать. Мы, напевая когда-то услышанные мелодии, начали «ломаться».

По-корякски так и говорят: «мылавык», в переводе – «что-то ломать».

Действительно, испокон веков каждая корякская семья исполняла свой танец. Например, моя бабушка умела так руки закидывать за голову, что рукава казались пустыми. Пыталась это изобразить и Татьяна Федоровна, но не получилось.

И вот она говорит:

– Девочки, вы будете приходить на репетиции, там много ребят из других округов.

Так мы оказались в знаменитом ансамбле «Северное сияние». Очень большая и разноликая группа ребят и девушек. С первого знакомства Татьяна Федоровна стала очень родным человеком для нас. Мы еще скучали по дому, родителям. Она это чувствовала. Когда приходила на репетицию, обязательно нас угощала чем-нибудь вкусеньким.

В одном из корпусов института Татьяне Федоровне выделили большую комнату, где по вечерам собирались на репетиции. Иногда нам не хотелось идти:

– Девочки, вот опять сегодня так напрыгаемся!

На репетиции Татьяна Федоровна все время исполняла с нами те или иные движения. Она никогда не сидела на месте. И мы очень старались поспеть за ней. Особенно уставала эвенка Тоня Каплина. Она была полноватая, и ее больше всех Татьяна Федоровна старалась водить по кругу. Мы уже устали,

мокрые от пота. На короткое время она дает отдых – и снова. Нет, она не сидит, а сама с нами кружится и просто тащит нас за собой. У нее очень хороший аккомпаниатор – Анна Михайловна Гельбух. У Анны Михайловны красивое белое лицо, такая же гладкая прическа – пучок волос на затылке. Во время отдыха они о чем-то беседуют, наверно, о домашних делах. А мы только и думаем, как бы продлить отдых.

– Ну, девочки, вставайте! – говорит наша Татьяна Федоровна.

– Тонечка, тебе и всем вам надо убрать животы. Давайте работать, не ленитесь. А то, смотрю, вы за собой совсем не следите. Завтра в это же время, прошу не опаздывать!

В ансамбль пока нас не приглашала. Все приглядывалась:

– Катя, у тебя хорошие движения, но надо еще подтянуться. Вере и Дусе тоже свои ошибки надо исправлять. Вы обе немножко скованные. С вами будем учить танец «Нерпы». У меня в альбоме есть любительское фото, где мы, землячки из Паланы (Варя Бречалова, Дуся Мохнаткина и я) танцуем танец «Нерпы», придуманный Татьяной Федоровной. Она хвалила нас и очень хотела показать этот танец по телевидению. Повезла нас, «нерпушек», и ребят из Ханты-Мансийска на Петроградскую сторону. Сцена очень небольшая. Начертили нам круг мелом и сказали, за круг не заходить.

Телевидение тогда только начинало входить в обиход. Мы не прошли: музыка не подошла. Ска-

зали, что напоминает русский мотив. Но Татьяна Федоровна упорно искала наши мелодии, которые могли бы подойти. Бубна нигде не было.

Наши предки все танцы называли «ломанием». Помню до сих пор, как в детстве наши русские подружки спрашивали:

– А вы будете сегодня ломаться?

Мы в ответ:

– Будем обязательно!

– Как хорошо коряки ломаются! – это была высокая похвала.

Наши предки хорошо танцевали. В каждой семье обязательно находился умелец, как петь, так и танцевать. Видела в Палане Кочевой на праздничном вечере, как жители в маленьком школьном помещении танцевали под бубен. Ни с чем нельзя сравнить! Очень красиво танцевала Кутнэ. Другая бабушка изображала, видимо, какое-то животное. Уже на полу продолжала красиво двигать руками и ногами. У каждого для танцев была нарядная одежда: кухлянка и торбаза, расшитые бисером. На красиво скроенной женской кухлянке правильно навешаны украшения. Широкие рукава-реглан, льющиеся с плеч тонкой выкрашенной шкурой, умело выкроены, чуть-чуть прикрыты капюшоном, отороченным дорогим мехом. Каждый танцует под свой бубен, одновременно напевая свою мелодию. Они тогда представления не имели, что можно на сцене под разные композиции «мылавык». Танцевали всегда для души.

И вот впервые наша танцовщица Татьяна Федоровна Петрова-Бытова поставила сценические танцы северных народов. Она – первопроходец в таком, ранее никому не ведомом, кроме специалистов-исследователей, танцевальном искусстве.

Танец не потерял прелести, а просто приобрел как бы новую форму. Оказывается, танцы можно сделать еще краше, при этом оставляя традиционные движения северян.

*Мы, студенты, собрались на берегу Ладожского озера.
Нижний ряд: Илюша Нянов из Лесной, Надюша Дьяконова (Старкова),
Володя Косыгин, Катя Наривлич (Дедык).*

*За Володей стоит Вячеслав Арефьев, наш учитель.
Верхний ряд: Вера Кавав, Саша Кайнын из Пенжинского района,
юноша – кто-то из студентов ЛГПИ, Люба Егорова (Ощепкова),
ительменка Роза Данилова из п. Хайрюзово. Крайняя справа –
Алла Бекерова (Оноприенко), сестра Любы Егоровой.*

Моих друзей уже давно нет.

Но это чудесное мгновение осталось на фотографии.

ЗРЕЛОСТЬ

Поэзия Роберта Бернса

У так, вернусь к поэзии Роберта Бернса. Какая у него интересная жизнь. Его жизнь чем-то напоминает нашу – северян. Шотландцы сохранили фольклор, любили песни и танцы. У нас тоже вечерами, когда собирались все родственники, тетя Кокок Аммовна начинала рассказывать страшные предания эвенгов о всяких страшилах-дьяволах. Но нам нравилось в сумерках слушать старые предания. Они были долгими, не на один вечер, поэтому на следующий день приходили дослушать, что будет.

Эвенские сказки очень отличаются от корякских. У эвенгов много историй о мертвых, дьяволах. Стихи Бернса тоже передают тоже эту тему. В институте я впервые познакомилась с его поэзией.

После учебы я вернулась в Палану. Село было еще очень тихое, без машин, зеленое. Люди вели размеренный образ жизни. На одной улочке стоял магазинчик. Как-то я зашла посмотреть, что там продается. На полках лежали разные продукты, разные рыбные изделия. В общем, своя продукция. Небольшой стеллаж отделял торговую часть от посетителей. Когда я подошла к прилавку, то под стеклом обнаружила томик темно-зеленого цвета. Это была находка! Томик стихов Роберта Бернса в

Палане. Видимо, кто-то привез, а затем сдал вместе с какими-то брошюрками! Я быстро схватила и начала листать. Да, конечно, это Бернс!

Эта приобретенная книжечка великого поэта была издана в 1936 году, перевод на русский язык С.Я. Маршака. Мой муж очень любил эту книгу, многие стихи выучил наизусть. У него была любимая полка книг, где среди исторических лежал томик стихов Бернса. Потом этот томик взял почитать сын Марк и увез в Хабаровск. Очень просила вернуть, но не получилось.

К 25 января ко Дню Рождения поэта написала в нашу газету немного о Роберте Бернсе. Если напечатают – пришлю.

Шотландцы помнят и любят поэта Роберта Бернса. В прошлом году в Эдинбурге отмечали Дни поэта. По телевидению я побывала там. Приехали многие гости. Даже принц Уэльский с семейством участвовал. Он был в шотландском костюме. В Шотландии живут друзья Валентины Дедык, моей невестки.

Моя взрослая жизнь

Начинаю новый цикл моих воспоминаний. В нем ничего не придумано, это вся моя жизнь. В предыдущих письмах я рассказывала о наших предках, об учебе.

Новую главу моей жизни назову «Моя взрослая жизнь». Как будто это все было только вчера.

Мы с подружкой вернулись домой из Ленинграда летом 1958 года. Одеты были очень нарядно, но самое главное, еще молодые. Нам было по 24-25 лет, по тем временам считалось, что мы только начинаем жить.

Мой багаж – большой чемодан, набитый всякой литературой для будущей работы. Как дотащила, не знаю. Встречающие земляки удивлялись:

- Девочка, что же ты везешь?
- Книги.

Еще в чемодан положила большую синюю льняную скатерть, нехитрые подарки родным и духи «Аметист». Очень был красиво оформлен флакон, как самородок. Этот флакон послужил потом поводом для знакомства с моим мужем Олегом.

Так вот, как в сказке. Летом к нам в хибарку, типа хорошего коровника, заглянул юноша. Как посмотрела! Не могла оторвать взгляда от юноши, худенького, светловолосого, волосы коротко обстрижены, стоят торчком. Он напомнил мне стилига. Нас ведь с Верой в Палане тоже восприняли

сначала как стилига, потому что мы были одеты не как паланские жители.

Вот стоим с этим юношей в хибарке у «дверей» и оба не знаем, что дальше делать.

Неожиданно он вымолвил:

- А у вас есть одеколон?

Я отвечаю:

– Одеколona нет, но у меня есть замечательные духи! – ну прямо как пароль в фильме.

А у меня был небольшой пузырек духов, ограниченный как камень, красивого синего, немного сиреневого цвета.

Парень так растерялся:

- Нет, нет! Духи не нужны!

Оказывается, моя дальняя родственница Лина рассказала строителю-солдатику, что недавно приехала сестра из Ленинграда.

Он не понял, подумал, что приехал магазин с разными товарами. Прибежал за одеколоном, купить хотел, а я ему про духи... Так мы и познакомились.

Оказывается, за год до нашего с Верой возвращения в Палану туда приехала бригада ребят после демобилизации на стройку. Они были из разных республик: с Украины, больше из России. Олег мой вместо того, чтобы после срочной службы на Камчатке ехать домой, отправился в Палану. Он хотел наказать отца за то, что тот после смерти мамы женился. Отец его воевал, участник Сталинградской битвы, весь израненный, лечился в Истре. Олег с

маленькой сестренкой Любой, моей будущей золовкой, навещали отца в госпитале.

Уже потом, когда мы с Олегом жили семейной жизнью, я много раз просила его съездить к отцу. Он ни в какую. Дед прожил недолго, но успели спастись, хоть немного послала денег. А потом, спустя годы, когда мы приехали в отпуск в Орехово-Зуево, пришла к нам жена его познакомиться и рассказать, как все было. Она много делала, чтобы отец Олега хоть чуть-чуть окреп после ранений.

Вот такой мой муж принципиальный. Он был моим верным другом. Я даже не представляю, что такое ревность. Это была любовь. Никогда больше не испытывала таких красивых чувств. Мы друг друга с первого взгляда полюбили.

В институте было много красивых ребят, но они были просто друзьями. Кто-то нравился тем, что пишет стихи, кто-то поет – вот и все. А эта встреча наша с «милым в шалаше» была самой первой и единственной любовью. У нас были общие интересы: книги, разговоры об искусстве.

С подружками в общезжитии говорили о наших суженых:

– Девочки, вот мы сейчас сидим и пьем чай, а наши будущие мужья, наверно, что-то тоже делают.

Оказывается, я тогда совсем рядом была с моим будущим мужем, Олегом Дедыком. В то время он учился в мужской Орехово-Зуевской школе. Потом мы, вспоминая юность, часто представляли:

– Эх, если бы мы с тобой встретились тогда в Ленинграде.

Вообще, он просто заморозил меня. Мама уходила на колхозные поля с младшим братом, при мне оставалась сестренка, ученица четвертого класса. Белые ночи, мы одни – говорим, говорим, а утром уходим на работу. Между нами никогда не возникало темных мыслей. Олег видел, что мы с сестрой идем за хворостом. Решил однажды покатасть на лошади, чтобы привезти дрова. Села я на телегу, и покатали мы на самую красивую сопку. Едем по лесной тропинке. Красота! Мне так весело, что еду на телеге по лесу с молодым красивым юношей. Он чем-то напоминал белобрысого немца.

Наверно, ему приглянулась дикарка, очень веселая и разговорчивая. А я ни на минуту не теряла бдительности. Как же, я в лесу?! С мужчиной?! А сама думаю: а вдруг утащит в лес? Всегда помнила наставления бабушки по этому поводу.

Так тихо добрали на лошаденке до кедрачника, заготовили дровишек и домой. А там – уже перекуды соседей. Нет, не со зла, скорее, от удивления:

– Вот, Марина, зять возит дрова. Это Катин жених!

А у нас еще и в мыслях не было больших планов. Но уже поняли, что мы очень полюбили друг друга.

К вечеру возвращались с кедровыми шишками и всю ночь за разговорами щелкали свежие орешки.

Понемногу стали привыкать друг к другу. Вот первый поцелуй. Наши объяснения:

– Ты знаешь, Олег, ты – мой первый мужчина. Ничего у меня никогда не было ни с кем.

– И у меня тоже. Была подруга, вместе жили в одном доме, но она вышла замуж, Люся Откупщикова. Я ее берег очень. Вспоминал о ней.

Вот так иногда ночами шептались. Вспоминали прошлое. Мне было 25 лет, а ему 22 года. Вначале было очень неловко, что я старше его.

Вот уже три месяца встречаемся. Вдруг Олег мне говорит:

– Катя, будь моей женой.

– Ну что ты, Олег, мы ведь совсем друг друга не знаем.

Он очень обиделся и перестал ходить. Я стала переживать, рассказала обо всем маме.

– Ничего, придет, – просто ответила мама.

И вот 4 ноября случилось то, что бывает со всеми молодыми людьми. Было мне очень страшно. Оба почему-то хохотали, ничего толком не знаем, что это такое.

На другое утро вышла на улицу, а там так светло и чисто. Какая тишина! Снег белый, пушистый. Иду, и мне кажется, что все люди смотрят на меня с осуждением. С того момента 4 ноября для меня – значимый день.

Прожили вместе с Олегом 35 лет. Свадьбы никакой не было. Вот регистрация: обычный день, никаких свидетелей. В сельсовете расписали. Колец не было. На обратном пути зашли к моей школьной подруге, хотелось поделиться своей радостью. Она

быстро приготовила сковородку жареного мяса, оленины, выпили бутылку красного вина, и пошли к себе в хижину. Маленький, старенький дом без мебели. Напрокат одноклассница дала железную кровать. Мама подарила нам одеяло, тоже ей кем-то подаренное. Оно служило и покрывалом, и постелью. В общем, с милым рай и в шалаше.

Подруга Кававна меня предупреждала:

– Катя, смотри, эти строители с хутора выпивают.

Хутором в народе называли начало Паланы у подножья горы. У ребят было общежитие. В те времена я не знала, что значит пьющий человек. Это только потом поняла, как это страшно. За три месяца мы поженились.

Иногда я маме жаловалась, говорила, что вернусь к ней домой, не хочу так жить с мужем. А мама в ответ:

– Дочка, я тебя замуж не выдавала, теперь учись, терпи.

Мама очень мудрая, поступала правильно. А если бы я ушла уже с сынишкой Вовой, куда бы дорога меня повела? Олег сам для себя решил – хватит пить! А мне стало от этого его решения очень радостно.

Придет домой, громко позовет меня:

– Кармен!

А я ему в ответ:

– Что, Хосе?

А дети всегда были рады, что папа такой веселый. Он их ни разу пальцем не тронул, но зато

мне не доверял. Он любил по-своему. Очень любил приносить полевые цветы. Их так крепко держал, что стебли быстро портились.

Учу:

– Олег, ты носи нежно, не надо так крепко сжимать.

Возвратившись из леса, заходит радостный и подает букет ирисов:

– Мать, это ночные красавцы.

Я очень радовалась этим лесным подаркам.

Олег меня с собой в лес не брал, потому что всем разболтаю ягодные места. А я ему:

– Олег, знаю, где ты брал грибы. Вон на холмиках, там такая земля.

Иногда у нас были большие семейные походы. Наберем сзади полный рюкзак, котелки, чайники и прочие походные атрибуты и на целый день уходим из дома. Только дойдем до места – костерок разведем. Вывалим на импровизированный стол все, что в рюкзаке. Хорошо пообедаем и начинаем бродить по просторам – красота. Дети носятся. Перемажут лица ягодным соком, и игра в индейцев началась. Так хорошо! Небо голубое-голубое, вдали виднеется море, а дальне горы манят к себе. Но мы пока не планируем уходить, дети играют: братья, как щенята, по полю носятся. Но мы их из поля зрения не выпускаем.

Олег очень радовался нашему первенцу. Как-то сказал мне:

– Катя, пусть будет один.

Я тут же ответила:

– Нет, милый, любишь кататься – люби и саночки возить.

Советовалась на эту тему только с мамой. Она была еще молодая, всегда веселая. Просто сообщу:

– Мама, я опять беременная, что делать? Рожать или нет? Будешь нянчиться?

– Буду, буду, Ава! Рожай и не думай!

Олег привил детям любовь к книгам. Каждый вечер они ждали, когда отец продолжит чтение «Конька-горбунка» или другую книгу.

А я не умела читать просто, начинала декламировать, изображать сказочных героев.

Валерик от меня сто раз слышал сказку «Семеро козлят». Чтобы заснул, начинала читать, превращаясь то в волка, то в маму-козу с жалобными словами:

– Бежит молочко по вымечку, а с вымечка по копытцам на сыру землю. Ребятушки, козлятушки, это ваша мама пришла... – а сама так жалобно начинаю причитать, что разреветься можно.

Продолжаю:

– И вот пришёл Волк.

Валерий на этом месте останавливал мое декламирование и говорил:

– Мама, давай будем спать.

Сейчас Валерик уже взрослый, сам дедушка, вспоминает:

– Мама, а помнишь сказку про маму-козу?

И начинаем смеяться.

Мама (Марина Якимовна Кавав, по мужу – Чечулина) ждала меня долгих восемь лет. Некогда пышные косы превратились в тоненькие хвостики.

*Здесь я уже сама мама троих ребят.
Появились Вова, Игорь и Марк.*

Марк вообще пристрастился к чтению. Однажды прихожу на обед с работы, а он в уголке сидит и чуть не плача говорит:

– Мама, эх, жаль, Бату Хана убили!

А я ему:

– Какой там Бату Хан?! У нас еще обеда нет!

– Эх, мама, как жаль Бату Хана.

Живем, работаем. В школу вызывают без конца. Ох и чудачили в школе.

На собрании в первой части беседы начинали нахваливать отличников, очень хороших детей. Хотя по педагогике такого разделения ведь не должно быть. Во второй части собрания начинают долбить плохишей. Среди них, конечно, мои дети. А я сижу и слушаю, так обидно и неудобно перед хорошими родителями.

Сижу и думаю:

– Ну, погодите, дети, сейчас домой вернусь, разберемся!

Прихожу домой. Дети чувствуют, что мама наслушалась «хвалебных слов». По дороге иду и думаю:

– Ну, что делать? Как мне быть?

Только войду:

– Мама, ты с собрания?

Я еле сдерживаю злость, отвечаю:

– Да, была на собрании, даже в учительской! Ну, ладно, поговорим обо всем завтра!

А завтра совсем другая жизнь. Дети радостные, никто не болеет. Правда, отцу особо не рассказы-

вала подробности. Он очень любил и уважал сыновей, виноватой всегда была я. А мне – ничего.

В один день вдруг заметила: а дети-то совсем большие. Когда они выросли? Они самостоятельно что-то решали, конечно, как и все дети, ругались, дрались по пустякам. Но, хитрецы, к моему приходу становились все такие добрые:

– Мама, теперь можно погулять?

– Ну, конечно. Уроки сделали?

Дружно отвечали:

– Да!

– Молодцы!

Вечером, как гусята, идут домой грязные. Где они только бродили? Ставила в ряд обувь и начинала приводить в порядок. Гуляли всегда вместе. Летом старалась накормить их свежими ягодами. Они особенно любили домашний кисель из свежих ягод. Откроешь крышку – приятный запах на весь дом. Мне было смешно, как отец зазывал сыновей домой:

– Дети, идите скорей, мама кисель сварила!

Они уже тут, как будто никуда и не ходили. До сих пор вспоминают мамин кисель.

Вот уже у нас большая семья: четверо сыновей, да нас двое. Жизнь стала налаживаться. Можно было ехать в отпуск. Вот мы с сыном Валерием, самым младшим, решили съездить на материк. Он часто мне говорил:

– Мама, меня в школе дразнят, что я никогда не был на материке.

Вот восьмой класс позади. Решила рискнуть и впервые увидиться с родными мужа. Очень боялась, насмотрелась в детстве, как берут невест на материк, а они потом возвращаются: не пришлось ко двору.

Вот и Москва. Сижу и говорю:

– Давай сначала съездим в мой Ленинград, а потом видно будет.

Приехали в Ленинград во время праздника военно-морского флота. Приехали рано утром и сразу поспешили в мой родной институт. Вот главный корпус, а вот садовые длинные скамейки, и такая тоска на меня напала. Никакого шума, тишина, только вахтер-пенсионер дежурит у ворот красивой арки. Я подошла к нему, расспросила о жизни в институте.

Потом пошли с сыном в нашу публичную библиотеку. Никого – лето. Все разъехались. Я стою и восхищаюсь старинным парком. Вот здесь мы когда-то собирались.

Незаметно прошло время. Давно уже годы студенчества позади. Уже и дети совсем выросли.

Сыновья мои пошли в армию. Тут особых проводов не было. Их брали прямо с учебы. Младшенький вдруг оказался в Казахстане, другой – в Новосибирске, третий – на Сахалине, четвертый – на Байкале. Никого не провожали, только после службы собирались по отдельности.

У них началась взрослая жизнь. Потихоньку стали жениться, подарили внуков. Теперь есть и

правнучка Юленька, которую не могу на руки взять очень ненадежными руками. Просто смотрю, еще могу соску подать, а больше ничего.

Володя мой останется, наверно, холостяком. Он однолюб. Очень любил одноклассницу, но она уехала.

Это детское чувство, но осталось у него на всю жизнь. Самая любимая племянница у него – Катя. Он для нее как отец. Теперь он дедушка, так волнуется за них.

Самое главное в моей жизни – это счастье быть любимым, единственным человеком. Все было в жизни: и снег, и пороша, и бури, но одного никогда не было: мы никогда не изменяли своей любви. Есть на свете это прекрасное чувство – любовь, которое никогда не повторяется.

Смотрю на современных людей, особенно актеров, для них ничего в этих чувствах не остается. Не знаю, как можно жениться, выходить замуж много раз. Не знаю, мне, старухе, не понять.

Теперь я в новой роли. Я теща и прабабушка. Тещей оказалась неважной. К роли прабабушки еще пока привыкаю.

Первенец

Прошло уже много лет. Моему первенцу – 50. А ведь его могло и не быть. Дело в том, что я, совсем дуреха, не знала, что рожаю. Собрались с маленькой сестрой-четвероклассницей за ягодой. А ягодные места, брусничники, очень далеко от села. С животом почти каменным сумела преодолеть далекое расстояние. Живот подвязала полотенцем и полезла на самую вершину сопки. Набрали или нет ягод – не помню. Помню, что домой шли по тропе в березняке.

Часто думаю, а что если начала бы рожать? Сестренка – дитя, и я ничего не знаю. Но все обошлось. Дошли. Еще ночью была дома, а под утро муж на руках донес до больницы. Кое-как родился очень красивый, крепкий малыш, и началась новая жизнь. Снова я начала учиться жить.

Сейчас, в старости, часто задумываюсь, а ведь кто-то все время оберегал меня. Страшно подумать, а если бы родила на дороге в безлюдном месте?

Об именах

У меня в семье имеет определенный смысл. Как-то, еще работая на радио, я поехала в командировку, взяла с собой внучку Катю. В общем, собралась большая компания: Игорь с Валентиной, с сыном Костей, дочкой Яной, она была еще в коляске, да моя Катюша – вот наша большая компания.

Тогда я взяла отпуск и поймала двух зайцев: и поработала, и с сыном встретила. Записала много материалов в селе Средние Пахачи. Успела увидеть интересных бабушек-чукчанок, молодых оленеводов.

У Яны было прозвище «Пынук», то есть «попка». Яна была очень полная. И вот жители удивлялись:

– Надо же, даже в честь старика Пынука назвали девочку?!

Оказалось, в селе были имена: *Каптин* – «спина», *Гынныг'ин* – «шея», *Пынук* – «попка». В общем, все части тела. Мы долго смеялись над Пынуком.

А вообще, у коряков после рождения ребенка совершается целый ритуал в виде гадания на камушке. Этот камушек подвешивали на бечеве к треноге. Я этого не видела, поэтому не пишу. А так, имя дается в честь умерших родственников. Как ни странно, у коряков именем живых не положено нарекать.

У меня четверо сыновей. Первенца задолго до его рождения я очень хотела назвать Игорем. Это имя впервые услышала в детстве. У подруги был брат Игорь, белобрысый, белолицый.

Ближе к рождению сына муж настоял, чтобы первенца назвали Володей. В честь его старшего брата Владимира. Ну, следом другой в животе появился. Олег не хотел, тяжело ведь с маленькими, а я тут настояла:

– Нет! Буду рожать!

Откуда у меня вдруг появилось упорство?

– Этот будет Игорь!

– Как хочешь, Игорь, так Игорь, – ответил Олег.

Проходит совсем немного времени, я опять в интересном положении:

– Может, будет дочка?

Олег отвечает:

– А зачем? Мне не нужны дочери, это «вороний корм».

В августе родился третий сын. Очень упитанный, с рыжими волосами, темно-синими глазами. Надо дать имя. Олегу говорю:

– Он будет Марк, в честь деда.

– А может, не надо, а то потом будут дразнить?

Марком звали деда, он из Винницкой области. Там и теперь еще живут родные мужа.

Марк подрос, стал учиться в техникуме. Он как-то мне говорит:

– Мама, а меня ребята спрашивают: «А ты не еврей?»

А мне нравится имя Марк. Сейчас в Палане это имя стало модным. Наша родственница, Катина тетя, своего сына тоже Марком назвала.

Проходят еще годы, я опять в положении. Думаю: авось, будет дочка. В 1967 году родился еще сын. Спрашиваю мужа, как назвать.

– Как хочешь.

Наверно, ему надоело. Подруга Вера мне говорит:

– Ты как матушка Чжан Ци.

И обе начинаем хохотать. В общем, взяла сыночка в сельсовет, чтобы дали свидетельство о рождении. Иду и думаю, как же назвать? Перебрала в голове много имен. Вдруг меня осенило:

– Дай-ка, назову в честь легендарного летчика Валерия Чкалова!

Вот так вдруг сделалась многодетной матерью. Потихоньку все они вышли в люди. Для Игоря попросила путевку на учебу, а ему дали в Новосибирский финансово-кредитный институт. Ему это совсем не по душе, ему всегда нужна была музыка. Надо было его этой профессии учить.

А младшие поступали без всякого обсуждения. Например, Марк повез Валеру в Хабаровский геодезический техникум, а сам окончил техникум связи.

Путешествие в Орехово-Зуево

Уже во взрослой жизни случались со мной иногда невероятные случаи. Так, однажды поехала в отпуск одна к родным мужа в Подмосковье. Уже вечерело. У Курского вокзала я стала искать расписание электричек. Часы показывали, что последняя электричка в одиннадцать часов. Стою, держу свои пожитки и сумочку со всеми документами. Конечно, очень уставшая. Вдруг вижу: прямо на меня идет старушка с палочкой, довольно-таки старенькая. Чем-то она была обеспокоена. Я подошла к ней и спросила, Тут же я подошла к ней и спросила:

– Вы в Орехово-Зуево?

Бабушка обрадовалась, оживилась и сказала:

– Да. Только мне одной страшно. Вот, задержалась у окулиста и еду домой, в Орехово-Зуево.

Тут же я заинтересовалась, знает ли она Дедыков? Она с радостью ответила, что да, знает очень хорошо. Для проверки спросила:

– А кого вы знаете?

Она назвала всех моих родных и сказала:

– Не то что знаю, а долго с ними жила, была помощницей учительницы.

– Вот и хорошо, тетя Соня, вот и познакомились, а я вот с Камчатки.

Она взяла меня за руку и тихо сказала, что сейчас опасно ездить на поздних рейсах: ходят бандиты. Подошла электричка, и мы вдвоем сели в первый вагон. Народу почти не было. Вот и наша станция. Я уже у выхода, а она меня спрашивает:

– Это твоя сумочка на сиденье осталась?

Ну, конечно! Там же все: и деньги, и документы! Было очень поздно. На станции я взяла такси и повезла к родным мою новую знакомую. Каково же было удивление всех, когда со мной зашла моя попутчица, хорошая знакомая всей семьи!

Тут поднялся такой галдеж: шум, радостные удивления. Живя в одном городе, много лет они не видели бабушку, тетю Соню! А тут она приехала вместе со мной. Я предложила ей:

– Оставайтесь до утра. Вот Вам подарочек.

Потом мы долго смеялись от души.

– Ну и тетя Катя!

Вспоминая этот случай, удивляюсь, как в девятиmillionном городе встретила старушку, которая знала моих родных? И как она помогла мне. Ведь я могла бы оставить сумку с деньгами и документами. Просто удивительно!

Неожиданная встреча в аэропорту

Как-то, собираясь на материк, я сидела в аэропорту и ждала своего рейса. Так устала, осталась одна забава: смотреть на пешеходов. Ноги, ноги, ноги. Вдруг слышу:

– Из Владивостока прилетел пассажирский самолет.

Думаю про себя: «Да, кажется, Нэлли, моя одноклассница говорила, что родители живут во Владивостоке. А вдруг Нэля прилетела?!» Толпа приезжих заходит в здание вокзала. Среди них идет женщина с ведром. Я заинтересовалась, а может, Нэля? Внимательно посмотрела на походку. Да это же Нэля! Вышла следом за ней. Вот-вот покинет вокзал – надо спросить. Я подошла поближе и спросила:

– Нэлли, это ты?

– Катя, откуда?

– Нэля, я тебя по ногам узнала.

– Вот дожилась, даже по ногам узнают, – весело ответила подруга.

Это действительно была моя школьная подруга. Мы учились вместе в пятом классе. У Нэлли была походка, как у балерины: она очень красиво ставила ноги.

Тогда, после такой невероятной встречи в аэропорту, Нэлли пригласила меня к себе в гости, в

Петропавловск. Целый день говорили, все детство вспоминали. У нее детей не было. Она очень огорчалась, что в молодости сделала ошибку. Я рассказывала о себе. Вот как, оказывается, можно узнавать друзей.

Семья уже без деда. Сын Игорь, я, внучка Яна, внук Костя, невестка Валентина, на полу сидят внучка Катя и сын Володя. С нами – любимая собака Дик.

Поездка в Болгарию

Как-то в нашей журналистской организации появилась путевка в Болгарию. Многие не смогли: у всех обстоятельства. Я уговорила мужа отпустить меня в эту поездку. Сначала не соглашался, но потом все же уговорила. Дети старшие уже подросли.

В то время нужно было заполнять метровые анкетные данные. Все успела и поехала в Москву. Сначала заехала к родным, чтобы сообщить о моей поездке. Они заволновались, как меня лучше нарядить. В Доме Журналистов меня уже ждали, быстро оформили загранпаспорт. И вот я уже у Киевского вокзала. Никого рядом нет. Нашла свой вагон, заняла место наверху. Потом пришли две подруги Света и Инна. Кстати, с Инной мы очень подружились. Она стала родной мне. Быстро познакомились. Проехали на поезде через всю Румынию. И так все было интересно! Каждый день вела дневник, он у меня сохранился до сих пор.

В те времена, оказывается, был негласный присмотр за всеми, кто выезжал за границу. Но вскоре мои соседи по комнате поняли меня и полюбили. Было очень интересно сравнивать природу Болгарии с нашими горными хребтами. Воздух насыщен розовыми маслами, море теплое. А я, как топор, не умею плавать. Все у берега барахтаюсь.

У нас был свой пляж, рядом красивый 10-этажный дом для журналистов, он был международным. Среди отдыхающих было очень много пожилых людей. Я удивлялась, как они свободно, спокойно отдыхают.

Как-то вечером решила побродить по берегу. Мне интересно стало: забор встроен в скалы. Шумело море, теплый воздух. Пожилая пара сидела за столиком. Познакомились: голландец Ён и его подруга Ванда. Они пригласили меня присесть. Конечно, удивлялись, моей внешности: кто эта девушка? Тогда еще косы украшали мою голову. Я с удовольствием присела к ним:

– Будешь коньяк?

Я говорю:

– Нет, хочу понаблюдать за морем.

– Ты откуда?

– С Камчатки!

– С Камчатки? Что это за страна?

И начала им рассказывать о нашем полуострове, как он красив, весь в вулканах. А какие просторы!

– Мне здесь душно. Воздух терпкий, море теплое. А у нас, как выйдешь в тундру, такой простор! Воздух свежий, рядом море, но холодное. Как хочется сейчас оказаться там, лечь на траву, смотреть-смотреть на небо!

Они слушали, затаив дыхание, очень понравился мой рассказ.

В Болгарии я впервые увидела серпантинную дорогу с высокой горы. Потихоньку на машине катишься к подножью.

Как только приехала в Варну, сразу заказала переговоры с Паланой. Такая долгая история: пока дозвонились в столицу Болгарии, оттуда – в Москву, а из Москвы – в Петропавловск, только потом в Палану. Как были рады мои домашние услышать мой голос, всем хотелось что-то сказать. А я:

– Олег, Вова, ждите подарки. Я хорошо устроилась.

Как ни странно, слышимость была отличная, без помех. А утром люди возле стойки с удивлением говорили:

– Надо же, вот девушка вчера говорила с Камчаткой!

А какие расходы! Действительно, нам очень ограничили обмен рублей. А мне их не жалко – главное, услышала голоса родных. Устраивали интересные экскурсии почти по всему югу. Маленькие города как будто прижались к горам. Но было много виноградных полей. Рядом с нашим Домом Журналистов осталась полуразвалившаяся дача знаменитого оперного певца Болгарии Гяурова. Мы иногда поднимались с моста на его заброшенные владения. Искали какие-нибудь диковинные плоды. И находили. Домой привезла как сувениры. Устраивали вечера. Саша, наш руководитель, однажды сказал:

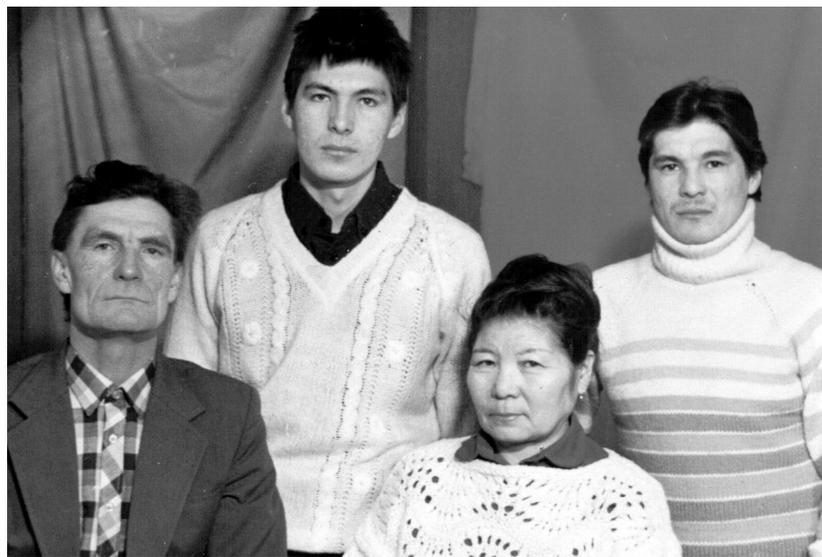
– Катя, и ты выступаешь.

Думала-думала, о чем же сказать. Решила, была не была, расскажу на родном языке про наш далекий край.

Когда закончился вечер, один, то ли поляк, то ли венгр сказал:

– Какие у вас прекрасные стихи, с удовольствием слушали.

Если бы знали они, что это просто рассказ, наверно, удивились бы еще больше.

Для семейной фотографии никак не получалось собраться вместе. На фотографии наша семья не в полном составе: муж Олег, сын Валерий, сын Володя и я. На этот раз Игорь и Марк были в отъезде.

ДОМ РАДИО

Окружное радио

Очень нужным людям и очень интересным было наше окружное радио, где вещание велось на всех диалектах, языках Севера. Интересны были обменные проекты с другими северянами: чукчами, ненцами. В этом году нашему радио было бы 46 лет, но не получился Юбилей. Задолго до этого момента стали потихоньку сокращать, а потом и вовсе закрыли наш Дом радио.

Наше радио до сих пор в памяти жителей округа. Шел 1964 год. В этом году осенью открыли вещание на родном языке. Вначале просто выделили комнатку. Это наша студия. Мы с Володией Давыдовым читали обзор газеты на двух языках. Вначале мне было трудновато, но потом освоилась. Через некоторое время ОК КПСС выделил помещение: старая мазанка. Никакой мебели, только одна полуразвалившаяся печка. Но зато работники – одна молодежь: все – поэты, писатели. Ребята приезжали из разных мест. Саша Ерлашов – с юга, Витя Кочковенко – из Свердловска, Юра Трейстер – тоже из Свердловска, бросил третий курс почему-то. У каждого были свои задачи, а пока все вместе стали обустривать «офис».

За одним столом сидели 4 работника. Если было холодно, все обнимали старую обсыпавшуюся пе-

чурку. Даже москвичка Наташа Берендеева не удивлялась нашим неудобствам.

С самого начала редакцию поделили на два отдела: национальный и русский. Работа кипела, нам было очень интересно. У меня не было никакого опыта в журналистике. В общем, начали работу с нуля.

Главным редактором национального отдела назначили Ивана Николаевича Тапанана. И вот нас стали слушать во всех уголках округа. В табунах были «Спидолы». Это маленькие, очень надежные приемники, работали на батарейках, где угодно можно было ловить наш эфир.

Стали приходиться понемногу пожелания от радиослушателей, обращали внимание на наши ошибки. Мы приглашали гостей из других округов, с Чукотки. Работа кипела. Мы все были молоды, у многих уже были малыши. Ребятишки часто были с нами. Кормящие матери бегали в ясли, чтобы покормить детей. Тогда декретный отпуск был очень коротким.

Через некоторое время наше радио «поселили» в барачном доме, дали трехкомнатную квартиру. Мы в шутку это жилье называли Бухенвальдом. Такая теснота! На кухне работали машинистки. Из старых портьер, подаренных кем-то, Эмма Хорош, наш инженер (она приехала с юга), соорудила небольшую студию.

На работу приходили к шести часам утра: пока люди спят, собаки не лают. Делаем передачу, и тут

вдруг кто-нибудь из соседней квартиры начинает пилить пилой. Просим его пока остановиться. Небольшое затишье. А тут надо же! Завыли собаки. Вот беда! Скорей надо заканчивать запись. Успевали.

Моим первым редактором стал Иван Николаевич Тапанан, выпускник хабаровской совпартшколы. Его супруга, эвенка, была оператором. Очень интересная женщина. Так вот, Иван Николаевич начал обучать всему, как правильно говорить. Невысокий, красивый, очень интеллигентный человек.

Я просыпалась рано и по дороге заходила к нему, чтобы вместе идти на работу. Он обычно шел впереди, протаптывая через сугробы дорогу.

Как-то Мария Федоровна, его жена, насмешила меня:

– Ты представляешь, ночью соскакивает с кровати и, быстро одеваясь, идет к двери со словами: «Это Катя пришла, стучит».

Я ему:

– Ты совсем с ума сошел! Это кусок толя из-за ветра об угол бьется.

Потом долго смеялись.

Иван Николаевич был очень умелым руководителем. Запишу материал на бытовой магнитофон. Принесу. Он расшифрует, где подправит, заставит сделать по-другому. Однажды, как обычно, принесла магнитофонную запись и отдала ему. А он мне:

– Ну, теперь учишься расшифровывать и доводить материал до конца.

Долго мучилась, но все же получилось. Отдала. Получился небольшой материал про оленеводов.

Находясь 8 лет вдали от родного села, я подзабыла некоторые слова, а об оленеводческом труде знала совсем мало:

– Катя, возьми газетный материал о новых достижениях науки в оленеводстве.

Я с удовольствием взялась за текст какого-то ученого. В общем, в моем переводе кастраты оказались хорошими производителями. Я перепутала термины. А радиослушатели-олeneводы очень добрые, только посмеялись:

– Вот до чего наука дошла: кастраты стали хорошими производителями!

В редакцию часто приходили письма-пожелания из табунов.

Иван Николаевич был нашим обозревателем-международником. Он так просто рассказывал слушателям, как живет наша страна, приводил примеры из жизни других стран. Оленеводы очень любили эти передачи. Очень жаль, что наше радио заглохло.

Думаю, когда-нибудь будут искать все, что связано с нашим радиовещанием. Не может оно так просто исчезнуть...

Более 45 лет проработала я на одном месте. Сколько хороших воспоминаний осталось.

Я помню, как нам выделили лошадку для подвоза дров работникам. По списку по очереди ездили на лесосеку. Дошла очередь и до меня. Как быть?

Мужа с работы не отпустят, а свою долю хочется привезти. Так и сказала:

– Иван Николаевич, я сама с вами поеду. Буду хоть веточки собирать.

Прекрасная солнечная погода. Розвальни уже запрягли в кобылку. Наш завхоз Вася Шарапов поглядывает на меня: «Зачем, мол, тебе ехать?»

Я говорю:

– Да, Вася, хоть чем-нибудь помогу, может, чай вскипачу, а то неловко мне. Разве вы обязаны за меня работать?

Села на сани, и лошадка мохноногая весело понеслась по дороге. Немного отъехали от Дома Радио. Вдруг Иван Николаевич мне говорит покоряски:

– Катя, может, сойдешь, я сам привезу дрова, а то друг подозрительно поглядывает.

Я отвечаю:

– Иван Николаевич, ну что ты, я тоже хочу помочь! Почему вы мне будете заготовливать дрова?

Так настояла на своем. Быстро доехали до лесосеки, а там избенка с железной печкой. Иван Николаевич сам растопил, поставил чайник. Внутри тепло. А наш товарищ не заходит. На улице все время, якобы что-то делает. Мне стало так неловко. Потом громко говорю:

– Вася! Что ты не заходишь? Иди скорее, чай готов, рыбка-соленка очень вкусная!

Наконец, вошел и, видно, так себя неловко чувствовал. Думал, может, я любовница Ивана Нико-

*В редакции Дома Радио. Слева направо:
Елена Ачетатовна Солдатова – наш диктор, Елена Иннокентьевна
Солодякова – машинистка и я, корреспондент.*

лаевича, а он тут нам мешает. Иван Николаевич по-корякски тихо говорит:

– Вот видишь, какие бывают люди. Думают только о плохом.

А ведь это обычное дело – помочь товарищу по работе. Сучья старалась быстро собрать, чтобы не оставить на лесосеке. Норму моих дров погрузили и поехали домой. Жене Ивана Николаевича подробно рассказала: как ехали, как Иван Николаевич себя неловко чувствовал. Мы долго смеялись над завхозом и моим редактором.

Мы часто вместе с Марией Федоровной ходили за ягодой, особенно осенью. Далек-далек уходил

ли от Паланы. Поводырем был Иван Николаевич. С ним совсем не страшно ходить хоть куда. Он так ловко растопит костер, принесет воды, а мы, как барыни, сидим и любуемся природой.

Однажды поздней осенью с Машей, женой Ивана Николаевича, решили сходить за брусникой. Дошли до гор, и вдруг начал сыпать снег, как крупа. Жутко, неуютно. Полумокрые, не можем разжечь костер. Еле вытащили из рюкзаков еду. На коленях, замерзая, старались что-то поесть. Вдруг, взглянув на дорогу, заметили человека, идущего нам навстречу. Это был Иван Николаевич. Мы так обрадовались. Схватили наши рюкзаки и кое-как по скользкой дороге побежали за ним. Очень удивились, как в такое ненастье он, не плутая, нашел нас в кедрачнике. Как мы были рады, что налегке теперь дойдем до дома!

– Много ягод набрали?

– Да вон, на донышке. Хотели шикши, да руки не берут.

– Ну, ничего, сейчас согреетесь. В такую погоду лучше не ходить.

Теперь нашего Дома Радио нет. Остался богатый архив. Сколько магнитофонных записей наших земляков! Когда-нибудь вспомнят, будут другие времена, а в истории останется, что корякский округ имел мощное радиовещание на всех языках северян.

Программа радиовещания на Корякском окружном радио была очень разнообразной. Помимо

первостепенной темы – жизнь страны, Камчатки, округа – у нас готовили и музыкальные, и даже драматические постановки «Театр у микрофона».

Первой попыткой подготовить на нашем радио спектакль была постановка по повести Кецай Кеккетына «Эвныто-пастух». Эту повесть большая аудитория слушателей округа впервые услышала по радио на корякском языке более сорока лет назад...

Окружное радио в свое время сделало бесценную работу для того, чтобы жители нашего края знали о первых корякских писателях: о Кецае Кеккетыне, Льве Жукове, Иване Баранникове.

Тогда, работая над постановкой радиоспектакля, редактор национального отдела Иван Николаевич Тапанан поставил перед нами очень ответственную задачу: как можно правдивее передать прежнюю жизнь коряков. Нам, журналистам радиоредакции, пришли на помощь самодеятельные артисты: Мирон Кеккетович Мейнувьи (брат писателя Кецай Кеккетына), Федя Кевхей, Коля Нанан, ребята из СПТУ, работники радио, начиная с операторов и заканчивая завхозом (это для массовок-собраний).

Иван Николаевич исполнял сразу две роли: богача и обыкновенного бедного оленевода. Как здорово он умел перевоплощаться: то грозный, беспощадный хозяин, то пастух, виновный в потере оленей при снежном обвале.

А я была хозяйкой чума, прежде злой и жадной, но перевоплотившейся после собрания в добрую

Вот и приехал к нам из Ленинграда ученый, директор Кунсткамеры Чунер Максимович Таксами. Слева направо: Мария Пен – учительница, Надя Минигулова – оператор звукозаписи, Света Моисеева – корреспондент, Екатерина Дедык – корреспондент, Иван Николаевич Тапанан – редактор национального отдела, Оля Васильева – журналистка газеты «Корякский коммунист», Чунер Михайлович Таксами – наш гость.

женщину, уж очень ласковую. Вот она говорит: «Эвныто, иди, попей чаю. Ну, что ты, подойди, попей с нами чаю». Такой доброй еще не видели ее в чуме.

Однажды Иван Николаевич собрал в студию всех «артистов» (благо, нас слушатели не видят) со своими чашками, всякими шумовыми атрибутами. Вот из чайника льется вода, наполняются чашки, и идет разговор.

– Говорите, что хотите, вы же чай пьете! – за пультом руководит Иван Николаевич.

Журналисты. Слева направо: Антонина Николаевна Власова, Сергей Манаенков, Екатерина Ивановна Дедык, Владимир Михайлович Нутаюлгин, Светлана Николаевна Моисеева, Татьяна Юрьевна Уркачан.

Потом он быстро вбегает в студию, и вот он уже хозяин-богач.

Где-нибудь в середине спектакля оператор Зина Сапунова останавливает запись:

– Неправильно, начните сначала. Надо готовиться к записи!

– Зинокко, откуда знаешь, что ошиблись?

Она хорошо понимала корякский язык, поэтому чувствовала: не то говорим, не то. Да и хорошая у нее помощница – Мария Федоровна Тапанан. А основные события этого спектакля очень умело, талантливо предваряла своим дикторским текстом

наша замечательная Елена Ачетатовна Солдатова. Хорошо поставленным голосом, на чистом, правильном чувственном языке уводила нас в далекие времена. Елена Ачетатовна очень тонко чувствовала, как выстроить музыкальное оформление. Кстати, она, как и Кецай, тоже из Воямполки. Этот спектакль слушали во всех селах округа, где только было радио.

Все вместе сделали первый спектакль на родном языке необыкновенно интересным!

Потом была постановка на русском языке, спектакль Владимира Васильевича Давыдова «И в Парень пришла весна». Тема этой радиопостановки – установление советской власти на далеком Севере.

В те годы к нам на радио приезжали гости из других регионов Союза. Как-то приехал познакомиться с нашим краем молодой журналист из Киева. Была зима, очень холодно, но он стойко терпел невзгоды северного климата. Говорил: «Ребята, для меня главное – все увидеть, записать, выполнить свое задание».

Приезжим мы всегда старались помочь и материалами всегда делились. Пусть знают, что и на краю света есть добрые и отзывчивые люди!

Об одной нашей работе хочется рассказать более подробно.

Из Москвы в Палану приезжал журналист Александр Шагинян. Молодой и энергичный, он сразу же предложил нам поставить большой радиоспектакль. И тоже о становлении советской власти!

После работы собрал всех нас для знакомства. Видимо, хотел приглядеться, кто на какую роль годится:

– Сценарий почти готов, а назовем «На далеком стойбище».

Дальше изложил содержание. Речь в спектакле шла о беглых белогвардейцах. Один из них волею судьбы оказался в оленеводческом стане. Коряки приютили и обогрели его как человека, попавшего в беду. Он принял это как должное (все же «белая кость») и с брезгливостью наблюдал за жизнью обитателей стойбища.

По сценарию одним из действующих лиц была дочь хозяина – девушка Айя. Белогвардеец, который целыми днями отлеживался и вслух рассуждал о Париже и прекрасных дамах, однажды заметил:

– Эх, девочка, какая ты хорошенькая! Только бы помыть тебя и почистить ногти – была бы совсем красавица!

Роль белогвардейца взял сам Александр Шагинян. А сыграть Айю предложил мне.

– Я не смогу, – ответила я ему, ведь была тогда молодой кормящей матерью. Но Александр уговорил-таки меня:

– Вспомни Софи Лорен. Говори примерно так, как она, и у тебя получится.

Во время репетиций он с каждым участником радиоспектакля работал индивидуально, и в результате запись получилась прекрасной!

Все работники нашей редакции были тогда в артистах. Даже завхоз Коля Алотов и конюх Вася Шарапов.

По просьбам радиослушателей спектакль «На далеком стойбище» много раз звучал в нашем эфире.

В общем, Корякское окружное радио было настоящим культурным достоянием нашего региона.

Были большие планы: установить телевидение для округа. Успели собрать пристройку благодаря нашему инженеру Ярославу Николаевичу Жигало.

Наше национальное телевидение успело получить престижную премию «Тэффи». Это все-таки о чем-то говорит.

Всем очень нравился Дом Радио. Отдыхали все вместе, со всеми многочисленными детьми. Не знаю, есть ли еще такие учреждения, где бы так дружно, интересно работали люди. Все были молоды. Как жаль, что никогда не повторится эта жизнь в таком сплоченном, дружном коллективе, как Дом Радио.

Сейчас наш Дом Радио по-прежнему стоит под горой, но уже никому не нужный. Грустно. Многие уехали на материк. Многие ушли в иной мир. Оба наших редактора в ином мире. Редактор русского отдела – Владимир Васильевич Давыдов, редактор национального отдела – Иван Николаевич Тапанан. Его верная жена Мария теперь живет в Ленинграде среди внуков и невесток.

Лингвистическая экспедиция в Палане

А недавно в Палану приезжала японка Юкари Нагаяма. Она взялась за очень сложный диалект ли, язык ли – алюторский. Сами не знаем. У нас есть литературный язык – это язык чавчуменов, язык оленеводов. Он понятен и доступен. Наверное, поэтому наши первые исследователи взяли именно этот диалект, когда создавались первые переводы, первые оригинальные произведения на корякском языке.

У коряков есть истории о воинственных людях, «элутэлг'у». Вот приведу небольшую легенду.

Однажды коряки-олeneводы узнали, что вечером должны нагряться *элутэлг'у*. Такой страх поднялся. Одна старая бабушка решила спасти свою семью. Она разделась, обмазала свое тело жиром, а родственники по ее приказу обсыпали ее перьями летающих птиц: гусей, лебедей. Подвесили огромный котел над потухшим костром. В котел посадили бабушку. Она сидела тихо. Но как только вошли *элутэлг'у*, бабушка забормотала. Такой страх на них нагнала, что все мигом убежали.

Видимо, все-таки воевали между собой чавчумены и алюторцы. Чавчумены изображали алюторцев сильными, но глупыми. А может, и алюторцы тоже сочиняли про коряков всякие небылицы. Но это фольклор.

Некоторые ученые считают, что алюторский диалект – это отдельный язык. Действительно, когда слушаю, не очень понятны для меня многие выражения.

Богатый языковой материал еще не изучен. Работники Дома Радио стали респондентами. На нашем радио работали в основном северяне, которые говорят на родном языке. Это чукчи, коряки, ительмены, эвены. Только эскимосов не было. И вот однажды к нам на радио пришла группа студентов с руководителем. Объяснили, что они побывали во многих республиках, а теперь хотят поработать с нами. Нужна им сравнительная грамматика. Мы – народ добродушный, сразу согласились помочь им. Нашим руководителем стал наш редактор Иван Николаевич Тапанан. Руководителем московских студентов МГУ был Городецкий. И вот однажды заходит он с группой студентов. Представились: откуда, зачем.

Задание для нас показалось смешным, потому что человеческое тело поделили на части. Мне досталась тема «от плеч до пояса». Моему коллеге Коле Нанану (к сожалению, его уже нет) – другая тема. Всем ребятам определенные части тела, как в анатомии. Студенты объездили много южных республик: Туркмению, Узбекистан.

Однажды в кабинет врывается Алевтина Никодимовна Жукова. Без всяких приветствий громко сказала:

– Ну что, работаете?!

Мне очень не понравилась такая грубость, я просто ответила:

– Да, работаем! – в таком же тоне.

Оказывается, она ходила в районный комитет КПСС, о чем она там говорила, не знаю. Только наш редактор, очень интеллигентный человек, созвал нас и объявил, что комитет КПСС не разрешает нам вести дальнейшую работу со студентами. Нам было очень неприятно слушать это. Я говорю:

– Иван Николаевич, ну, как же так? Люди приехали издалека. Надо помочь им. Как хотите, но мы не свернем нашу работу.

Как-то Коле Нанану говорю:

– Коля, я уже дошла до пояса, а дальше как ты будешь?

– А ничего, так и буду называть вещи своими именами.

Ну, мне-то легче: голова, спина, рука

А.Н. Жукова начинала с аспирантуры, учила ее Татьяна Александровна Молл, создательница нашего букваря. Татьяна Александровна была очень добрым, интеллигентным человеком.

В тот год, когда приехали московские студенты, я хорошо познакомилась с Ириной Анатольевной Муравьевой, и долго мы переписывались просто как знакомые. И вот однажды в очерке о корякском языке увидела ее фамилию под статьей, посвященной аляutorскому языку. Я бы *аляutorский* языком не назвала. А Володя Нутаюлгин считает аляutorский чуть ли не главным языком.

Язык аляutorцев очень плохо понимаю, поэтому мне надо их переспрашивать то или иное слово. Таким манером говорил и Кирилл Килпалин. Но о нем будет другая глава.

У аляutorцев есть особый говор, который отличается от других. Этот говор был родным для Марии Иннокентевны Притчиной. Как-то я брала у нее интервью, сложновато мне было ее понимать. По радио звучали великолепные стихи Марии Иннокентьевны.

М.И. Притчина была с ансамблем в Америке и очень восхищалась этнографическим музеем, где собрано много интересного:

– Ты представляешь, даже наш керкер. (Меховые штаны, по-чукотски «керкер», по-корякски «кейкей».) Они так сохранились. За ними такой пригляд, как будто только сшили и повесили. Там особый микроклимат, который сохраняет вещи в первоизданном виде.

Воспоминание о съемках фильма «Яна» и первом дипломированном корякском журналисте Игиклаволе Коле

Э то было в конце 80-х. Как-то в декабрьский день к нам на радио прибыла экспедиция из области во главе с Валерием Горбиковым. Это было перед праздником Конституции. Редактор нас собрал и объявил, что завтра будут снимать кино:

– Оденьтесь как положено.

Для съемок выбрали самый светлый кабинет.

На другой день приехали ребята из области. Руководил ими молодой красивый режиссер Валерий Горбиков, к сожалению, рано ушедший из жизни. А тогда он был почти юноша. Он – кинорежиссер, поездил по всей Камчатке.

Так вот, собрали нас в кабинете, в основном национальный отдел, и стали настраивать свое оборудование. Валерий сам руководил:

– Ребята, будет кадр, как будто вы за работой. Катя, садись сюда.

В кадре сижу уж очень деловая, якобы даю задание, слева от меня – Валерий Русанов, наш оператор, справа – Коля Нанан. Он из Олюторского района. Передо мной – Иван Николаевич Тапанан, якобы работает с магнитофоном. Слева от него – его жена Мария, наш оператор в национальном отделе.

Валерий зачем-то попросил ребят закурить, наверно, для создания видимости напряженной работы. Про себя я не могла сдерживать смех. Накануне попросила напрокат сарафан и белую кофту у своей коллеги Елены Ачетатовны Солдатовой. Она была бессменным диктором на национальном радио. Еще съемки не начались, тут нечаянно Коля Нанан руку приподнял. О ужас! Под рукавом распоролась рубашка, а поправить уже нельзя. Я по ходу шепнула:

– Коля, не поднимай руку, у тебя дыра!

Он, конечно, тут же прижал руку и держал так до окончания съемок. Выглядел, как парализованный. Потом мы долго смеялись над нашей бедностью.

Сняли фильм. После съемок устроили гостям великолепный банкет. С вечера договорились, кто за что отвечает. Стол выглядел замечательно: много мяса. Долго веселились. Кто-то просто беседовал, и музыка, и танцы. На другой день нас пригласили на просмотр фильма в наш клуб. Этот фильм впервые нам показали в Доме Культуры.

Режиссер Валерий Горбиков очень талантливый, он объездил всю Камчатку. Смотрим кадры фильма: вот у оленеводов, у депутата Верховного Совета Иннокентия Иннокентьевича Коеркова, он из Воямполки. Видим, как он получает удостоверение депутата из рук Виктора Михайловича Пономарева.

Виктор Михайлович Пономарев с женой в 1935–1936 году прибыли из Москвы, учить детей.

Еще совсем молодые люди попали в село Рекинники Пенжинского района.

Я была там, недалеко от села, потому что боялась отстать от парохода, который остановили на день. Желаящих повезли к берегу. Я с удовольствием поплыла к берегу на катерке, который назывался «Чемурнауд». Как только сошли на берег, встретили там наших паланцев, разговорились, и они рассказали:

– Вон за той горой Рекинники.

Как хотелось поехать туда и увидеть это селение! Кстати, где-то у меня в архиве есть печатный листочек, где написано, что в школе хорошо учились такие-то ребята, и среди них – Коля Игиклаво.

При жизни никогда не успеваем все запомнить да расспросить. Все откладываем. А ведь могла бы расспросить Колю тогда, в 1958 году, где он рос. Ну, раз пошел разговор о Коле, дополню данные. В 1958 в школе мест для двух учителей не оказалось, тогда я решила пока никуда из Паланы не уезжать. Маму уже не хотелось оставлять. Окроно устроило меня в сельский совет. Сельсовет занимал небольшой кабинет в окрисполкоме, и там познакомились мы с Колей Игиклаво. Даже не знаю, в какой отдел его определили, но частенько он просто так заглядывал в наш кабинет. Как-то спросила его, где он учился. Коля просто ответил:

– В Москве, в МГУ.

– В МГУ? – удивилась я.

– Да, закончил, вот теперь журналист.

– Коля, расскажи!

– Да просто решил, поехал и поступил.

– Наверно, было трудно?

– Да нет, но я скучал по родному краю, по нашей пище, мясу, юколе.

– А как же обходился? – спросила его.

– А знаешь, я ел только баранину.

– Коля, ну надо же, и ты жил в высоком здании?

– Да, на самом верхнем этаже. Ко мне прилетали голуби, я их подкармливал, мне становилось легко и радостно от того, что у меня рядом птицы.

Коля был очень скромным, был очень скромно одет. Всегда на нем легкая куртка. Может, торопясь, не подлечивался, как следует, и попал в беду. Вездеход, на котором он ехал с другими пассажирами, застрял в страшную пургу. Ничего не видно. Коля решил узнать, где дорога, сошел в такую страшную пургу с вездехода и там остался навсегда. Тогда многие пассажиры обморозились, искалечились.

Коля был веселый, простой парень. Любил пошутить, посмеяться над собой:

– Ты представляешь, ребяташки дразнят и говорят: «дядя Коля, ты похож на обезьяну», а я им: «возможно, возможно».

Олег мой очень ревновал:

– Вон твой Игиклаво!

Мне посчастливилось поговорить обо всем с этим удивительным человеком, нашим первым ди-

пломированным журналистом. Он, как Ломоносов, просто приехал поступать без всякой помощи. Он добился осуществления мечты, но очень мало жил, не успел даже жениться. Но по своей профессии все же поработал. Все время в командировках.

Спасибо Валерию Горбикову за то, что он оставил память о нашем замечательном земляке.

Все герои фильма, кроме меня, давно уже в ином мире, но они для меня всегда живы. О них нет-нет да расскажу детям.

Фильм «Яяна» – большой подарок для округа. В маленьком короткометражном фильме есть все: и люди, и природа, и старые обычаи охотников-предков.

Лыжный переход

Сегодня расскажу об очень интересном событии 1943 года, свидетелями которого были паланцы.

Мы уже учились в 4 классе. И вот однажды в полдень все паланцы собрались у реки, которую сейчас называют Хошиминской.

Была прекрасная, чуть морозная февральская погода. Вся Палана знала, что вот-вот должна подойти команда комсомольцев-лыжников из Караги. Ближе к полудню увидели приближающийся небольшой отряд. Видно было, что они очень устали. У каждого за спиной был рюкзак с поклажей. Вот наконец показался красный флаг, который нес передовой лыжник. Жители все бросились к ним, всем хотелось увидеть ребят поближе. Быстро разнеслась молва, кто и откуда пришел к нам на праздник. В числе этих смелых ребят были Мартемьян Петров, Алексей Безуглов.

Позднее мы встретилась с Мартемьяном Афанасьевичем Петровым. Он, как и Алексей Безуглов, позднее обосновался в Палане. У них появились семьи. Мартемьян Афанасьевич с удовольствием согласился дать интервью на радио. Он рассказывал:

– Не все знают, что первый лыжный переход Карага – Кинкиль – Лесная – Палана был проведен в 1937 году. Возглавил его председатель Осоавиахима Алексей Привалов. Затем по этому же маршру-

ту прошли комсомольцы Оссоры, участником того похода был и я в качестве политрука. Этот переход был повторен в 1943 году в честь 25 годовщины РККА.

Мартемьян Афанасьевич Петров долгое время жил у нас в Палане, а потом его перевели в Тигиль.

Однажды, находясь в командировке в Тигиле, я разыскала нашего земляка и подробно расспросила о лыжном переходе 1943 года. А переход был очень сложным.

В те годы основным транспортом была собачья упряжка или олени. Карагинский перевал считался сложнейшим. С детства об этом я слышала от наших дедов, которые приезжали погостить к родным. В разговоре за чаем они подробно говорили об очень страшном Карагинском перевале. И когда возвращались назад к своим стойбищам, все волновались:

– Как там? Прошли гости перевал?

Об этом перевале говорили как о страшном месте, где всегда бывали сильные пурги, всегда дул ветер. И вот через этот перевал комсомольцам впервые пришлось идти на лыжах.

– Нас было 10 человек, одна собачья упряжка. Продовольствие несли в рюкзаках. Часто попадали в пургу. Только на четвертый день отряд пришел в село Лесная. Несмотря на поздний час, народ собрался в клубе. Теплая встреча прошла в этом селе. Жители поселка узнали от ребят о цели похода, узнали о положении на фронтах Отечественной войны.

Мартемьян Афанасьевич с большой теплотой вспоминал те годы, тех ребят и девушек, с кем довелось работать. В те годы было много энтузиастов. Молодая медсестра Елизавета Шорникова, многодетная мать, всю жизнь проработавшая медсестрой в Палане. Первый секретарь окружкома ВЛКСМ Виктор Пономарев, Иван Кривенков, Константин Жаворонков и многие другие.

Мартемьян Афанасьевич рассказывал:

– Помнится мне такой момент. За целый день мы прошли примерно 40–50 км. Дошли до рыбозавода, который находился в верховье реки Карага. Этот завод тогда принадлежал колхозу «Ударник». Здесь нас встретила семья старожила, сторожа этого рыбозавода, потомственная семья оленевода-охотника Гавриила Ивановича Гуторова. Он нас поселил на ночь в теплую юрту.

На мой вопрос, по какому поводу был этот переход, с какими событиями он был связан, Мартемьян Афанасьевич ответил:

– 1943 год – наши войска перешли в наступление. Тогда многие наши земляки были призваны в Советскую армию, а те, кто оставался в тылу, готовили себя по призыву встать на защиту Родины. Именно в это время Военный совет Дальневосточного военного фронта обратился с призывом: «Где не пройдет танк, где невозможно пройти пешком, пройдет лыжник. Стране нужен такой лыжник, который хорошо натренирован, умеет ходить по самой трудной местности, преодолевать любые препятствия».

В это время по всей стране проходил Всесоюзный кросс имени 25-летия Рабоче-крестьянской Красной армии.

И вот, по инициативе Карагинского райкома комсомола и райвоенкомата было принято решение совершить лыжный переход Оссора – Лесная – Кинкиль – Палана и пройти этот путь обратно.

Расстояние примерно 700 км. В оба конца. И так была создана группа лыжников из 10 человек, участниками которой были: Иван Колегов из Караги, Иван Авласов, Владимир Тарабарин. Из Оссоры: Лев и Владимир Генрих, братья Лукашевские, Ахматкан, Илья Ханов, Алексей Безуглов и Михаил Нисамонов, учитель математики средней школы.

Работа над книгой «АЙГЫТКЫЛГ’ЫН»

Нередо мной лежит интересная статья, названная «От букваря до эпопеи: взгляд сквозь годы». Здесь много знакомых имен. Например, Георгий Ходжер – нанайский писатель. Он был намного старше нас, но мы их знали как старшекурсников. А вот Володя Санги – нивх. Мы вместе учились в Ленинграде. Он теперь известный писатель. Недавно позвонил с Сахалина. Друг другу желали много хорошего. Он очень просил, чтобы я приехала к нему в гости в нанайское стойбище, оно находится на севере Сахалина. Но, увы, мечтам не сбыться. Возраст и прочие причины не могут отпустить меня в гости к однокурснику Владимиру Санги. Хоть услышала его голос, очень молодой.

Многие из перечисленных в статье имен мне хорошо знакомы.

Расскажу о соавторе книги для чтения на корякском языке, Вере Ильиничне Кавав. «Книга для чтения» выдержала три издания. Идею ее создания подала моя подруга Вера Ильинична. Вера всегда была хорошим организатором. Как-то позвонила она мне на работу в окружное радио:

– Катя, давай напишем букварь.

Она работала в школе. Я засомневалась:

– А сможем ли?

– Значит так, программу делим на темы. Ты берешь вот такие темы и начинаешь работать. Надо букварь выпустить в этом году.

Тогда было советское время. Букварь краснел. Нужно было обязательно отразить жизнь великих людей и все дни красного календаря. Это нам очень мешало в творчестве. Но иначе было нельзя.

У меня – основная работа в Доме Радио, большая семья, но старалась задания Веры выполнить вовремя.

К какому-то сроку черновой вариант закончили, но нужны были иллюстрации. Меня вызвали в Ленинград, чтобы побеседовать с художником, дать ему какие-то советы. Букварь вышел. Для нас это была первая творческая удача. В школах вроде бы приняли неплохо.

Вера, моя подруга, была всегда очень правильным человеком. А мне нужен был поводырь, потому что я была очень наивной девушкой.

Кстати, с Верой вышли замуж одновременно. В одно время родились дети. Она родила дочь Лену, а я одних сыновей.

Так мы с подругой вместе всю жизнь провели. Только после ее смерти я узнала, как сложно у нее складывалась жизнь. Мне казалось, что у нее все хорошо. Вера со мной не делилась своими горестями.

Вера очень закрытый человек. Даже когда она заболела неизлечимой болезнью, то об этом я узнала от других людей. Она меня оберегала. Перед са-

мой смертью позвонила, чтобы я зашла к ней. Вера сидела и перебирала программу:

– Вера, может, врача?

– Нет, не надо... Я тебе не говорила, потому что боялась за тебя, у нас вечно одни болезни.

Каким надо быть мужественным человеком, чтобы перед смертью произнести такие простые слова, касающиеся собственной смерти:

– Катя, вон комод, третий ящик, там коричневое платье. Оденьте меня. Чтобы у меня в доме не было пьянки.

– Ну, что ты, Вера!

Я ее обняла за головку и пошла. Только дошла до дома, звонок:

– Веры нет!

Вот моя подруга с самых малых лет и до самой старости всегда была поводырем и организатором.

Веры уже давно нет, но память о ней, моей верной подруге, всегда будет со мной.

После смерти Веры издательство «Просвещение» предложило переиздать букварь. Я начала думать, как изменить книгу. Часть красных дней убрала и уже самостоятельно начала собирать материал. Работа меня заинтересовала. Взяла отпуск и с младшим сыном поехала в Санкт-Петербург поработать в издательстве над оформлением книги.

В «Книгу для чтения» вошли очень простые тексты, понятные ученикам. Переводы стихов Пушкина, Михалкова, еще стихи наших писателей и

поэтов-северян. Конечно, я оставила почти все тексты моей подруги Веры Ильиничны Кавава.

Перелистываю страницы, радуюсь, что в «Книге для чтения» все-таки отражена программа школы: две сказки, басни, маленькие рассказы о животных. Так что третье издание выдерживает проверку временем.

О старых батах

О Владимире Малюковиче, журналисте, этнографе почти ничего не знаю. Он бывал у нас наездами. Жил со своей семьей в Карагинском районе. Жена его – северянка. Есть дети. Сейчас живут в городе, а Владимира давно нет. Он обычно на радио общался с ребятами. Мы не мешали им. Поэтому даже интервью не успела взять у него. Кто он? Откуда? В папке найдешь ополовиненную его статью «Бат карагинца». Жаль, половину куда-то отложила. Очень интересно он писал о древних, почти исчезнувших ремеслах северян.

Вот, к примеру, «бат» – это долбленая лодка из цельного дерева.

Бат мог служить многие годы. Чем старше становилась эта нужная в старину вещь, тем крепче и лучше.

Я каталась по реке на бату. Нас перевозили на другой берег. Было очень страшно, потому что бат качался, как на весу. Надо уметь маневрировать. Батом управляли один или два человека. Длинными шестами упирались о дно реки. Хорошо слышен был шум тронутых камней.

Владимир Малюкович описал характер северянина: очень терпелив, трудолюбивый, доброжелательный, обычно немногословен. Но самое главное, Владимир понимал ценность древних ремесел.

У корякского бата особых украшений не было. Видимо, ценилась прочность, легкость, хорошая вместимость. Вот на таких лодках-батах перевозили во время войны много рыбы на рыбозавод. О других лодках, моторных, слыхом не слыхивали, мало кто видел их. Так что бат карагинца был очень нужным в жизни северян. Долго прослуживший бат чинили, умело латали кусками железа. И он еще долго служил людям.

Раньше коряки сами изготавливали всю хозяйственную утварь. Сейчас это у нас музейная редкость. А в детстве для меня все это было привычным.

О бубнах

Я не могу не рассказать о бубне – музыкальном инструменте коряков. Написать этот рассказ меня побудила песня в исполнении азербайджанского певца Рашида Бейбутова, мною всегда любимого.

Однажды утром за чаем услышала по радио песню в его исполнении. Вот слова: «Только у любимой могут быть такие необыкновенные глаза». Он так красиво пел! Вдруг где-то далеко, очень тихо пошло музыкальное оформление песни – очень мягкий звук национального маленького бубна. Наверно, азербайджанцы по-другому его называют. Но мне сразу вспомнились звуки нашего, на вид неказистого, музыкального инструмента – бубна, *яйй* – по-корякски. Когда, в какое время был создан первый бубен? Никто не знает. Но это древний музыкальный инструмент. Наши бубны делали умельцы. Это долгий процесс.

Во время весеннего или осеннего забоя специально для бубна подбирали шкуру. Аккуратно снимали, бережно, без всяких царапин и, самое главное, без гнезд личинок, которые любят гнездиться под пушистым оленьим мехом. Потом снятую шкуру оставляют до того времени, когда весной начнут появляться лужи от талого снега. В эти купели аккуратно складывали шкуры, как при стирке на замачивание, без всяких химических добавлений. Я

это видела и удивлялась, зачем шкуры замачивают. А потом поняла: готовая вымоченная шкура сама оставляет шерсть в яме. А голая шкурка уже готова к сушке. Сушат тоже очень осторожно, при умеренной температуре. Потом высушенные шкурки распределяют, что на что пойдет. Чуть поцарапанную или немного продырявленную пустят мастерицы на изготовление легкой летней кухлянки. Тонкие нити, умело скрученные, уже окрашены ольховым соком. На бубен оставалась самая лучшая шкура. Она становится похожей на пергамент. Мужчины делали обручи для бубнов. В березовом лесу знают, какую ветку надо срубить, потом слегка подготавливать. Эту ошкуренную ветку кладут на выпарку, чтобы она стала гибкой. Кипятят. Только потом начинается основная работа: сделать кольцо, чтобы на обруче, хорошо выструганном, не осталось трещинки.

Когда готов обруч, старики-умельцы (они были известны в своих селениях) приступали к главной работе: надо было натянуть голую шкуру очень ровно, без всяких складок. Они каким-то образом прикрепляют шкуру по кругу особым клеем из рыбьей кожи. Затем мысленно делят круг: в середине держатель трех крепко сплетенных веревок из жилы. Перевязанные веревки напоминают крест, по кругу обруча крепят давно заготовленные из железа конусообразные бубенцы. Их столько, чтобы в каждом месте при ударе играл бубен. В общем, целый оркестр.

У моей тети Коян был бубен. Он всегда хранился в чехле. Она очень берегла его, а мне так хотелось попробовать поиграть. Но она сказала:

– Ты не сможешь.

Тетя Коян, папина сестра, была очень строгой. Но зато я попыталась поиграть на бубне у бабушки Кокок. Она – двоюродная сестра моей родной бабушки Экэк. Однажды я зашла к бабушке Кокок и попросила исполнить танец с бубном. Мы изображали каких-то птиц. Она – ведущая, а мы следом. Так образовался круг. Она так легко держала бубен и еще напевала мелодию с красивыми горловыми выкриками.

– Бабушка, дай мне поиграть.

Она согласилась:

– На, попробуй.

Когда я взяла бубен из ее рук, он мне показался очень тяжелым, не смогла удерживать в нужном положении. Как лодка, переваливалась с этим бубном с боку на бок, а моя песня, подражание бабушке, очень отличалась от ее игры. Мы долго весело смеялись, и больше я не пыталась учиться игре на бубне. Здесь ведь и мастерство нужно, и душа. И тогда происходит слияние музыки и танца в единое целое.

Бубен испытал на себе гонение. До 1940-го года он был запрещен как шаманский атрибут. В одно время посчитали, что это шаманство, и все: замолкли веселые звуки в юртах. Только в наше время бубен вернулся. Сейчас бубны звучат на всех праздниках. Бубен получил настоящее признание.

Встречи с Кириллом Килпалиным

Они живут рядом, может, великие люди, но, когда общаешься с ними каждый день, то считаешь их совершенно обыкновенными.

Конечно, каждый по-своему обладает тем или иным талантом. Вот сегодня расскажу о нашем художнике Кирилле Килпалине. Он сумел стать настоящим художником.

Познакомились мы с ним совсем случайно. Нас молодых, мужа и двух ребят, поселили на краю села, под самой высокой горой, рядом с кладбищем. Этот дом принадлежал госпромхозу. Сейчас бы сказали: офис. Общий коридор и три квартиры для семей. Оказывается, в то время Кирилла Килпалина устроили в Дом культуры оформителем. И вот живем в доме три семьи: Кирилл, одна многодетная мать с детьми и я с двумя мальчишками. Бывало, мужа не дождусь до позднего вечера. Однажды сижу одна, что-то в комнате прибираю. Вдруг заходит Кирилл. Маленький, с доброй улыбкой, подходит и говорит:

– Я с тобой хочу поговорить.

Я говорю:

– Конечно, Кирюха, расскажи о себе.

И вот начал тихо рассказывать. Некоторые слова я не могла понять. Говор у него был своеобразный: тут и нымыланский, алюторский, чавчувен-

ский – все перемешалось. Он на алюторском диалекте сначала говорил, а потом перешел на русский.

– Кирилл, расскажи, как ты учился во Владивостоке, наверно, интересно? Почему не закончил учебу?

– Было трудно, – ответил он. – Мне нужны были деньги, чтобы вернуться после каникул на учебу во Владивосток, поэтому на другой год не поехал учиться.

Лето, белые ночи. Долго говорили обо всем, и вдруг он мне говорит:

– Катя, выходи за меня замуж. Я вижу, тебе трудно.

Я ему просто отвечаю, а про себя думаю: «Вот какой смелый человек»:

– Нет, Кирилл, у меня муж, дети.

Я, конечно, потом рассказала Олегу об этом. Он рассердился и наговорил Кириллу напрасных слов.

Уже осень, рыба стала старой. А Кирилл растопит костерок возле дома, поставит котелок для уха. Так вкусно уха варится.

– Кирилл, как у тебя получается такая вкусная уха?

А он, довольный, объясняет:

– Надо все сюда складывать: и головки, и специи, тогда будет вкусно.

Как незаметно пришел жить в наше общежитие, так незаметно и исчез. Но к нам на радио по приезду из Хаилино Олюторского района он был приглашен на выступление. Тогда Кирилл еще был здоров. Он такой маленький, смешливый.

Наш редактор, Иван Николаевич Тапанан, прекрасно понимал его. Однажды попросил Кирилла рассказать сказку про камбалу. Кирилл с удоволь-

ствием рассказывал, как будто он один перед микрофоном. Между рассказом вдруг немного замолчал, что-то вспоминал и с веселым азартом продолжал:

– Почему у камбалы оба глаза на одной стороне?

Спрашивал и, не дожидаясь ответа, говорил дальше:

– В общем, однажды подрались рыбы. Камбалу так растоптали, что глаза оказались на одной стороне.

Потом со смехом рассказывал дальше. Нам было очень интересно слушать. Эта запись осталась в нашей фонотеке. Когда-нибудь найдут. Вот таким Кирилка был умелым рассказчиком.

Спустя годы как-то полетела я в командировку в Хаилино, где жил последние годы художник. Его уже не было. Как приехала, сразу расспросила, где дом семьи Килпалина. Они мне показали. Но еще раньше ко мне в гостиницу заглянула молодая вдова Кирилла. Мы с ней побеседовали, попили чаю. Она была еще очень молодой, веселой женщиной. Мы вместе с ней поохотали над всякими историями. Уходя, она попросила меня зайти к ней.

Было тепло. Село чистое. Тихая размеренная жизнь. Одна главная улица, а к домикам – тропки. Вот я в гостях в доме Кирилла. К стене прислонены картины, одна картина очень большая.

– Это Аня, Кирилл нарисовал для меня, – сказала жена Кирилла.

К сожалению, не помню ее имени. С картины смотрела на меня молодая девушка в национальном одеянии.

– Это Аня, – ласково сказала супруга Кирилла.

Потом я попросилась съездить на Тополевку, его летовку, где художник проводил большую часть времени. К несчастью, с Кириллом случилась страшная беда, но после нападения медведя он все-таки выжил и еще работал. Было много выставок его картин: и в окружном центре, и в области.

Мне запомнилась картина Кирилла Килпалина «Куйкынняку». Вот каким видел нашего Куйкынняку художник. Куйкынняку – главный герой многих сказок. По всей Камчатке на всех диалектах о нем говорят, как о хитром, ленивом, любвеобильном чудеке. Приведу маленькую сказку.

Однажды Мити (жена-красавица, очень умная, добрая мать нескольких сыновей) попросила старика Куйкынняку сходить на охоту. Мити собрала ему еды, и он отправился. День проходит, другой, а его нет и нет. Вдруг сынишка заходит в юрту и говорит:

– Мама, а вон там недалеко из землянки дым идет, пойдем, посмотрим?

Когда дошли до жилища, заглянули внутрь. А там Куйкынняку так хорошо расположился, какую-то вкусную еду готовит. Старик не растерялся и сказал, что только сел отдохнуть, никакого зверя не добыл. Оказывается, никуда не ходил. Его обманывали всякие звери. Правда, и он тоже свою жену Мити вечно старался перехитрить. Кирилл изобразил Куйкынняку таким, каким ему виделся герой наших сказок.

Вот как запомнился мне наш первый художник Кирилл Васильевич Килпалин.

О сказках про Куйкынняку

Куйкынняку – герой наших сказок. Он очень смешон, незлобив, всегда его обманывают, иногда кажется глуповатым. У него была жена-красавица по имени Мити. Она растила двух сыновей, а Куйкынняку, муж и отец семейства, якобы добывал пищу. Всегда приходил он обманутый и ни с чем. Его легко одурачивали, а он, как дитя, всем верил. Его ласково называли «дедушкой». Куйкынняку был любвеобильным. Ему очень нравились красивые женщины. Много интересных случаев, когда он сам обманывался. Например, однажды сел отдохнуть у тихого пруда, и вдруг ему показалось, что на него смотрит красавица. Он так обрадовался, что хотел заманить ее к себе. Начал якобы дарить ей вещички из мешка, поговаривая:

– Ну, что, ты очень красива. Хочешь, бери красивую чашку?

Бросил чашку в воду, где его отражение, волны колышутся, образ исчезает, а Куйкынняку:

– А, тебе это не нравится? Ну возьми вот это.

Опять выбросил что-то из мешка. Поверхность воды заколыхалась – снова исчез образ женщины. Так все подарки для жены подарил воображаемой девушке. Домой приходит всегда пустой. Мити никогда не бранила его, а просто просила сходить

на охоту или на море, принести еды. Однажды ему повезло. На берегу моря Куйкынняку нашел маленькую нерпушку. Положил в мешок. По дороге сел отдохнуть и уснул. Мыши так разрисовали ему лицо, что Куйкынняку сам себя не узнал. А все добро растащили по норам. Приходит домой, Мити говорит:

– Ну что с тобой? Весь разрисованный!

– Да мышата меня встретили, очень хорошо уговаривали, я и заснул.

Таких историй было много. Куйкынняку мне нравится. Он незлобив, но ловелас. А Мити все ему прощала. Когда эти сказки появились? Но они до сих пор живут.

Почему-то Кирюша Килпалин не оставил образа Мити, тихой, домовитой женщины. Эту сказку долго будут помнить, пока народ не потеряет свой язык. На любом диалекте сказочный герой остается узнаваемым, только с некоторыми добавлениями, которые придают каждому варианту неповторимость. Слушать о Куйкынняку очень интересно. Его не спутаешь ни с кем из героев.

Сколько зверей, столько и характеров. Про рыб свои истории. Например, почему морской бычок с большой головой, почему у камбалы оба глаза на одной стороне. А сколько интересных легенд слушала от бабушек.

У эвенов очень длинные сказки. На одной остановлюсь. Это эвенская сказка, подаренная бабушкой Кокок Аммовной Уркачан. Видимо, в жизни

всегда были богатые и бедные. Богатые родственники из жалости брали бедняков к себе.

В богатом стойбище жила одна старая слепая женщина, бедная родственница. Стойбище переезжало на другое место. Двинулся караван. На остановке один мужчина долго присматривался к изгибу старой березы. Дерево согнулось, как будто оленья спина. Отдых закончился. Кучка богатых людей о чем-то побеседовала. Все уже приготовились в дальний путь. Только одна слепая бабушка сидела тихо, ждала, что к ней подвезут оленью упряжку. Мужчина спокойно берет шкуру оленя и кладет на изгиб дерева. Чем не олень? Просто сказали:

– Бабушка, вот твой олень.

И посадили бедную бабушку. Оставили ее, потому что, видимо, она была им в тягость. И вот сидит старая женщина и думает:

– Почему такая тишина?

Ногами как будто подталкивает оленя, а он не идет. Сколько пробыла в одиночестве старая женщина? Нам неизвестно. Только очень грустно. Я всегда помнила эту сказку. Очень страшно на старости быть ненужным человеком. Все-таки мудрыми были наши предки. Брошенная старая слепая женщина каждый день надеялась, что придут за ней. Но, увы, этого не случилось. В сказках иногда появляются такие примеры, которые заставляют задуматься.

О переводе повести Кеччая Кеккетына

Раньше не принято было говорить о первых корякских писателях, а о научных работниках тем более. Когда я училась в Ленинграде, ни разу не слышали лекции о творчестве наших корякских писателей. Как жаль, что мы не обратились тогда к нашим землякам. Они ведь все были рядом, многое знали.

Работая на радио, мы начали понемногу узнавать о жизни корякских писателей.

Как-то попалась мне книга для чтения. В конце было написано, кто работал над книгой. Так впервые узнала о С.Н. Стебницком. Наверно, в Ленинграде можно было узнать многое о нем.

В школьной библиотеке в Палане были книги на корякском языке. Школьницей я читала «Жизнь Имтеургина старшего». Эта книжечка очень понравилась мне, в ней рассказывалось об охотнике. А помогал издавать эту книгу В. Тан-Богораз.

Моя бабушка знала семью Кеччая Кеккетына. Она говорила, мама была красивой, а отец нет. Мейнувьи, брат Кеччая, похож на отца. Везде пишут «Кецчай», но это не по-корякски. Правильное звучание «Кеччай». Наверно, это имя произошло от прилагательного *ныкечгыкен* «густой». Может быть, родился с густым волосам, поэтому и назвали

Кеччай? От этой основы образованы многие имена мужские и женские: *Кечгын* (женское имя), *Кечг'а* (мужское), *Кечгылкот* (мужское), *Кечгыле* (мужское), *Кеччын* (женское). *Кечане* «лебедь» (у него тоже очень густое оперение).

Впервые я прочитала повесть Кеччая Кеккетына «Последняя битва» в Ленинской библиотеке. Библиотекари дали мне ксерокопию. Тогда я начала смотреть текст и читать его на латинице. Меня так увлекла эта повесть, что я переписала весь текст от руки по современным правилам чавчувенского языка уже на кириллице. Попросила сделать переплет. Это было в 1980-е годы/

Много раз перечитывала и решила перевести на русский. Все это лежало, лежало, с места не могла сдвинуть – начать работу. Мы встретились в нужное время, я начала работать.

Самое трудное – оттолкнуться от построчного перевода. Ты знаешь, были бы силенки, я бы снова начала бы переводить эту повесть. Даже «Нотайме» Л. Жукова хотелось бы перевести с нымыланского на чавчувенский.

Воспоминания о Галине Овчинниковой

Хочу написать о нашей журналистке Галине Овчинниковой. Она любила ходить одна. О своей болезни никогда не рассказывала. Всегда была веселая. Так она любила природу. Могла хоть куда уйти. Где-то в густом кедрачнике на склоне горы она уронила красивую куртку, очень жалела о потере. И вот однажды мы добрались до того места. Шли прямо по верхушкам кедрачника, как по волнам. Вова шел сзади, вдруг кричит:

– Мама, я нашел куртку!

Мы все подошли и стали вспоминать, как Галя потеряла куртку. От куртки, конечно, остались одни лохмотья. На всякий случай, проверили карманы. И надо же, там нашли красивую губную помаду и зеркальце. Очень обрадовались, хоть Гале что-то покажем. Галя очень тогда удивилась.

Мы с Фаиной Косыгиной не очень любили брать с собой Галину. Она все время просила развести костер:

– Девочки, ну, давайте остановимся, я есть хочу!

Ну, ладно, так и будет. Она так ловко разжигала костер. Из сумки вытаскивала всякие красиво упакованные баночки: там и салаты, и прочие кулинарные изыски. Мне нравилось, что у Галины всегда все было чистенько, даже скатерку с собой таскала.

А если уху затеет, то на весь лес аромат, потому что все приправы с собой припасены. Ягоду собирала очень чисто, пусть будет немного, зато без мусора. Это наша Галина Валентиновна Овчинникова.

Когда-то они с Фаиной Николаевной Косыгиной раздобыли в Ленинке 2 коробки с повестью «Последняя битва». Текст был на латинице, которая меня просто заморозила. Было бы здоровье, наверно, сейчас совсем по-другому начала бы перевод знаменитой книги.

Галя – любитель путешествовать. Однажды Галя чуть не утонула. У нас есть побережье моря. По нему в хорошую погоду можно уйти хоть куда. Я прошла однажды по этой дороге. Чуть от страха не потеряла разум. Вроде бы, берег как берег, никаких волн, тишина. Только справа, как будто обтесанный лопатой, крутой утес. А наверху – густой кедрачник. Там есть тропка, по ней ходят медведи. Вот Галя рассказала мне эту историю:

– Представляешь, мы с другом пошли в сторону 117. (Так называется место у берега моря). Катя, чуть не погибли. А море – коварная штука. Такая тишина, а через минуту не узнать тихого пологого берега.

Надо знать, когда начинаются двойные воды. Не дай бог, унесет в море. Идем спокойно, на море тихо. Только чайный гомон будоражит тишину. По большим булыжникам прыгаем. Вдруг стала замечать: а вода-то вроде прибывает. Действительно, только что стояли на том камне, а его уже не видно. Тут

заспешили, а море все ближе и ближе, уже брызги летят на одежду. Я оглянулась и увидела такую картину: моя розовая курточка плавает по волнам, рукава растянуты, как будто человек. Мы быстро стали искать в гладкой стене приступы, какие-либо корни, чтобы подняться на гору. Кое-как дошли до основания крутого берега. Передвигались как скалолазы. Кое-как добрались до маленькой площадки и остановились – больше некуда двигаться.

А море грозно шумит, шумит. Слышен шум сердитого моря. Так всю ночь просидели на приступке, а море все прибывало и прибывало. Такого страха в жизни не испытывала. А к рассвету море стало утихать. Волны стали отходить от берега.

И через некоторое время увидели доброе, как будто ничего не было, спокойное море. И птицы легко, играючи, начали свою жизнь.

Этот рассказ Галины Валентиновны Овчинниковой пусть будет памятью о ней.

МУДРОСТЬ

Моя весна

В этом году весна не радует: очень холодно и неудобно. Но жители очень быстро справились с весенней картофельной страдой. В этом году попросила сына взять меня на наш огород. Огород расположен в очень красивом месте. Совсем близко от Паланы. Ты знаешь, так хорошо почувствовала себя на природе. Кажется, свежий воздух наполнил весь организм, и ничего не болело. Только ночью напомнили о себе недуги.

Кукушки куковали, птичий гомон, столько солнца! На огороде уже много лет растет очень красивая береза. Даже по коре видно, что этому дереву уже много лет. Это мамино дерево. Снизу совсем состарилось, но на верхушке каждой весной вырастают новые побеги.

Когда-то я могла за считанные минуты дойти до огорода, а сейчас целая проблема. Но, спасибо, помогли в соцзащите с машиной. Так что побывала на огорожке. Когда-то давно я посадила смородиновый куст. Он так разросся, а по краям – молодые саженцы. Зайчатки не все погрызли.

Кое-как на одной ноге пыталась дойти до любимых мест. Но уже не дано. Нога застряла в сплетении старой соломы, и я сразу упала вверх ногами.

Не могу встать без сына. В общем, хорошо, что рядом не было людей, а то бы подумали: «Совсем старуха с ума сошла».

Кое-как доковыляла до места чаевки, чуть повыше огорода. Столик совсем развалился. Села на корневище, и такая тоска на меня нахлынула. И жизнь во сне. День был прекрасный: жара, комаров нет, одни крики кукушек и залиvistое пение разных птичек. Я очень долго не выходила на природу. А тут такая красота и воздух! Я себя почувствовала совсем здоровой, только забывала, что все-таки одна нога почти неживая. Так хочется пробежаться по лесу, но... Потом все-таки набралась смелости и доползла на одной ноге до нашего старого огорожка.

Когда я еще была здорова, то хотела сделать там небольшой садик. Сделала грядки для морковки и каждый вечер проходила расстояние километра в три, никого не боясь. Приходила на огорожок, чтобы только полить свой «садик». Высадила землянику, сейчас она так разрослась без должного ухода. Притащила куст малины, ростки смородины. В углу небольшой костерок, обложенный камнями. Чуть повыше – чистый горный ручеек. И вот довел меня Вова до этого садика, чтобы я любовалась. А мне так грустно, что никого рядом нет, костерок зарос мхом, надо бы почистить. А столик, хоть и стоит, совсем наклонился. Только мною привязанная веревка (разметка площадки) – как будто вчера привязала. Сидела-сидела и вспоминала друзей,

потом позвала сына, чтобы довел к себе, где огород копает. В общем, со мной на посадочные работы лучше не ходить: только обуза.

Но в садике все-таки испытала такое чувство, что хватит надолго. И тут вспомнила недавний сон: во сне все так прекрасно. Я пошла за ягодами, а посуду не взяла. Снится, что на земле после дождя остались лужи. Такая теплая, с легким дуновением ветра природа в тишине. Людей – никого. Только я одна вглядываюсь вдаль и как будто узнаю знакомые места. Неожиданно появилась подруга Лена, на самом деле она давно умерла. Через некоторое время пришла Катя, знакомая женщина, всегда приветливая. Мы все обрадовались внезапно образовавшейся компании. Видимо, уже осень, потому что ягодные кусты были почти пусты, только изредка встречались одинокие ягодки голубицы. Листья будто бы немного обгоревшие. И тут просыпаюсь с досадой. Как хотелось еще побыть там.

Вот жизнь живая и жизнь во сне – они совершенно разные. В реальности прогулка в лес – сейчас целое испытание для меня. Хоть и «покувыркалась» от бессилия, но все равно настоящая прогулка зарядила меня энергией. Правда, увидела, что многие деревья тоже повалились, как и я, некоторые, несмотря на дряхлость, все же по-старому дают кроны пушистой зелени. Мне так хотелось помочь сыну на огороде, но он только и слышал от меня:

– Вова! Помоги, не могу встать.

– Мама, мне надо копать, а я только за тобой бегаю.

Потом начинаю смеяться над собой. Хорошо, что рядом никого не было, а то бы посудачили. Вот как скоротечны годы! Ведь только вчера носилась по горам и долам, а тут на ровном месте устоять не могу.

СНЫ

Сны для меня как волшебные явления. К сожалению, я никогда не расспрашивала моих родных о снах, да и бабушка как-то на этом не останавливала внимания. Сегодня я поведаю о разных снах в разном возрасте. В детстве я была очень веселой. Из оленьих рогов соорудила себе «кровать», накрыла шкурой. До утра «кровать» не выдерживала нагрузки, и я оказывалась на полу.

Мы ходили в школу, а вечерами слушали нашу замечательную сказительницу Кокок Аммовну Ур-качан. Она приходилась моей бабушке родственницей. Бабушка Кокок рассказывала интересные, долгие эвенские сказки. Иногда до конца не доводила, а оставляла на завтра. На другой вечер мы просили ее дорассказать. Это были очень добрые вечерние минуты отдыха.

В детстве мне особо не снились сны, вероятно, за день мы так уставали, что после сказки наступал у всех крепкий сон. Пишу и удивляюсь: «Неужели, это было со мной? Может, это и есть сон?»

С возрастом сны стали появляться чаще. Иногда очень радостные. К примеру, я очень любила танцевать. Когда училась в школе, записалась в танцевальный кружок. Очень любила вальс. Однажды приснился прекрасный сон. У меня уже родились сыновья. И вот снится сон с прекрасной музыкой: я вальсирую босиком, почти не касаюсь земли, как

будто летаю над землей. Внезапно я проснулась, а в голове еще звучала давняя мелодия военного вальса «Ночь коротка...». Мне было жаль, что закончился сон.

Я обычно делюсь интересными снами. Еще когда были студентами, в ансамбле «Северное сияние» под руководством Татьяны Федоровны Петровой-Бытовой мы разучивали танцы многих народов. И вот однажды, уже в зрелом возрасте, мне приснился дивный сон. Как будто мы готовились к концерту. Нашим номером был испанский танец. На мне широкая юбка, кофта. Тонкая талия. Все волнуемся. Кто-то опаздывает. Я ищу гребешок, которым испанки закалывали волосы. А музыка! Носимся, волнуемся. Все прямо как наяву. Проснулась, очень огорчилась, что не удалось исполнить дивный испанский танец, а музыка продолжала жить в голове. Сон был такой явный, что я взяла листок и записала его. Получился хороший рассказ. Только потом куда-то сложила и не нашла. Где-то лежит в моем архиве.

Но не всегда сны радуют. Бывает, что во сне делаю большую генеральную уборку: выкидываю хламье и обязательно мою полы, но сон внезапно исчезает. И радуюсь, что это был сон.

Я всегда очень боялась высоты. Мне часто снился сон, будто на высокой скалистой горе, как альпинист, продвигаюсь по скале. А внизу очень далеко видны волны, бьющиеся о скалы. Еще крепче прижимаюсь к скале. О, какая радость! Я проснулась, а сердце колотится так, как будто я на высоте.

Бывали сны деловые. У нас такая работа: надо успеть к сроку все записать и вовремя выйти в эфир. А тут снится сон, что пленка порвалась. То снится, что не доделала программу, а я уже в студии. Думаю, что делать. Какие-то листочки собираю, а сама лихорадочно решаю, как выйти из трудного положения. Просыпаюсь вся в поту и радуюсь: хорошо, что это сон.

А есть сны как бы предсказания. Например, незадолго до смерти мужа вижу странный сон. Как будто постирала белое белье и расстелила прямо на землю, на чистую траву, чтобы просохло. Подруга мне говорит: «Это саваны». И, правда, вскоре умер муж. Мне было очень нехорошо.

У наших есть поверье: если во сне увидишь мясо или рыбу – это к худу, к болезни. После таких снов настроение падает.

А иногда приходят смешные сны. Вот я в магазине: что-то хочу купить, а денег не хватает. Просыпаюсь и смеюсь: «Господи, во сне и то ничего не могу купить».

Когда в семье начались всякие неурядицы, приснилась мама, как наяву произнесла: «Дочка, мне жаль тебя». А в другой раз во сне взяла за руку и так тянула куда-то за полог. Я страшно испугалась, но успела отдернуть руку от нее. Когда проснулась, было не по себе. Вообще, во сне редко вижу ушедших в иной мир. Если их вижу, они, как бы, бессловесные, всегда молодые и радостные.

Но самый интересный сон мне привиделся, когда очень болела. Я его хорошо запомнила. Вот этот сон. Красивое голубоватое небо превратилось в купол цирка. Прямо из центра этого купола спускается крепкая ровная бечева или веревка. Я схватилась за нее и закружилась вокруг своей оси. И так плавно кружилась в этом красивом куполе. Вижу, что это небо, и в то же время как бы не оно. Так было хорошо. Потом стала медленнее вертеться вокруг своей оси и купола одновременно. Стала плавно опускаться на землю. Меня какая-то сила покружила и очень осторожно поставила на землю. Это было прекрасное видение! Потом не заметила, как стала понемногу двигаться, в общем, ожила. Как это назвать? Не знаю.

Сон о Лиле

В школе у меня было много подружек. Самая любимая была Лиля.

Она была по фамилии отца Процентова, потом мама вышла замуж за торгового работника Македонского, и Лиля впоследствии стала носить фамилию отчима. Лиля уехала в Хабаровск в мединститут, а я в Ленинград. Это было в 50-е годы. С ней некоторое время переписывались, а потом стали взрослыми. Лиля закончила мединститут, работала долгое время в областной больнице. Давно ее ищу, может, через Интернет найду. Мы с ней одногодки.

Вот снится сон: Лилию встретила в университете. Так было радостно. Она будто привела меня в общежитие. На столе стоял красивый букет всяких цветов. Очень красивая ваза. Я похвалила. Она тут же еще добавила к букету пучок бордовых роз. Мы с ней так хорошо общались, как в детстве. В общем, сон приснился, потому что о ней часто думала. Надо найти ее.

Сон об Эрике Гребзде

На встрече с участниками ансамбля «Северное сияние» вспоминали о своих друзьях. И вот сегодня мне приснился такой странный сон. Как будто лето, тепло. В реальности я укрылась теплыми одеялами, наверно, поэтому и приснилось, будто жара. Я ищу Эрика Гребзде. Он – алеут, наш земляк. Мы вместе учились на подготовительном отделении и закончили в один год институт. Только он учился на физмате. Впоследствии работал в Институте вулканологии. Перед этим сном о нашем однокласснике Эрике вдруг заговорил Владимир Косыгин. И вот я во сне хочу увидеть Эрика. Прихожу в какой-то дом и узнаю, что он только передо мной ушел. Оставляю записку, и так хочется встретиться. Так дальше снится: никак не могу застать. Туда, где он только что был, прихожу с опозданием. И, наконец, хоть во сне встретились. Так обрадовались: начали говорить-говорить. А потом он сказал:

– Я еду в Питер.

– Как же так? Вот только увиделись, а ты уже улетаешь?!

Стоит совсем как наяву: молодой, светловолосый, с «армянским» носом. И думаю:

– Вот ты какой!

Очень не хотелось просыпаться, встреча во сне была совсем как реальная.

Сон к деньгам

Вот еще один сон. Снится, будто где-то живу в бедной комнатенке. В углу на каких-то тряпках лежит малыш. Он плачет, ему хочется есть. Почему-то у стола хозяйничает Алла Пугачева. Я очень волновалась за ребенка, чем бы накормить? В руках оказалась вареная в мундире картофелина. Но вдруг ее кто-то съел. Я думаю: «Как же так?» И тут вспоминаю, что у меня же есть каша. Ну тут проснулась. Мне стало грустно и смешно. Об этом сне тут же рассказала сыну Володе. Я ему говорю:

– Это хороший сон.

И, правда, днем позвонили с почты и велели прийти за переводом. Валерик деньги прислал. Сынок Валера, младший, и невестка Таня все время помогают. Вот такие чудеса.

О житье-бытье

Я очень счастливый человек. Все видела, жила с родными, кочевала, как и все мои предки. У меня были очень хорошие родители и бабушка. Они воспитали нас с любовью. Когда прочитала Евангелие, я еще раз убедилась, как ясно представляли наши предки наше земное невечное существование. Они знали, как надо прожить жизнь.

Наша семья никогда не была богатой. Мы были на грани нищеты, но выдюжили. Очень жалею, что отца рано потеряли. Маме с бабушкой было очень трудно поднимать нас. И все-таки мы не теряли радости жизни. Нас спасала наша природа и бабушкин жизненный опыт.

Недавно меня насмешила справка, выданная из пенсионного отдела: «Дедык Е.И. пожизненно работала на радио 45 лет и 70 дней». Мы с Вовой так хохотали: пожизненно!

Одна чиновница как-то спросила:

– Екатерина Ивановна, у Вас есть хоть какие-нибудь грамоты?

Я ей отвечаю:

– Полный чемодан, но одна награда для меня самая ценная: «Отличник радиовещания и телевидения».

У нас эту награду вручали только трем журналистам: Майе Цыгановой, Ивану Николаевичу Тапанану и мне.

*Мы на нашем паланском стадионе:
внучки Яна, маленькая Кристинка и я, еще немного ходячая*

Теперь о житье-бытье. Нас воспитывали совсем неграмотные родители, мы были очень свободны и нам доверяли. Старалась на их примере так же относиться к детям. Мне кажется, не зря. Вова, мой первенец, уже пенсионер. Он во всем мне помогает. Все хозяйство на нем: и стирает, и варит, и покупки делает. Я сейчас неходячая, да еще и левая рука после инсульта парализована, так что Вова для меня теперь и руки, и ноги.

Второй сынок Игорь работает в Институте усовершенствования учителей в Палане. Ведет информатику. Невестка Валентина защитила диссертацию по корякскому языку, ей присвоили звание доцен-

та. Сейчас она работает над созданием учебников по родному корякскому языку для учеников старших классов. Их старший сын Костя живет и работает в Палане, дочь Яна учится в Санкт-Петербурге в аспирантуре. Младшая доченька Кристина еще школьница. Она окончила музыкальную школу, танцует в ансамбле.

Марк, мой третий сын, живет в Хабаровске. Он тренер по японскому боевому искусству. Его дочь Катюша живет с нами в Палане. У Катеньки подрастает дочка Юлечка.

Валерик, четвертый сынок, уже тоже стал дедушкой. Валерий работает геодезистом. Они с женой Таней, сыном Олегом и доченькой Катей живут в Южно-Сахалинске. Олег, названный в честь деда, отслужил в армии, сейчас учится в институте на программиста. Катюша окончила институт по специальности «Технолог пищевых продуктов». Недавно Катя стала мамой, у нее родился Максимка, мой маленький правнучек.

О себе не буду, все стареет, но мысли, слава Богу, не теряются. Таня, у меня со здоровьем нелады, глаза стали очень слабы, наверно, замечаешь по почерку. Ноги совсем не держат меня, сразу падаю. Но не сдаюсь. Мне интересно работать с этими материалами.

Время так быстро идет, а старость радуется нашей немощи. Но ничего, мы еще поборемся. Дай Бог всем здоровья!

Екатерина Ивановна

Содержание

Предисловие	3
Автобиографическая справка	6

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Памяти моих бабушки и дедушки	8
Моя семья	16
Переезд в Палану	21
Школа в Палане	24
Детство	27
Судьба бабушки Экэк	38
Наши семейные посиделки	47
Трифон Якимович Кавав	50
Мой первый театр	57
Гроза	60
Памяти Андриана Мохнаткина	63
О воспитании детей	67
Природа и мы	69
День Победы	78
Рисунки в детских книгах	82
Первый школьный день	87
Наш вожатый Васе	90

ЮНОСТЬ

Учеба в Ленинграде	93
Школьный выпускной	115
Татьяна Федоровна Петрова-Бытова	118

ЗРЕЛОСТЬ

Поэзия Роберта Бернса	128
Моя взрослая жизнь	130
Первенец	143
Об именах	144
Путешествие в Орехово-Зуево	147
Неожиданная встреча в аэропорту	149
Поездка в Болгарию	151

ДОМ РАДИО

Окружное радио	155
Лингвистическая экспедиция в Палане	168
Воспоминание о съемках фильма «Яяна» и первом дипломированном корякском журналисте Игиклаволе Коле	172
Лыжный переход	177
Работа над книгой «Айгыткыл'ын»	181
О старых батах	185
О бубнах	187
Встречи с Кириллом Килпалиным	190
О сказках про Куйкынняку	194
О переводе повести Кеччая Кеккетына	197
Воспоминание о Галине Овчинниковой	199

МУДРОСТЬ

Моя весна	202
Сны	206
Сон о Лиле	209
Сон об Эрике Гребзде	210
Сон к деньгам	211
О житье-бытье	212